



Литературный Иерусалим

19

ИЕРУСАЛИМ
2019

УДК 821. 161. 1-1
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Литературный Иерусалим

Литературно-публицистический журнал

Выпуск № 19

Издание Международного Союза Писателей Иерусалима

при

Федерации Союзов Писателей Израиля

Главный редактор: ***Евгений Минин***

Редакционная коллегия:

***Ефим Гаммер,
Александр Перчиков, Владимир Френкель***

Издательство «EVGARM»

Контактный телефон 050-3949395

*В некоторых случаях сохранены особенности
авторского написания, и авторы несут ответственность
за достоверность предоставленных материалов.*

ISBN 978-965-7209-21-11-6

© Все права принадлежат авторам

Отпечатано в типографии «НОЙ»

Владимир Френкель

СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА

* * *

Памяти Л.З.

По асфальту шаркающий старик –
Вот в кого превратился я, как услышал
О твоей кончине. Не стон, не крик,
А земля качнулась, лишь только вышел...

Где теперь мы встретимся? У Невы?
Нет. Не в Царском, не на Дворцовой, и не
На далекой Выборгской, нет, увы,
Может, там, в небесном Иерусалиме?

Не планируй встречи. Нельзя, нельзя
Ничего предвидеть, и всё невнятно.
Мы теперь навеки с тобой друзья,
Ты поэтому, верно, ушла внезапно,

Чтобы там, вдали, предварить обряд
Нашей встречи, мы не ошиблись местом,
Это место встречи, не рай, не ад,
А прекрасный город в краю небесном.

НА ОКРАИНЕ

Здесь кончается город. А дальше уходит проселок,
Не шоссе, не дорога – песчаный проселочный путь,
Никаких фонарей, только лунный блестящий осколок
Освещает его, обещая не спать, не уснуть.

Огоньки вдалеке. Может, дальние светятся окна,
Может, волчьи глаза, нет – фонарь станционный горит.
А вокруг – ни души, и трава под росой намокла,
На железной дороге лишь сторож вокзальный не спит.

Здесь кончается память. Мы знаем, что память не вечна,
Лишь у Господа вечная память, не то что у нас.
А у нас – никого, ничего, тишина безупречна,
Темнота бесконечна, глухой продолжается час.

Неужели в конце будет так же бесслышно, безвидно,
Ни о ком, ни о чем, никогда, и никто, и нигде,
Все равны перед вечностью, и никому не обидно,
Что и память уходит, как будто круги по воде.

СНОВА О ЗАКАТЕ

Над морем – ослепительный закат
(Какой поэт не пел его красóты?),
Как будто стражник у небесных врат
Ярится, не пуская нас... А что ты
Еще хотела там увидеть? Что?
Небесный град? Я написал о нем. Нет, крепость
Средневековую? И рыцарей? И сто
Прошедших лет, осад и войн? Нелепость –
Загадывать, отгадывать. Не нам
С тобою ведать времена и сроки.
Закат угас. И мы уже не там.
Да и огни ночные одиноки.

* * *

Ночь глазами одиночества
Смотрит на меня в упор,
С ней и говорить не хочется,
Да какой тут разговор.

Было, не было – о чем это
Говорили? Позабыл.
Вот окно, пустая комната,
Еле слышный шорох крыл.

Что́ там? Ангел, пролетающий
За окном – да вот он я, –
Незаметно подступающий
Темный сон небытия.

Нет, не надо собеседника,
Сами как-то доживем
До рассвета без посредника –
Ты да я да мы вдвоем.

* * *

Хорошо, что ничего...
Г.Иванов

Хорошо, что ничего не будет
Нового, все было и прошло.
Что уж там случилось – Бог рассудит,
Он-то разберет добро и зло.

Хорошо, что ничего не надо
Строить, переделывать, решать...
Райского, нет, скажем, просто сада
Ждет прохлада, то есть – благодать.

НОВЫЙ ДЕНЬ

Дожить бы до утра, и то неплохо.
Рождается день, его еще не бывало.
А может, ночью закончилась эпоха,
Та, что нас морочила и убивала.

Выйдешь на улицу, и всё незнакомо,
Не узнаёшь никого, и тебя никто не знает,
Нет ни машин, ни прохожих, ни дыма, ни дома,
А ведь что-то было, но чего только не бывает.

Зайдешь в кафе, закажешь эспрессо,
Видишь, вокруг все сидят у экранов лэптопа,
Каждый в своем мире, к чужому без интереса,
И никто, никто не ожидает потопа

Или какого-нибудь пустякового конца света,
А Откровение Иоанна здесь даже и не читали.
Встанешь, выйдешь на улицу, забудешь про это...
Тут всё осталось как было, и даже – чего не ждали.

* * *

Пойти на свиданье с дождем
Не очень хотелось, но все же
Пришлось прогуляться вдвоем
С дождем, и как будто моложе

Я стал, и святая вода
И с нею небесная сила
Меня возвратили туда,
Где зябко и молодо было.

Нет, я не любитель дождей,
Ну, кроме дождей законных.
Смотреть бы на них без затей,
Прогулок не знать незаконных.

А все же, а все же я рад,
Что не удалось разминуться
С дождем. Мы идем наугад,
Пока не сумеем вернуться.

* * *

И звезда с звездою...
М.Л.

Я на картине изобразил бы смутные времена,
Когда б умел рисовать. Нет, это не мир, не война,
А смутные времена, говорю, то есть туман,
Куда идти, неизвестно, и неважно, трезв ты или же пьян,
И откуда вышел – из дома, правительства или тюрьмы,
Ты будешь только один, не какое-нибудь общее «мы»,
С которым удобно шагать строем под барабан,
Повторяю – неважно, трезв ты будешь или же пьян,
Откуда б ни вышел, но это я уже говорил,
Вокруг туман, обо всем остальном я давно забыл...
Смутные времена, повторяю, смутные времена,
Куда б ни шел, ты на том же месте,
ни одна звезда не видна.

* * *

А что бывает в последний раз?
Слова прощанья, сиянье глаз,
Холодный ветер, вечерний свет,
И даже времени больше нет,
Но что-то кончилось навсегда,
И вовсе тут не нужны года,
Всего лишь час, а быть может, миг,
Когда, не вычитанный из книг,
Узнаем холод небытия
И расставания – ты и я.

* * *

Нет, это не смутные, а невнятные времена,
И в темном небе висит какая-то пелена,
Так что даже едва-едва различима луна,
Куда-то плывущая и, как всегда, одна.

А мы никуда не идем, не едем и не плывем,
Стоим посреди эпохи и просто ждем,
Когда пройдут времена, а мы ни при чем,
Ведь мы их не выбираем, вот и стоим на том.

Александр Перчиков

* * *

Так хочется не выживать, а жить,
Бед избегать движением небрежным,
Чтоб летом пить росу, зимой кружить
Снежинкою над полем белоснежным.
Чтоб запах свежескошенной травы
Соединялся с музыкой прибоя,
Чтоб жертвою ни злобы, ни молвы
Не стать, а просто быть самим собою,
Чтоб чувствовать неповторимый вкус,
Переживая каждое мгновенье,
Чтоб опыта невыносимый груз
Не боль с собою нес, а откровенье.
О Господи, как беден мой язык!
Как ни борюсь, все выразить не в силах
Как я люблю все то, к чему привык,
Как не хватает тех мне, кто в могилах...
Но пусть без слов, пусть, как в немом кино,
Как бабочка, что в душу залетела -
Лишь чувство благодарности одно
Живет в душе, и нет ему предела...

* * *

Сколько в воздухе света и снега!
Тает снег на губах и горчит.
В переливах веселого смеха
Расставания нота звучит,

И обидно до слез, что не вечен
Этот день, этот смех, этот миг,
Эта улица, город и вечер,
Что из света и снега возник.

Ты смеешься, печали не зная,
Одиночества зимних ночей,
Но забвения сила немая
Прорастает из наших очей.

Снег идет, и сиянье струится
От березовых белых рубаш.
Вечер длится. И радостны лица,
Но снежинка горчит на губах.

* * *

На грани выдоха и вдоха,
В стальных космических тисках
Замри, Земля, замри, эпоха,
С младенцем спящим на руках.

Остановись во мраке ночи,
У самой бездны на краю,
Чтоб не убили твои очи
И грудь кормящую твою.

Чтоб не запели злые трубы
Среди пожарищ и войны,
Замри. Пусть обжигает губы
Глоток внезапной тишины.

* * *

Дома ложились спать, зевая,
Устав от вьюг и холодов,
А у последнего трамвая
Звезда упала с проводов.

Он просто шел неосторожно,
Чуть покачнулся – и беда,
Но что появится звезда,
Представить было невозможно.

Она лежала и светилась
Средь навалившихся снегов,
Собою нам являя милость
Трамваем ведавших богов.

Но кто-то по делам спешил,
Был путь его упрямым и гладким,
Он вдруг увидел непорядок
И наступил, и потушил.

Но не заметили вокруг,
Прильнув к мерцающим экранам,
Что стал неправильным и странным
Земных огней привычный круг.

И лишь трамваю долго снилось
Как, обрывая провода,
Летела все и все светилась
Неосторожная звезда.

* * *

Город сонный в тисках темноты,
В снах притихли заботы людские,
Но горят фонари городские –
Этот мир не лишен красоты.

«Этот мир не лишен красоты», –
Повторяют размытые тени,
Переулки, дома и ступени,
И мосты под крылом темноты.

В ожерельях прозрачных цветы,
Желтых листьев осенняя стая
Шелестит, над прудом пролетая, –
«Это мир не лишен красоты»,

Посреди городской суеты,
В полдень будничной, в миг напряженный,
Вдруг замрешь, откровеньем сраженный, –
Этот мир не лишен красоты!

И потом, у последней черты,
В час прощальный, на грани разлуки,
В сущность вдумайся, вслушайся в звуки,
Без отчаянья, без немоты,
Передай его в добрые руки –
Этот мир не лишен красоты.

* * *

На земле поднимаются травы,
Над землею кричит воронье.
Лишь одной добиваюсь я славы –
Быть вовеки частицей ее.

Лишь одной добиваюсь я доли –
Не покинуть ее никогда,
Слиться с ней, как сливается поле,
Как сливается с небом вода.

Я иду, и горячие токи
Проникают под кожу мою.
Я душой ощущаю истоки,
Родники, из которых я пью.

Всем земным откровеньям и меткам
Я открыт – омывает река
Мои корни, что тянутся к предкам
И уходят в иные века.

Не нарушат земное движенье
Ни беда, ни чужое вранье.
Здесь мой дом. Здесь мое отраженье –
Сын и дочь. Продолженье мое.

Поэзия

* * *

Мы скользили по синему снегу,
Уходила лыжня в небеса,
А за нами по лыжному следу
Уплывали друзей голоса.

С каждым шагом все глуше и тише,
С каждым взмахом все призрачней след,
Но остался струящийся свыше,
Все вокруг озаряющий свет.

Задевая колючие ветки,
Посреди бесконечной зимы
Он проникнет, как птица из клетки,
На свободу из каменной тьмы.

Даже если колдует жестоко
Одиночества снежная власть,
Он приходит восходом с востока,
Он погнубить не даст и пропасть.

И куда б ни летела планета,
И дорога куда б ни вела –
Эти нити небесного света
Нам защита от боли и зла.

* * *

Случилось так, что мы теперь вдали
От прежней, от родившей нас земли,
Которую нам выпало оставить,
Которую забыть мы не смогли.
Иной пейзаж сегодня за окном,
Но было что-то в воздухе речном,
Настоянном на запахах, на травах,
На позабытых Богом переправах,
Снах наяву, и яви, ставшей сном.
Как в птичьих перелетах есть загадка,
Так в наших судьбах свой секрет сокрыт.
Проходит все. Но, боже мой, как сладко
Звук русской речи губы холодит...

Ариэла Марина Меламед

СКАЗАНИЕ О МЕСТЕЧКЕ ХЕЛОМ

народные еврейские сказки, вольный перевод с идиша

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ХЕЛОМЕ

Прошли годы, и Хелом изменился. Прежде в местечке обрабатывали огороды, выращивали скотину, птицу как простые крестьяне, и все в городке были равны. Не было ни богатых, ни бедных. Вот она, сбывшаяся мечта социалиста! Но, как все мечты, продержалась она недолго.

С тех пор, как Хелом открыл для себя торговлю, точнее – *гешефт*, если сказать на идише, потому что *гешефт* – это гораздо круче, чем торговля, не мне вам рассказывать... ситуация изменилась кардинально.

Все стало как у людей – появились и богатые, и бедные. И богачи терпеть не могли бедноту, а бедняки, как водится, не переносили богатых.

Знатные выглядели знатно: покупали ткани в дорогих магазинах и заказывали костюмы у лучших портных. Своим женам они покупали шелка, бархат и кашемир. Какой там Париж! В Хеломе было все. Для детей покупали одежду из тончайшей шерсти, отороченную мехом. У вас есть костюм из шерсти, отороченный мехом?..

А бедняки мучились, как все нищие на этом свете. Раз в семь лет они шили себе штуку одежды из простой ткани. Жены носили коленкор, а дети в глаза не видели нового костюмчика. Для них всегда перешивали папины пиджак-брюки или мамино платье.

И с едой было то же самое. Богачи ели белую булку с повидлом, большой торт с шафраном, фаршированные куриные шейки и жареную утку. Не знаю, как вам, а автору чудится накрытый стол, и срочно надо подкрепиться, чем Бог послал. До белой халы, правда, далеко, но яичница найдется.

Итак, передохнув, продолжим. На субботу мясник закалывал для них быка. Чтобы они могли насладиться красным мясом, для них отбирались грудина, филей, костец, огузок. Посмотрите в словаре, кто не в курсе. Люди знали толк в ростбифе! И в бифштексах знали. Не говоря уже о телячьих котлетках.

А бедняки довольствовались черным ржаным хлебом. Иногда, чтобы освежить меню, готовили куриные шейки и головки. И говяжьи кости, если повезёт, – от того быка, что закалывали богачам на субботу. Печень, и легкие, и голову от того самого быка...

И даже в синагоге можно было понять, кто богатый, а кто бедный. Богачи сидели у восточной стены, рядом с *арон койдеш*. У каждого из них был свой стул, на котором сзади написаны фами-

лия и имя – чтобы никто посторонний не занял! А также подставка и шкафчик в одном флаконе. Там было достаточно места для талеса, молитвенников, Торы, Писаний, Пророков с комментариями и остальных священных книг с комментариями.

Бедные – а их в Хеломе было довольно много – стояли, сучившись, у западной стены, наступая друг другу на пятки и носки. Они не могли даже присесть. Особенно тяжело было в летнее время, когда жара становилась непереносимой, и стиснутые люди молились в своих лапсердаках и шляпах. Им было так плохо, что о разрушенном Храме они молились особенно истово...

Они даже не могли достать молитвенники из *арон койдеш*. И вот, они захотели, чтобы ребе потребовал от богачей объяснить, почему именно им – птичье молоко, а беднякам – лихорадка на верёвочке? И кто в этом виноват?

Ребе пощипал свою остренькую бородку и сказал:

– Фу, евреи, как некрасиво шуметь, галдеть и требовать силой! Так не годится жителям Хелома. В Хеломе есть устоявшиеся традиции. Когда у кого-то есть претензии, он собирает всю общину и тогда высказывает все, что накипело. А люди решают – каковы тут смыслы, подтексты и комментарии. А также, что со всем этим делать. Извечный вопрос русской литературы – «Кто виноват?» – нас не интересует.

Обычай сильнее всего на всем белом свете, включая Хелом. Бедняки утихли, взяли свои молитвенники и продолжили молиться, а в субботу, на следующий день, собрались на обсуждение.

Можно сказать – «на вече», но мы так не скажем. Потому что вече собиралось, чтобы принимать решения, а «асифе» – чтобы проанализировать ситуацию, найти всевозможные толкования, прокомментировать... ну, и если получится, с Божьей помощью, заодно принять решение.

Во главе стола сидел ребе, по его правую руку восседал самый крепкий хозяин в Хеломе – Гилель, по левую – самый знатный человек в Хеломе – учитель, вокруг стола сидели хозяева, основательные, зажиточные, уважаемые люди. Беднота, как водится, стояла у стены.

Тут приблизились к столу два молоденьких сапожника и стали говорить нараспев:

– Рабби, мы хотим задать талмудический вопрос.

Сказал рабби:

– Спрашивайте, дети, спрашивайте!

И спросили оба сапожника:

– Почему все так? Богатые ходят в дорогих костюмах, одевают своих жен в кашемир и шелка, их дети выглядят как игрушки, а бедные ходят – латка на латке, годами в одном костюме, жены –

в коленкоре, а дети – в старых перешитых папиных пиджаках? Почему в Хеломе богачи живут так богато, а бедные – так бедно?

Сапожники вытерли пот, передохнули чуть-чуть, снова набрали дыхание и продолжили:

– Мы, пожалуй, спросим и о том, почему богачи едят белую булку с повидлом, а бедняки – ничего на постном масле? Почему для богатой семьи закалывают быка на субботу и готовят им ростбиф, телятину, жаркое, лангет и другие прекрасные блюда, от которых мы знаем только названия, а мы едим рубленую печенку, потрошки или черный хлеб с ничем?

После этого они отдохнули ещё немного и добавили:

– И даже в синагоге сохраняется такое неравенство. Даже в синагоге богатеи ведут себя так, будто весь мир создан только для них! Включая стулья и *арон койдеш*. Стулья у них подписаны их собственными фамилиями! Чтобы больше никто к этим стульям не смел прикоснуться своим седалищем под другой фамилией! И они – сидят, и священные книги свои держат рядом на полочке, с удобствами! А мы вынуждены стоять, тесниться за печкой, у двери. Почему так, ребе?

Взял хеломский ребе понюшку табаку, вдохнул, чихнул со вкусом и сказал, обращаясь к хеломским хозяевам:

– Таки бедняки правы. Я спрашиваю вас, богачи Хелома: где справедливость?

Ответил Гилель, лучший из лучших среди хозяев в Хеломе:

– Рабби! Вы требуете справедливости от нас, богачей? Но у нас нет справедливости, весь Хелом об этом знает!

И все Хеломские богачи подхватили в один голос:

– Рабби, все в Хеломе это знают – у нас, богачей, справедливости нет, и искать тут нечего!

Взял ребе свежую понюшку табаку, снова чихнул и спросил:

– Нищие Хелома, значит, это правда – у хеломских богачей нет справедливости?

– Да, истинно так, – ответили бедняки в один голос.

И сказал ребе:

– Таким образом, все так и есть. Таки плохо, бедняки Хелома! Следует судить согласно доводам. «Не имеется». Нету – это лучший довод! Нет – значит, нет, нечего комментировать. Тут не за что ухватиться. Нет вина, вылитого на белую стену. Ни капельки мёда для заинтересованного слушателя. На нет – и суда нет. Поскольку вы принимаете этот довод, что у богачей хеломских нет справедливости, такой ответ озадачивает, и вы в растерянности.

Бедняки загалдели между собой. Двое молоденьких сапожников стали выкрикивать:

– Мы, нищие, не допустим, чтобы богачи все захватили! Мы не станем молчать! Мы весь мир поднимем, до основанья! Мы наш, мы новый мир построим!

Ребе услышал такие слова от бедноты, и его глаза засверкали от радости.

– Если есть справедливость тут на свете – это прекрасно, дети мои! На самом деле справедливости у наших богачей действительно нет, но зато у них есть деньги. Мы возьмем у них – столько, сколько нужно, чтобы послать двух человек в большой мир, чтобы они там наторговали справедливости и привезли в Хелом полный бочонок. Этого должно хватить нашим богачам. Таким образом, мы наделим их справедливостью!

Всем понравилась идея мудрого ребе, и Хелом послал в белый свет двух снабженцев прикупить справедливости.

* * *

Два посланника отправились искать справедливость. И где бы ни оказались хеломские посыльные, они опрашивали окружающих аналогичным образом:

– Добрые люди, покажите нам, пожалуйста, где мы могли бы прикупить для наших богачей немного справедливости?

Везде они получали одинаковые ответы:

– Зря вы тут ищете. Ещё этого нам не хватало... Когда мы сможем тут найти немного справедливости для наших собственных богачей, то снимем с себя последнюю рубашку, но обеспечим их в первую очередь...

Едут посланники дальше и дальше, и вот они приезжают в Варшаву. Ходят по улицам и смотрят на большие торговые центры с нарядными витринами, по самую крышу заполненные всяким добром. Но никакой справедливости в этих витринах не видно. Идут они дальше и видят огромный богатый магазин, с окнами от пола до потолка. В окнах выставлено все и ещё немного. Что ни назовёшь – все есть!

Смотрят хеломцы на магазин и говорят друг другу:

– Быть того не может, чтобы в таком большом продажном месте не завалилось где-нибудь в углу чуточку справедливости. Нужно только понять, в каком углу посмотреть...

И тут два варшавских шнифера (не путать с шофером), то есть жулика, замечают двух местечковых евреев, которые оглядываются и чего-то ищут. Короче, добыча сама идёт в руки. Хорошо водить за нос того, у кого как раз имеется такой удобный нос...

Подходят мошенники к хеломцам и говорят ласково:

– Что-то ищете? Хотите купить в Варшаве что-нибудь особенное? Вам помочь? Мы можем продать вам все, чего ваше сердце жаждет. Хоть мост через Вислу, хоть Саксонский сад. Хоть площадь Пилсудского... Или хор для хоральной синагоги!

Отвечают хеломцы:

– Спасибо, добрые люди! Мост через Вислу нам не нужен, и сад пока без надобности, и площадь с собой не унести... А синагога в Хеломе у нас и так есть, и хор в ней поёт.

– Так вы из того самого Хелома? – обрадовались им аферисты, как самым близким людям.

– Именно!

– Тогда шолем алейхем вам!

– И вам алейхем шолем!

– Что же здесь ищут люди из самого Хелома?

– Справедливости... Мы ищем справедливость для наших богачей. Мы объехали весь свет и не нашли даже крошечку справедливости в утешенье.

Отвечают им варшавские прохиндеи весело:

– Мы продадим вам столько справедливости, сколько ваша душа просит!

Возрадовались хеломские посланники и давай спрашивать подробности:

– У вас можно купить целый бочонок? Нам раввин наказал привезти много справедливости, целую бочку!

– Конечно, у нас найдётся бочонок. А сколько вы готовы заплатить? Справедливость – вещь дорогая...

– У нас есть две тысячи злотых, этого хватит?

– А у вас есть ещё деньги или это все?

– Это все, что у нас есть.

– Тогда ладно, – отвечают мошенники, – по рукам. Мы прикажем вам бочонок справедливости. Только учтите – открывать его в пути нельзя. Иначе она быстро испортится, справедливость. Её и так мало на белом свете... А то ещё скажете потом, что вас тут одурачили, всучили негодный товар...

– Ну что вы, – даже обиделись хеломцы, – про вас такое сказать! Еще не хватало, чтобы мы заявили, что нас одурачили! Будем осторожны и внимательны, все привезём в сохранности.

Варшавские жулики прикатали перевязанную верёвкой запечатанную бочку со справедливостью. Хеломцы заплатили две тысячи злотых и отправились домой.

Возвращаются посланники в Хелом, и немедленно объявляется общий сбор.

Посланцы подробно рассказывают Хелому о своём долгом путешествии, о том, как все было против них, но им удалось-таки привезти целый бочонок справедливости для всех.

Ребе выслушал посланников, покачал головой и сказал им:

– Вы много страдали, достаточно, чтобы город смог воспрянуть духом. Теперь наши бедные справедливостью богачи полу-

Проза

чат её достаточно. Жить станет легче. Все будут равны, не останется ни бедных, ни богатых.

Отвечают посланцы:

– Ну, немного справедливости довольно, чтобы сделать богача хорошим человеком. У нас ещё останется, и мы сможем осчастливить весь мир!

– Ну и хорошо. Но прежде всего мы должны обеспечить наших богачей. Ибо сказано – позаботься прежде о собственной семье. Итак, за работу!

Посланники водрузили бочонок в центре площади, и Гилель, достойнейший хеломский хозяин, принёс молоток и (все замерли и перестали дышать) сбил печати и цепи с бочонка, снял крышку.

Ребе подошёл первым увидеть, как же выглядит справедливость. Он склонился над бочонком, вдохнул благоговейно – и резко отпрянул назад. В нос ему ударил запах тухлой рыбы...

– Боже мой! – воскликнул ребе, скривившись, – справедливость испортилась!!!

Посланцы не поверили, подскочили к бочонку и тут же отскочили, зажимая нос руками, – увы, так оно и было, справедливость воняла гнилой рыбой.

– Мировая справедливость испортилась! – печально объявил ребе всем остальным. – В мире больше нет справедливости...

Хеломцы остолбенели. Шутка ли! Справедливость испортилась! Вся! Что же теперь делать?

Хеломские богачи заулыбались с облегчением и расправили плечи. А Гилель ещё и дразниться стал на весь свет:

– Эй, вы, нищие, несчастные попрошайки! О чем вы тут давеча кричали: «Мы не будем молчать, мы добьёмся её, мировой справедливости для всех!» Вот она, эта ваша хваленая справедливость. Любуйтесь. Была, да сплыла. Один тухлый запах остался...

Стало тихо. Бедняки стали молча, не глядя друг на друга, выбираться из дома ребе.

И тут посланцы подпрыгнули и воскликнули, обращаясь к своим собратьям по нищете:

– Хеломские бедняки, чего вы испугались? Если в Хеломе и остальном мире нет справедливости, это значит, что мир бесхозный, и мы можем творить то, что сами захотим! Богачей так мало, а нас так много – кто сможет нас остановить?!

А богачам они заявили так:

– Вы ещё упрашивать нас будете и упадете ним в ножки, чтобы мы устроили общее собрание, оно же сходка, то есть – *асифе*!

Богачи рассмеялись:

– Скорее волосы вырастут у нас на пятках, чем мы пригласим вас на сходняк! Вы даже такое нужное слово правильно произносить не умеете!

И ответили посланцы:

– Вы прибежите, прилетите, приползёте и упадёте нам в ножки. Увидите.

С этой минуты в Хеломе начался настоящий беспредел. Посланцы всполошили город и воодушевили городскую бедноту.

Спустя пару дней бедняки пришли в магазин тканей, заплатили копейки и отняли самые дорогие ткани. В пятницу они явились в мясную лавку и забрали лучшее мясо – спинку, грудинку, филей, кострец и огузок. Они прежде даже слов таких не знали, а теперь – пожалуйста! Все можно! Беспредел!

И, наконец, в субботу – куда уже дальше! – бедняки захватили места у восточной стены – зеркальные скамейки. Вытеснили богатых приличных людей на худшие стоячие места – у двери, рядом с печью, далеко от *бимы*, которая на русский язык никак не переводится, а только словом *амвон*. Хотя это *бима*. Возвышение, помост в храме, синагоге...

Ничего, короче говоря, святого не осталось у этих нищих, не про нас будь сказано!

Таким образом, богачи увидели, что эти посланцы заправляют делами в Хеломе. Ведут тебя, как большие гранды. И надо что-то делать! Хотели собрать сходку, но бедняки заявили, что ни на какой сходняк они не пойдут, потому что мир теперь бесхозный, а точнее – ничей, и можно творить все, что заблагорассудится!

В пятницу богачи не смогли протиснуться к *арон койдеш*, чтобы взять святые книги. Надо было собирать сходняк! Но пара нечистых – посланцы – рассмеялись им в лицо: «Волосы ещё не выросли на ваших пятках, так что – ждите, когда вырастут!»

И сказал хеломский ребе богачам: «Идите к этим юным сапожникам и просите. Скажите им так: «Обычай важнее суда». По крайней мере – в Хеломе...

Так они и поступили – пришли, попросили и сказали, и никто, заметьте, не сказал, хотя все увидели – богатеи таки упали в ножки этим сапожникам...

Ближайшей субботней ночью весь Хелом пришёл на сходняк. Ребе сидел во главе стола, как обычно.

Только в этот раз по правую руку от него сидели двое сапожников, по левую – Гилель и Арье, лучшие хозяева Хелома, а остальные бедняки и богачи стояли у стенки.

Говорили, шумели, доказывали и даже кричали. Восклицали. Разошлись поздно, так ничего и не решив, а Гилель, Арье и сапожники остались.

Проза

Три дня и три ночи они думали и, наконец, на четвёртый день додумались и пришли к компромиссу.

Итак, сказано и записано:

«1. С сегодняшнего дня и далее, когда закалывают быка: считать все его части равными, от филе и до костей и печенки – отныне все это первый сорт. И неважно для покупателя, какую именно часть покупать, больше никаких привилегий грудинке и кострецу! Все равны.

2. С этого дня и далее считать всю синагогу восточной стеной и зеркальной скамейкой и не делать различия между тем, кто сидит, и тем, кто стоит. Никто от этого более не становится выше других. Все равны.

3. С этого дня и далее считать все материи равными – от бархата до коленкора. С этого дня неважно, кто в какой ходит одежде. Каждый решает сам, что ему носить. Все равны.

4. Но если богачи достаточно глупы и хотят платить больше за то, чтобы сидеть на прежних пестях и бывших зеркальных скамейках, покупать бывшие лучше куски мяса и бывшую лучшую материю, – пускай показывают всем свою глупость. Это их право».

Тишь да гладь наступили в Хеломе. Бедняки довольны: наконец о них все говорили, смотрели и показывали пальцем! Это и есть настоящая слава! Действительно пришли новые времена.

Вся синагога стала одной зеркальной скамейкой, весь бык отныне стал считаться одним большим филе, все товары стали равны шёлку и бархату. И если богачи получали птичье молоко, а бедняки – лихорадку на постном масле, все это было равно.

Так что, если кто-то не понял, повторим ещё раз: пришли новые времена! Потому что как лодку назовёшь, так она и поплывёт. Как решим, так и будет. Даже, если по сути все останется как было...

Александр М. Кобринский

ОПУХОЛЬ

(рассказ-повесть, окончание)

На следующий день Валя уговорила профессора, который делал мне операцию, прийти посмотреть меня. Глянув на красно-розовый бутон опухоли, потрогав его пальцами, он сказал:

– Пролабирует снаружи. Повышенное внутричерепное давление исключено! О причинах исчезновения глотательного рефлекса вы должны догадаться сами. Говорю с вами, как со студенткой, прослушавшей курс лекций по нейрохирургии. Кормите маму только жидкой пищей, подложив ей что-нибудь под спину, чтобы придать сидячее положение. При этом ложечку вдвигайте подальше в горло, чтобы бульон стекал в желудок самотеком.

– Значит, будем оформляться? Долго же вы раздумывали. Флиртовали?

– А что это значит? – спросила я, притворяясь наивной,

– Если вы не знаете, я вам не завидую, – сказал он игриво, – тогда вы холодная женщина.

– Холодность предостерегает от глупостей, – отпаривала я сходу.

– От не делающих глупостей умного не дождешься. Вы, наверное, как та вдова из чеховского «Медведя», обрекаете себя на одиночество, – сказал он, засмеявшись, и когда я совсем было начала выходить из себя, пробасил, что все это шутки и что он со всеми так обходится.

– Давайте говорить о деле, – попросила я умоляюще.

На это он протянул анкету:

– Заполните и принесете, приложив заявление, автобиографию и справку с места жительства,

Мастерская размещалась в здании бывшей синагоги. Окинув взглядом эту желтую обшарпанную развалину, я подошла к подъезду и решительно открыла дверь. Увидела две лестницы – слева и справа.

Куда идти? Повернула налево, взобралась на самый верх. Никого! Сошла вниз и поднялась по второй лестнице. Тишина. Мертво. Прошла по узкому коридору. Открыла дверь и увидела тесное, грязное и холодное помещение, в котором ютились художники.

Не успеешь приехать на работу, начинает темнеть.

В три часа работать уже невозможно, густые тучи заволакивают небо; туман висит, образуя капли воды, которые незаметно оседают на землю. Бондаренко находит, что у меня в рисунке много ошибок. Говорит, что гениальных художниц не бывает, потому что женщины не умеют мыслить.

Воскресенье. Побывала на базаре. Зашла в универмаг. Стала в очередь за мясом. На подходе вытолкали и не признали. Ушла и всю дорогу плакала. Поднялась на университетскую горку. Остановилась возле ограды, все еще продолжая плакать. Но скоро слезы высушил яркий солнечный день. Вокруг блестело от снега. Внизу копошились люди, мчались машины, ползли троллейбусы, делая панорамное однообразие архитектуры похожим на огромный муравейник. И над всем этим зелеными куполами и золочеными крестами возвышался собор.

Портрет свежестью цвета обратил на себя внимание комиссии. Меня похвалили. Работу приняли. Я была на седьмом небе от счастья. На следующий день я обратилась к начальнику цеха Израилю Давидовичу с просьбой дать мне второй холст.

– С холстами трудно.

– Тогда я подожду, – ответила я, не желая быть навязчивой.

– Нет, нет. Мы сейчас что-нибудь придумаем. Вы должны быть открыты энтузиазмом после такой похвалы и с удвоенной энергией приняться за работу. К тому же и Новый год будет казаться новым, если заработаете еще пару сотен.

Учетчица сказала, чтобы я немедленно ехала в худфонд на собрание живописного цеха, В президиуме сидели: зампреда, начальник цеха и профорг. Присутствующие обратили внимание на мой головной убор. Я очень любила носить мужскую шляпу. Даже немец Келлерт удивленно поднял брови и улыбнулся. Бросилось в глаза то, что многие пришли навеселе. Особенно выделялся своим красным лицом и синим носом Бондарчук. Образовалось два вражеских лагеря: члены Совета, с одной стороны, и художники-производственники – с другой. Совет утверждал, что портреты не принимаются потому, что мы стали хуже работать, а мы – что при оценке качества нашей продукции никаких эталонов быть не может и что понятие «хуже-лучше» в нашем деле носит субъективный характер.

Выступил Бондарчук. Речь свою закончил тем, что Совет хочет съесть его, выжить. «Не выйдет!» – закричал он и начал рассказывать свою партизанскую биографию. Мне все это надоело, и я вышла в коридор.

Вскоре ко мне присоединился Келлерт. Я выразила неудовольствие своей работой в цеху. Сетовала на жизнь, не приносящую художнику вдохновения. Уже и собрание кончилось, а мы все стояли и разговаривали. Ехала домой одна. Настроение грустное.

Субботу и воскресенье гостила у родителей. Прощаюсь. До свидания, мои хорошие, милые, до свидания. Я плачу? Да, конечно, но что поделаешь! Автобус привез меня на железнодорожную станцию, набитую бродягами и всяким сбродом. Пьяные женщины, кричащий ребенок. Блюстители порядка. Отвратительная ухмылка дежурного. Хриплая ругань темного и серенького люда. Электричка. Сажусь. Здесь картина такая же.

Среди немногих коллег-художников, привлекавших мое внимание, я всегда выделяла Келлерта. Я часто наблюдала, как он, опираясь локтями о столик, о чем-то думал. Порою мне казалось, что его задумчивый, печальный взгляд сосредотачивается на мне. Его изумительные глаза проникали в меня, но о чем говорили они, осталось для меня тайной. Как-то я несла подрамник.

– Хотя бы помогли мне, – сказала я, обращаясь полушутя-полусерьезно.

– Не могу, – сказал он, останавливаясь и тяжело дыша.

– Вы заболели? – спросила.

– Сердце пошаливает, но думаю... – он страдальчески улыбнулся и добавил, – пройдет!

В прошлогоднюю весну я заболела ангиной. Не появлялась на работе больше недели. Навестил меня Израиль Давидович.

От него я узнала ужасное – Келлерта уже нет. Боже, как жаль, когда умирают хорошие люди...

Приподнялась на локтях и повернулась на бок, чтобы видеть натюрморт, который висел на стене.

Подсолнухи. Подсолнухи в вазе. Букет подсолнухов. Самое уязвимое место в нашем деле – колорит. Многие не знают, что это такое. Свет представляется как добавление белил в краску, а тень – добавление сажи. А ведь у настоящего колориста секрет звучания живописи заключается в полноте цвета в тени, в полутонах и, наконец, в свету. Не белила дают свет и не сажа тень, а точно найденное соотношение тонов, какие есть в природе. Думая обо всем этом, я сползла с дивана на пол и на коленях добралась до шифоньера, где находились, уложенные в стопку, написанные мной этюды. Мне захотелось пересмотреть их. За этим занятием и застала меня дочь.

Проза

– Мама, что ты делаешь?! – произнесла она трагическим голосом, – тебе нужен полный покой.

– У-у-у! – махнула я рукой, показывая на дверь, требуя жестом не мешать, но Валя взяла меня подмышки, подняла как пушинку и уложила в постель. Вернулась, держа в руках шприц.

– Я провожу вас, – сказал он и, не спрашивая моего разрешения, пошел рядом. В пути что-то говорил, но я не вникала в смысл, слушала мягкое рокотанье его могучего баса.

– А дома кто-нибудь есть?

– Никого!

– Ну, это хорошо!

В темном коридоре я взяла его за руку, и мы осторожно пробрались к моей двери. Зайдя в комнату, он снял пальто, фуражку и сел возле комода, подальше от окна. «Хитрая лиса», – подумала я о нем и подошла.

– Я почти ненавидела вас.

– Ты мне нравишься, – сказал он и, посадив меня на колени, попытался поцеловать. Я стиснула зубы, но он был настойчив. Я почувствовала мужчину. Мне захотелось большего. Я разрешила целовать себя в открытый рот. Наши языки переплелись. Я чуть не потеряла рассудок.

– Эля, дай грудочку поцеловать, – я сопротивлялась, но он обхватил мой бюст так, что в свободной его руке оказалось то, чего он домогался. Я вцепилась в его волосатую кисть, но не могла сдвинуть.

– Пусти, не надо бояться. Я ничего тебе не сделаю. Убери руку. Я не буду трогать.

Я убрала руку, и тогда его страсть достигла апогея.

– Если бы ты знала, как мне сейчас хорошо. Тепло. Как тепло! Не бойся, милая, я ничего тебе не сделаю, посиди так!

Во рту у меня пересохло.

Он не давал мне ни о чем говорить. Я сказала, что буду бить его. Он встал и надел пальто, но мне почему-то стало страшно, что он уйдет, и я задержала его. Он снова разделся и снова стал с бешеной страстью целовать мою грудь.

– Ты любишь меня? – спросил он.

Я была без сил. Руки мои безжизненно свисали. В глазах потемнело. Он почувствовал мое состояние.

– Я отнесу тебя в постель. Ты должна лечь.

– Хорошим это не кончится, – сказала я, и снова долго и неустанно он целовал меня, гладил ноги выше колен. Прикоснулся! Вдруг то ли пожалел, то ли сам устал.

– Проводи меня. На свежем воздухе тебе станет легче.

Утром вышла на работу. Мне казалось, что о моей вчерашней истории с председателем знают все. Как держать себя с товарищами? Не могу смотреть им в глаза. И в то же время, наряду со скованностью, какая-то легкость во всем, нежность. Кошачья нежность! Такое я всегда в себе презирала и не давала ему развиться до такой степени, чтобы оно могло меня захватить. Я стояла у мольберта и, машинально копируя, думала о нём. Попросили к телефону.

– Иван Михайлович, – сказал он, назвав себя. – Что у вас нового, как самочувствие?

– Благодарю, я здорова.

– Ну, это самое главное. Хочу видеть вас, – сказал он и, сделав многозначительную паузу, добавил, – у вас дома.

– Нет! – сказала я и положила трубку,

И вот я дома. Отчаянию моему нет предела. Жалко мне стало себя. Ужасно жалко. Сбросив одежду, я бросилась в постель и, зарывшись головой в подушку, зарыдала.

Часа два выла, не умолкая.

Пила валидол. Не помогало.

Хотела одного – скорее забыться. Но как это сделать? Я повторяла этот вопрос до тех пор, пока не уснула.

Слышу диалог:

– Как мама?

– Сносно,

– Ты кормила ее?

– Да.

– Чем?

– Куриным бульоном.

Как бы я к нему ни относилась, но и с ним у меня случались счастливые минуты. На третьем году нашей совместной жизни его призывали в армию. Служил он под Брестом. Я ездила к нему. Снимала квартиру. Он вел себя безукоризненно. Я чувствовала в нем не супруга, а пылкого любовника. В те дни я написала свою лучшую работу. Мне удалось изобразить праздничное единство несовместимых предметов. Композиция натюрморта – книга, чайник и кобура писто-

Проза

лета. Фон: деревья в цвету, открытое окно и занавеска – живое дыхание весны.

В нашу «синагогу» приняли нового художника – глухого мальчишку. Чувствую, что он – очередная жертва моих увлечений. Прошло две недели. Конец рабочего дня. Пересекла базар, Домой решила идти пешком.

Он вырос передо мной словно из-под земли. Схватил за руку, пытаюсь остановить.

Я замерла.

Он отпустил, и я тут же помчалась от него вприпрыжку, вызвав удивление на его лице. Он догнал меня.

Я написала пальцем в воздухе, что верю в Бога, что реальный мир гадок, что я одинока, что любви не существует. Она – наша фантазия.

Он сказал, что все понял, что когда привыкнет ко мне, будет читать по моим губам. Договорились встретиться вечером.

Я думала, что мое прошлое приснилось мне, но я не спала. Я поняла это, потому что услышала бой курантов: 1, 2, 3, 4, 5, 6... Грянул гимн, возвещающий начало нового дня, в мои уши ворвался дикторский текст, но очень скоро я адаптировалась, настроилась на прежнюю волну – на дорогие моему сердцу воспоминания. Улица была узкой, уютной, с домами старинной архитектуры.

В начале улицы, по правой нечетной стороне стояло четырехэтажное здание, украшенное кариатидами. В нем находился райком комсомола. В конце квартала на одном из домов висела мраморная скрижаль: «Здесь с 1929 по 1941 год жил и работал выдающийся художник-баталист, академик Самокиш Николай Семенович». Дом, в котором жила я, был примечателен тем, что при великолепной готической внешности внутри напоминал общежитие. От трех до шести соседей на каждую кухню, Я снимала квартиру на втором этаже. Вид из моего окна был мрачный – слепая стена противоположного дома.

Целует мои руки, каждый палец в отдельности. Он такой цепкий и сильный, что волей-неволей приходится сливаться с ним, от чего меня начинает лихорадить.

Но в эти мгновения он отпускает меня. Вечереет. По кронам возбужденно скользит красный закат, и я подумала: разве это унижение, когда отдаешь все, что можешь отдать; я упаду на колени пе-

ред тем, кого люблю, – буду целовать обувь его; любые мои поступки, вызванные любовью, священны, и осмеивать их грешно.

И тут я опустилась перед ним на колени и поцеловала ботинок.

– Эля, что ты делаешь?! – воскликнул он и, схватив меня за плечи, поднял, встряхивая, как бы приводя в чувство. Я не помнила себя.

Я решила пить чашу любовного исступления, не отрываясь, до опустошительного конца. И вдруг он заплакал. Передо мной стоял не мужчина и даже не юноша... Ребенок, губы которого дрожали. Он захлебывался от слез. Припав к дереву, он вытащил носовой платок и закрыл лицо. Все его тело сотрясалось от рыданий. Я обхватила его шею руками, повернула его голову к себе, целуя в мокрые соленые губы. Понемногу он успокоился, но все еще продолжал всхлипывать, отвечая робкими извиняющимися поцелуями. Заглись светильники, Я взяла его за руку и потянула за собой туда...

В темную глубину парка.

Моя дочь вернула меня в реальное. Приподняла и опустила на гладильную доску, оперев один конец в спинку диван-кровати. Теперь я не захлебнусь, потому что переведена в полувертикальное положение. Отвратительный теплый куриный бульон стекает по пищеводу самотеком. Я не хочу есть, но обижать моего повара не намерена. Рот открываю добровольно. По зубам постукивает металлическая ложка...

Считаю движения поднимающейся и опускающейся руки. Пятьдесят. Тарелка опустела. Процедура кормления окончена. Моя голова вновь лежит на подушке. Гладильная доска убирается за шифоньер. Лицо у дочки довольное. Сейчас побежит на свидание к своему Джафару. Уходит. Я остаюсь одна.

Когда он появился, я объяснила ему, что на втором месяце...

– Немедленно принять. Измерьте температуру, – приказал он дежурной.

Меня завели в ванную комнату, предложили больничную сорочку и халат. Когда брили, я закрывала ладонями лицо и этим вызвала смех санитарок.

Привели в палату. Легла на свободную койку. Повернулась к соседке. Чувствуя приближение рокового часа, попросила рассказать, какие муки предстоит мне перетерпеть, больно ли, долго ли, не умру ли я, так как это моя первая беременность.

Она успокоила меня и сказала, что через два дня выпишут. Вышла походить по коридору.

Из чистого любопытства заглянула в операционную.

Проза

– Заходите, – услышала мужской голос.

Зашла – увидела кресло в боевой готовности и врача.

Он стоял возле умывальника и тщательно мыл руки. Вытер и, обращаясь ко мне, предложил снять халат и сесть в кресло.

– Зачем? – спросила я, находясь во взвинченном состоянии.

– Как зачем? – переспросил он, ошарашенный моим вопросом. – Вы, милочка, раздевайтесь. Мне ведь некогда.

– Отвернитесь! – потребовала я.

Пребираясь с толстенной медсестрой, заняла чертово место и дала подготовить себя к этому аду. Ни разу в жизни мне не приходилось испытывать такой жуткой и гнусной боли. Я вцепилась в кресло. Пальцы на руках одеревенели. Я думала, что их парализовало.

– Долго ли еще? – кричала я, умоляя прекратить эту пытку.

– Еще целую жизнь, душечка, – сказал он и вдруг, – готово!

Словно электрическим током пронзило меня это слово. Пошатываясь, возвращаюсь в палату. Боли не чувствую. Если она и есть, то пустячная по сравнению с той. Мимходом глянула в зеркало. Лицо – зеленое. Ложусь. Бездумно смотрю в окно на снег, который спокойно кружится в воздухе.

Мне уже хорошо.

Совсем хорошо.

МЫСЛЕМЫСЛИЕ, ИЛИ ЧТО СКАЗАЛ АНГЕЛ

МЫСЛЕМЫСЛИЕ

Сначала я подумал: а не дать ли этой подборке какое-нибудь громкое название? Допустим, «Эврикизмы». Но потом решил, что подобное название требует реальных открытий. А с открытиями – я не Эйнштейн – не уверен, что всё в порядке. Как и создатель теории относительности, я не силен в математике. Поэтому остановился на «Мыслемыслии». В меру иронично и вполне доступно, чтобы понять: автор, подобно каждому человеку на земле, задумывается над теми понятиями, которыми его питали с детства, но впоследствии, переверосшив пласты жизни, стал мало-помалу трактовать их по-своему.

Может, что-то покажется сегодня парадоксальным, не оприходованным традицией, а то и вообще не от мира сего.

Впрочем, и все мы не от мира сего, по версии отдельных учёных, которые определяют нашей прародиной Марс, разрушенный миллионы лет назад в результате столкновения с астероидом, либо в ходе ядерной войны. Если и так, всё равно человек не способен поменять свою структуру, обрести иную душу либо разум. И, следовательно, раз за разом будет строить собственные, а значит, и не шибко научные концепции о происхождении жизни на нашей, лучшей из планет, о своём предназначении, потустороннем мире, братьях по разуму, диктаторах и прочих управителях нашей реальности.

Вот и я, будучи таким же сыном Земли, попробовал от его имени поразмышлять на вечные темы, прибегая невзначай, если довериться внезапному наитию, к помощи космического банка данных и ориентируясь на то, что сказал знакомый ангел.

Итак...

ВОПЛОЩЕНИЕ

Сколько бы история ни крутилась на своём чёртовом колесе, самое первое для нас воплощение было в облике то ли Адама, то ли Евы. В ком конкретно, это уже пусть генетики определяют. Важно другое. Ещё до приобретения человеческого тела мы были в Боге. Иначе не назвал бы Он нас образом и подобием. Но чем впоследствии мы не угодили Создателю, почему он изгнал нас из рая? Казалось бы, исчерпывающее объяснение – на первых страницах Библии: вкусили запретный плод от древа познания добра и зла. А если не ходить по проторенной тропке? Если подумать по-своему, например, что Богу были заранее известны поступки доморощенного гомосапиенса?

Разве Бог стремился создать безмозглое существо, не умеющее отличить белое от чёрного, не способное принять конкретное решение? Да ведь это заложено в инстинктах любого «неразумного» зверя.

Главное же отличие от зверя в том, что он при рождении не приспособлен к жизни на нашей планете. Ни встать на ножки самостоятельно, ни добывать пищу! Да и без одежды, положим, пелёнок и распашонок, и дня не продержится. Складывается впечатление, что он не от мира сего, из другой вселенной, а здесь клонирован и воспроизведен в лабораторных условиях, в раю, так сказать. И не для того, чтобы скучать под присмотром ангелов, а для освоения Земли и осознания своего предназначения.

Отсюда и вывод: по Божьему замыслу, изначально, еще до рождения, Адаму и Еве был выправлен билет в один конец – на выход в большой мир. И в тот момент, когда они проявили своеволие, погрузив зубы в сочную мякоть райского фрукта, а затем якобы устыдились своего голого тела и самостоятельно приоделись при помощи веток, цветов и листьев, час X настал. На высшем совете было определено: изделие готово для предназначенной миссии, умственные способности и умение пользоваться правом выбора в норме, практические навыки присутствуют, можно двуногих прямоходящих тварей выпускать в люди.

И? Пошли-побежали. А следом за ними – века. Сначала те, что до нашей эры, потом... Что там говорить, мы и живём потом. Живём-думаем, и мало помним.

БИБЛЕЙСКАЯ ЗАГАДКА

Одна из загадок библейских времен – почему чадолюбивый и всемогущий Создатель повелел Аврааму принести в жертву своего сына Исаака? Согласно толкованиям, это была проверка на преданность и послушание. Но под влиянием научных веяний 21 века, занятого расшифровкой ДНК, думается, что мы имеем дело с элементарной проверкой на эффективность генома человека, внутри которого и встроены механизм, активизирующий преданность и послушание. Проверка показала: замысел удался, образ и подобие не свернёт с предназначенного небом пути.

ЧЕРЕДА РОЖДЕНИЙ

Мы рождаемся на Земле, хотя на самом деле являемся вечными жителями иного мира. Нам достается несколько десятков лет земной жизни. На Земле мы не осознаем, что это своеобразная компьютерная игра вживую. А затем, вернувшись назад, в свое истинное тело, в котором нам пребывать 10 000 – 20 000 лет, мы вспоминаем о земных десятилетиях как об очередном уикенде – непродолжительном отдыхе за собственный счёт.

ОСОЗНАНИЕ

Евреи подарили миру христианство. Сам Иисус – по матери еврейских корней. И все его апостолы евреи. В пору зарождения в еврейской среде новой религии римские легионеры всячески преследовали на Святой Земле первых христиан. Распинали их на кресте, ссылали на галеры, отправляли в Римскую империю, чтобы они в гладиаторских боях убивали друг друга.

Но спустя срок, когда император Константин, увидев перед решающей битвой в небе сверкающий крест, пришел благодаря этому видению к христианству и обратил в новую религию свой народ, настало для евреев время гонений. Оно и понятно, вступил в силу закон конкуренции. Новообращенным надо было потеснить предшественников, отстранить их от влияния на умы простого народа. И они добились своего, пустив слух, что евреи повинны в смерти Христа. А докопаться до истины бывшие язычники уже никому не давали, хотя существует и Евангелие от Иуды. А в нём сказано, что Иуда, любимый ученик Иисуса, не предавал учителя, а выполнил его просьбу, чтобы исполнилось высшее предназначение, и после распятия на кресте он встретился с Отцом Всемогущим.

НА ПРАВАХ ГИПОТЕЗЫ

В Мексике, на каменных стенах, у пирамид мы видим множество скульптурных голов, выглядывающих как бы из иллюминаторов. Это наталкивает на мысль: древние люди по традиции отсекали головы у людей, полагая, что в таком виде, лишенные тела, они способны возноситься над землей в свободном парении.

Что за дикое соображение? Для современного человека, может быть, и дикое. Но не для наших предков. Они ведь лично видели головы в иллюминаторах. А тела не видели. Вот и возникло у них предположение: а что если отрезать голову, полетит она или нет?

Земные эксперименты к удаче не привели. Понятно – люди не боги.

КОСМОКАТ

Никого из нас не удивляет, что во сне мы перемещаемся с невероятной быстротой. Из одного пункта до другого за считанные мгновения. А не намёк ли это на некую реальность, до которой мы еще не доросли. Ни разумом, ни повадками. А если намёк, то по сути дела у каждого есть запас личный космокот.

Кататься на нём по мирам и странам мы ещё не обучены. Но время, как говорится, за нас. И ещё одна-две реинкарнации, и, подражая Гагарину, скажем: «Поехали!»

НЕ СЕМИ ПЯДЕЙ ВО ЛБУ

Когда первый английский корабль пришвартовался у австралийского берега, матрос увидел диковинное животное. И с удивлением поинтересовался у местного аборигена:

– Что это за скотина такая?

– Кенгуру.

И только потом англичане, изучив диалекты бушменов, разобрались, что «кенгуру» в переводе означает: «я не понял».

К чему это? А к тому, что наши предки так же неправильно восприняли заветы богов.

Молились? Да!

Поклонялись? Да!

А вот восприняли бы богов живыми людьми, глядишь, и ума прибавили. В результате отказались бы от религиозных войн. Да и вообще от войн. Не человеческое дело – истреблять себе подобных. В особенности, если помимо слепого поклонения, наличествуют мозги, не говорю уже о душе.

ЗЕРКАЛА ИСТОРИИ

Исторические циклы, каждый в несколько тысяч лет. А внутри – человек.

Можно предположить, что Создатель намерен показать венцу творения свой замысел полностью. Благодаря этому Он проводит человека дорогой реинкарнаций сквозь историю, от полуживотного состояния до властителя мира.

В конце пути длиной в несколько тысяч лет человеку будет позволено ретроспективно взглянуть на свои жизни, и...

– А что я тебе говорил? – врезался голос знакомого ангела в мои размышления.

– Что?

– Чудило, ты парень!

– Не понял.

– Значит, пора понять. Ваши представления о мире обманчивы. Вы привыкли доверяться глазам. А они демонстрируют только три измерения. Всего же измерений двадцать. Вот и представь себе, что увидишь, когда ретроспективно оглянешься на свои жизни. Показывать же их будут в двадцати измерениях. А ты больше трёх не увидишь.

– И?

– Рождайся заново.

– Теперь в ином измерении?

– И до этого дойдёт срок.

ТАЙНА ГЕНЕТИЧЕСКОГО КОДА

Предположим, что каждый гомосапиенс несёт в своих генах информацию о развитии человечества. Тогда понятен смысл реинкарнаций, позволяющих быть свидетелем изменений миропорядка. Понятно и решение оставить после потопа в живых одного Ноя и его сыновей. Ведь, будь в живых на Земле хоть один человек, то, независимо от времени – прошлого, настоящего, будущего, – любой сверхразум, пришелец по-нашему, покопавшись в ДНК, прочтет всю историю нашей цивилизации. Ума ему это не прибавит. Но на докладную материала наскребёт.

Итак... Представьте себе, обычный, ничем не примечательный землянин, скажем, с необитаемого острова, попадает в плен к инопланетянам. Они впервые у нас, вот и интересуются: что да как? А он ни бум-бум, ни об истории нашей с вами лучшей из планет, ни о предках своих. Но его подключили к специальному прибору, и все его реинкарнации просмотрели на плазменном экране, включая не совсем исторического свойства. Словом, не зря слетали в командировку. Всё прознали, выводы сделали и улетели на свою родину. А в докладной написали:

«После космической катастрофы, взрыва планеты Фазтон, необходимо было уравновесить, согласно закону о всемирном тяготении, Солнечную систему. Для этой цели и прикрепили на поводке гравитации Луну к планете Земля. С тех пор она так и существует, в виде вечного спутника. И мало кто догадывается, что она поляя внутри и является космическим кораблём дальнего следования. Откуда такие сведения? Да оттуда, из генного кода уважаемого товарища с необитаемого острова, в далеком прошлом штурмана космического плавания с внеземного звездолета “Селена”».

ПОТОП

Древний индийский символ шивалингам выглядит подобием фаллоса. Но физики, в отличие от простых людей, видят в нём изображение атомного реактора.

Индусы, подчиняясь обряду, льют на шивалингам воду, как бы для символического охлаждения, принимая его за разгорячённое изображение крайней плоти божественного существа. Точно так же, но не вручную, конечно, льют сверху воду на атомный реактор. Зачем? Чтобы не произошёл взрыв. А если реактор как-то забарахлил, то воды требуется в разы больше. Вот это и приводит к предположению о возможных причинах всемирного потопа. В древности что-то случилось с многочисленными атомными реакторами, расположенными на Земле. И пришлось лить сверху воду чуть ли не до бесконечности, чтобы предотвратить мировую трагедию. Взрыв нашей планеты предотвратили, а что касается человечества...

Ну, это уже другой вопрос.

БЛУЖДАЮЩИЕ ДЫРЫ

Каждые три минуты на планете бесследно пропадает человек. Куда? Зачем? Это нам неизвестно. Но при подсчёте человеческого запаса выясняется: уже не хватает несколько миллионов.

По мнению некоторых учёных, они проваливаются, как в омут, в блуждающие дыры, и попадают либо в прошлое, либо в будущее. Где лучше, не сообщают. По причине потери контакта с настоящим.

Почему происходит подобное? Опять-таки, по версии некоторых учёных, из-за капризов времени, которое не прямая линия, а спираль.

Понятно? Нет? Да и мне как-то...

ЭПИДЕМИЯ

Ныне известно, что космонавты за непродолжительный срок пребывания в космическом пространстве увеличиваются в росте на 3-9 сантиметров. До какого же размера они вырастут за годы пребывания в невесомости? И что с ними будет по возвращении на Землю? Как адаптироваться, если, помимо роста, и вес увеличился на десятки килограмм? Исходя из этого, нетрудно предположить, что инопланетяне, или по Библии полубоги-великаны, бравшие в жены земных женщин, вымерли на земле под тяжестью своих тел.

КОЛОНИЗАЦИЯ МАРСА

В последние годы участились разговоры о необходимости колонизировать Марс. С чего бы это? Но если обратиться к истокам, на ум приходит: алмазы Якутии образовались из-за того, что некогда, миллионы лет назад, огромный метеорит врезался в землю в этом районе. Следовательно, и на Марсе, где произошла такая же, но в гораздо более крупных размерах катастрофа, алмазов немереное количество. Так что тот, кто первым доберется до красной планеты, несказанно обогатится.

Ну, поехали?

ПРОРОКИ И ПОРОКИ

Пророческий дар так или иначе приводит к нервному срыву. У самих провидцев, а также у почитателей их талантов. Будущее – это не райские кущи, чаще в предсказаниях – взрыв мощного вулкана, наводнение, ядерная война, а то и нашествие инопланетян. Словом, апокалипсис. Так и хочется сказать: дай кому-либо пророческий дар, и он будет держать в страхе подотчётную часть человечества. Разве не так? Так! Вспомните хотя бы, пророков построения коммунистического общества. Ленин – Сталин...

Кто следующий?

СРОКИ ЖИЗНИ

Марсианский год гораздо длиннее нашего. Следовательно, первые люди, которые, как предполагают, были детьми марсиан, жили намного дольше нынешних. Вспомним библейскую хронологию. Адам – 930 лет, сын его Сиф – 912, Мафусаил – 969, его дядя Иаред – 962. Впоследствии, после потопа, их потомки адаптировались к земным условиям. И стали жить в соответствии с нашим календарем. Вот сроки их жизни и сократились.

Что же делать? Не махнуть ли снова на Марс?

ВОПРОС НА ЗАСЫПКУ

В заветах Всевышнего нет намёка на то, чтобы созданный им человек повышал свои знания, учился в школе и институте, создавал передовую технологию, летал в космос и обратно.

«Плодитесь и размножайтесь», – только и всего сказано человеку. Но ведь это умеют и любые животные. И не величают себя при этом венцом творения.

А что, если отнюдь не венец? Оглянемся вокруг, оборотимся в прошлое: бесчисленные религиозные войны и попутно с этим неистощимое желание разобраться в замысле Творца.

Разобрались? Или для этого нужны ещё войны?

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Мало кто из древних народов обходился без жертвоприношений. Откуда пошла эта привычка? Не из-за того ли, что наши пращуры видели, как инопланетяне похищают людей, в основном молодых и здоровых, и увозят их куда-то на небо.

Вот и стали забирать жизни у молодых и красивых, думая, что подражают небожителям. И тем самым призывают богов вновь на землю. Боги – не люди из разряда покойников, они ведь время от времени возвращаются.

ДОРОЖНЫЕ СТРЕЛКИ

Вселенная существует миллиарды лет. А мы, люди, в активном состоянии разума, когда стали понимать глубинные процессы природы, всего одно столетие.

Отчего же нам не додуматься до того, что вселенная либо ее управители контролируют нашу деятельность?

Надо было им – держали человечество тысячи лет в бронзовом веке, надо – перевели стрелки на век железный. А понадобилось, снабдили нас знаниями, чтобы всего за пятьдесят лет – с 1913 по 1963 – мы прошли путь от мотыги до атомной бомбы и космических кораблей. Прошли, не задумываясь, кому это на самом деле нужно.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ

Почему их такое множество? А всё очень просто, если сидишь за компом и просматриваешь сайты друзей-приятелей. Вот и прикинем, что неким компьютерным игрокам, создателям собственных виртуальных вселенных, позволено играть между собой на победителя. Вот и играют, имея изначально одинаковые исходные данные.

Играют-играют, обмениваются файлами, а кто выиграет, один Бог знает.

ЕСЛИ БЫ ДА КАБЫ

Все, что есть у человека, ему дала наша Земля. От пищи до полезных ископаемых.

Все, что сделал человек, направлено на разграбление и уничтожение нашей Земли. От вырубки лесов до истощения недр и отравления атмосферы.

И после этого он поёт: «Человек проходит как хозяин необъятной Родины своей». Поёт и ходит. А в голове держит тревожную мысль: если бы человек был создан на несколько миллионов лет раньше, то у него не появилось бы таких источников энергии, как уголь и нефть. И его развитие пошло бы по иному принципу. Узнал бы он себя сегодня, глядя в зеркало?

МЕТОД ВЫЖИВАНИЯ

Не лучше ли просто лежать на печи, подобно Емеле, и ждать перемеления к лучшему? Всё само по себе сложится-сбудется, а космические пришельцы явятся и знаниями поделятся.

Хотя зачем для этого пришельцы?

Платон еще до их прихода сказал: «Мы рождаемся, зная всё, что должны знать. Просто нам надо понять это».

Так что можно и без пришельцев. Но нужно то, чего не всегда хватает, – понимания.

ТРИ ПРОЦЕНТА ГЕНОМА

Ау, Дарвин! Не было ли так, что Всевышний, создав человека, показал ему уже на первом занятии по природоведению, что произойдет с его потомством, если убрать всего три процента из генома? Потом вылепил из его ребра Еву, полагая, что Адам поделится с ней зачатками генной инженерии и растолкует азы эволюции.

Но тот увлекся красотой её неземной и запамятовал о предостережении.

КЕМ РОДИЛСЯ, ТЕМ И УРОДИЛСЯ

Мы дышим воздухом, состоящим на 76 процентов из азота и 24 процента из кислорода. На глубинах азот наркотически влияет на человека, иногда до потери сознания.

А теперь представим себе, что инопланетяне, прибывшие на Землю в незапамятные времена, пьянели от азота, который на их планете не столь распространен и подается в легкие под иным давлением.

Представили?

Тогда, дополнительно к этому, представьте себе, что они в таком, мало сказать, хмельном состоянии входили тысячи лет назад к нашим женщинам, о чем написано в Библии. И какое на нетрезвую голову было создано ими потомство.

Так что никто сознательно не спаивал наш народ.

Таковыми уродились.

КАПСУЛА

В 2010 году ученые обнаружили ковчег Ноя, а в нём – капсулу с ДНК человека, сотворённого по образу и подобию Бога.

Это информация засекречена до сих пор. Почему? По той причине, что найдено три различия с геномом нашего современника. Одно в образе, второе в подобии. А о третьем не говорится. Догадаться самостоятельно.

ПОТУСТОРОННИЕ ЗНАНИЯ

Со мной инопланетянин знаниями поделился. Что же я узнал нового?

Предчувствие – не наше природное качество. Это нам помогают извне, ибо в реальном мире любое решение имеет необратимые последствия.

Спасибочки, утешил.

МОНА ЛИЗА В РАЗВИТИИ

В иерусалимском Доме художников заезжий галерейщик из Парижа предложил мне купить по случаю Мону Лизу кисти Леонардо да Винчи.

Я осмотрел полотно и сказал:

– Что-то эта картина слишком большая. Не такая, как в Лувре, где я был несколько лет назад.

– Ничего удивительного. Выросла! – невозмутимо ответил продавец. – Тогда Джоконда была совсем ещё ребенком. А что?

РОДОМ ИЗ РАЯ

Сейчас модно утверждать, что земного человека создали инопланетяне в лаборатории, именуемой Раем. Пусть так, но в этом случае очевиден и факт, что земной человек должен служить своему инопланетному создателю. Причём, безропотно, как робот.

Зачем же тогда в него вкладывать душу? Это ведь очень по-божески.

ИЗБРАННАЯ НЕДЕЛЯ

Семь дней творения – избранная Богом неделя. Но так как человек создан по образу и подобию Бога, то и у него есть избранная провидением неделя. Стоит приглядеться к себе, вспомнить судьбоносные моменты прошлого, и увидишь семь основных дней твоей жизни. Главное, не ужаснуться.

ЗАВИСИТ ОТ НАСТРОЯ

Считается, что в поле нулевой точки собираются все мысли, все энергии, все события, что были, есть и будут.

Если настроиться на поле нулевой точки, то можно стать пророком.

Настроимся?

11 СЕКУНД

Самое приятное в жизни дается бесплатно: любовь и талант.

Бессмертие бесплатно не дается. Приобретать его приходится через любовь и талант. Помните, жизнь человеческая, по определению американских ученых 21 века, равна 11 космическим секундам.

Спешите жить.

МАЛ-МАЛА МЕНЬШЕ

Они все – от Сталина до Берии, а от него и до последнего чекиста – были врагами советской власти. Потому что кроме своей, никакой другой власти не признавали.

У последнего чекиста власть была маленькая, у его начальника – чуть больше, и Берия мог назвать их врагами народа.

У Берии власть была большая, однако у Сталина еще больше. И он мог назвать Берию врагом народа, если прожил бы ещё месяц-другой.

У Сталина власть была самая большая в стране, настолько большая, что он мог любого человека назвать врагом народа, даже самого себя. Но не назвал, хотя имел на это все основания.

ПОЛЬЗА ОТ ПРЕДСКАЗАНИЙ

Мишель Нострадамус – представитель древней еврейской фамилии Десане. После изгнания из Испании род Десане укоренился в Провансе – Франция. Здесь Мишель стал именоваться Нострадамусом.

Сначала он, пережив эпидемию чумы, написал кулинарную книгу, но она не пользовалась успехом. Затем, пройдя через смерть жены и детей, забросил кулинарию, погрузился в астрологию, стал выпускать брошюры с предсказаниями. И прославился в веках.

А что? Предсказывайте и вы.

ОРЕОЛ И СЫЩИКИ

Люди лишились ореола и прибавили хлопот сыщикам. Раньше достаточно было взглянуть поверх головы незнакомца, чтобы определить по ореолу: достоин ли он доверия?

Свет ореола говорил всё. Не то, что теперь, когда люди избавились от ореола, как от совести, и в результате сыщикам работы прибавили.

МЕРИЛО СЧАСТЬЯ

«Высшее счастье для революционера – это месть», – говорил Сталин.

Поэтому был извлечён из Мавзолея и сожжён. Тем, кто изображал себя шутком перед ним, а у зеркала – революционером.

Сталину выдалось жить 73 года и несколько месяцев. Характерно, что Нострадамус предсказал Советскому Союзу тот же срок существования – 73 года и несколько месяцев.

Вот бы поговорить по этому поводу. Но мы не говорим. Мы думаем.

ПЬЮЩАЯ НАЦИЯ

Наставник Калигулы император Тиберий, отдавая душу Богу, внезапно очнулся на смертном одре. И попросил есть.

Калигула, в одиночку дожидаящийся у постели смерти своего учителя, сунул ему в рот кляп. И сверху придавил подушкой, чтобы тот скорее пресытился жизнью. После чего, так сказать, по велению свыше, провозгласил себя императором.

Первым делом он дал амнистию заключённым и разрешил опубликовать запрещённые цензурой произведения.

Римляне обрадовались Калигуловой «оттепели» и назвали узурпатора освободителем.

Чтобы они не успели открыть рот вторично и переименовать его как-то иначе, им стали нещадно рубить головы. И они набрали в рот воды.

С тех пор и пошло присловье: «пьющая нация».

Как видите, к россиянам оно не имело никакого отношения.

НЕСОСТОЯВШИЕСЯ

Гитлер был неудавшимся художником.

Сталин был неудавшимся поэтом.

Не дали им возможности подняться по шатким ступенькам творчества на самый верх лестницы, чтобы попутно разбили нос либо получили по два-три инфаркта.

В следующий раз, надо полагать, умней будут.

Правда, кто изобретёт тот микроскоп, через который в творческом микробе можно различить тирана-политика? Есть добровольцы?

Никто не отзывается. И, думаю, не отзовется. Своя голова дороже лауреатской медали.

ПОДСКАЗКА РИШЕЛЬЕ

«Предательство – это только вопрос времени», – говорил кардинал Ришелье.

Сталину эту фразу передали по секрету в нужное время и в нужном месте. Поэтому на свой последний день рождения 21 декабря 1952 года он не пригласил Молотова и личного секретаря Поскребышева.

Берю он пригласил, полагая, что до его предательства ещё есть время.

НЕОСПОРИМОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ВИНЫ

В 1931 году, когда в США судили знаменитого гангстера Аль-Капоне, будущий заместитель министра госбезопасности Михаил Рюмин был всего лишь бухгалтером в артели «Ударник». Но тайком, помышляя о службе в карательных органах, изучал юридическую литературу. Очень его озадачил параграф о презумпции невиновности. Оказывается, она запрещает называть человека преступником до стопроцентного доказательства его вины. На это юридическое крючкотворство наскочили, как на грабли, даже американцы, когда судили Альфонсо Габриэля Капоне по кличке «Великий Аль». Его обвиняли в организации кровавой бойни. Но, не имея явных доказательств, приговорили к заключению всего лишь за уклонение от налогов.

Мы пойдём иным путем, – подумал Рюмин по-ленински. И избрёл высказывание, приведшее на эшафот многих невинных людей: «Вашу виновность доказывает факт вашего ареста».

Следует напомнить, что он, полагаясь на поддержку Сталина, который однажды недвусмысленно сказал, что «у чекиста есть только два пути – на выдвижение или в тюрьму», стал инициатором «Дела врачей», дела о «сионистском заговоре» в МГБ и других кампаний с антисемитской подоплёкой.

ОЖИВЛЕНИЕ ФАНИ КАПЛАН

В 866-м номере израильского еженедельника «Секрет» я прочитал заметку Владимира Иткинсона «Я видел Фаню Каплан». И мне вспомнилось, что в первой половине пятидесятых годов тетя Фаня, сестра моего папы Арона Гаммера, рассказывала нам, что на последних гастролях во время поездки на Урал она видела живую Фаню Каплан.

Случилось это в Усольяге, в трехстах с лишним километрах от Нижнего Тагила, где она жила до войны.

Но прежде, чем артисты Московской филармонии дали концерт, им устроили нечто вроде экскурсии, поводили по огороженной территории. Для чего? Наверное, для того, чтобы они увидели женщину, идущую навстречу, с табличкой на груди «Я стреляла в Ленина!».

– Кто это? Кто? – спросили экскурсанты, артисты филармонии, у женщины-надзирательницы.

– Это Фаня Каплан.

– Но её расстреляли!

– Нет! Пощадили. По личному распоряжению Ленина ей подарили вторую жизнь, дабы она своими глазами увидела, что дело его правое и коммунизм – светлое будущее всего человечества – победит.

Интересно, какими это глазами можно увидеть в лагере светлое будущее всего человечества? Над этим не задумывались мастера пропаганды, распускающие благоприятные для режима слухи даже таким «визуальным» способом. Им надо было убедить всех, что «дедушка Ленин» был самым человечным из людей. Вот ради забвения этой мысли в потревоженные смертью Сталина черепушки советских людей и объявились к началу «оттепели» якобы живые Фани Каплан.

РЕГУЛЯТОР

Не иначе, как тело само регулирует продолжительность жизни. Оно самоустраняется, когда чувствует, что хозяин отказывает ему в каждодневной работе, либо физической, либо творческой.

Что же имеем в итоге? Обстоятельства.

КУХОННАЯ ДИАЛЕКТИКА

«Это рабская точка зрения», – сказал Хрущев, когда у него спросили: может, не надо было рассказывать правду о Сталине?

Другой философ сказал: «Правда кусается».

Третий добавил: «Как бешеная собака».

А правда, облизываясь, мало-помалу превращалась в покладистое, вегетарианского толка животное. И приспособилась есть лапшу, которую вешали людям на уши.

ЧТО СКАЗАЛ АНГЕЛ

Мой знакомый ангел как-то сказал, косо взглянув на обложку лежащей у меня на коленях книги.

– У палачей чистые по локоть руки, если они не оставляют свидетелей и потом пишут мемуары.

– Читал?

Проза

- Видел в природе их деятельность.
- Присутствовал при расстреле?
- Можно и так выразиться.
- А когда ты родился?
- Я не родился. Я был у мамы в животике, когда в него угодила пуля.

ДЫМОК ОТ ПАПИРОСЫ

Обычные люди боялись до 5 марта 1953 года курить советские папиросы «Герцеговина Флор». Как бы их не обвинили в желании реставрировать власть дворян и помещиков. А Сталин не боялся, курил, пока его не хватил удар. Смелый был человек.

НАКАЗ ФАРАОНОВ

По всей вероятности, наш мозг представляет из себя приемно-передающее устройство. Сознание находится за его пределами, где-то вовне. И это нам демонстрируют на древних египетских фресках, когда изображают людей с головами птиц или зверей.

Прежде нас учили, что это аллегория, иносказание, миф.

Но предположим самое простое и логичное: древние люди не фантазировали, а по незыблемому наказу фараонов рисовали с натуры увиденное, чтобы донести до потомков реалии происходящего из года в год под сенью пирамид.

А эти реалии на языке артефактов наглядно показывают: можно и с птичьей или лисьей головой жить и оставаться вроде бы человеком, если сознание находится не в мозгу. Размер мозга, в этом случае, говорит лишь о его компьютерных возможностях по переработке и освоению поставляемой из космоса информации. Хуже, когда птичья или лисья голова скрыта под оболочкой обычного человеческого черепа. Тогда трудно предположить, чего ждать от его обладателя.

ЧУЖОЕ МНЕНИЕ

«Войны ведутся оружием, а выигрывается людьми», – сказал американский генерал Джордж Паттон на исходе Второй мировой войны.

Мой знакомый ангел-хранитель, выслушав его, заметил:

– Люди! Вам дана была жизнь. А что вы делаете с этой жизнью?

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

450 конкистадоров прибыли в Южную Америку и одержали победу над 25-ю миллионами ацтеков.

Столь грандиозной победы не было ни до, ни после: ни одна война в мире не проходила при столь количественном неравенстве враждебных армий.

Но величайшими стратегами почему-то считаются Наполеон, Жуков, Роммель.

Где же историческая справедливость?

Никакого отклика. Даже эхо спряталось и не высовывается.

МАЛ СОВЕТСКИЙ АЛФАВИТ ДЛЯ ГАММЕРА

1965 год! Калининград. Военный городок. Боевые стрельбы. Изнурительные марш-броски. Но мне двадцать лет! И всё – нипочем!

Который раз я уже чемпион по боксу! И который раз я также кандидат на публикацию в журнале «Смена».

Заведующий отделом юмора и сатиры Михаил Андраша из раза в раз надеется дать подборку моих произведений. Но всё ему что-то мешает.

А ведь впереди первое всесоюзное совещание молодых юмористов и сатириков, куда и меня должны направить после публикации в «Смене».

Но как оказаться на форуме, если Москва не печатает меня даже в солдатской форме защитника Родины?

И вдруг письмо. Не билет ли в нём на тот последний поезд?

«Дорогой Ефим! – пишет Андраша на типографском бланке журнала. – С каждой вещью я вижу, что Вы талантливый автор. Несмотря на то, что мне не удалось ничего напечатать из присланного. Хорошо и последний присыл. В Новом Году желаю Вам удачи. Постараюсь что-нибудь опубликовать. Сейчас пока – нет.

С приветом (подпись) М. Андраша

P.S. В вашей фамилии маловато букв для фамилии Гамеров. Ефим Гомеров, а?»

Пусть советский образец русского алфавита оказался маловат для Гаммера, я все же был благодарен Михаилу Андраше за моральную поддержку, за слова «Вы талантливый автор», за всё то, что открылось мне в письме, как говорится, между строк.

Я отказался от предложения изменить на русский лад свою фамилию. Не стал ни Гамеров, ни Гомеров. И не беда, что так и не печатался в «Смене», не попал на всесоюзное совещание молодых юмористов и сатириков, позволяющее гвардии рядовому Ефиму Гаммеру выйти в генералы, скорей всего, свадебные, от официальной литературы героической эпохи застоя.

КОСМИЧЕСКАЯ ШТОПКА

«Человечество, смеясь, растается со своим прошлым», – сказал Карл Маркс, обрастая лавиной гривой.

После этого высказывания прошли Первая мировая война, Вторая мировая, разгром «тысячелетнего Рейха», развал Советского Союза.

А мы смеёмся, когда не плачем кровавыми слезами.

Или плачем кровавыми слезами, когда не смеёмся.

И, «оглядываясь, видим лишь руины», – как широковещательно подметил Иосиф Бродский.

От себя добавлю. Наше время уйдёт в глухую несознанку, если мы не возьмёмся за перо.

На выходе из двадцатого века, в первой половине двадцать первого, пока ещё не затушевалось прошлое, писателю следует располагать и журналистскими навыками, иначе мы растеряем в разнообразных изысках свою историю. А это приводит к забвению собственного «я». И не поймёшь потом – кем ты был в действительности, кем являешься сейчас, откуда вышел и куда идёшь.

И, главное, идёшь ли? Может, возвращаешься?

На этой не совсем оптимистической ноте знакомый ангел спонтанно выхватил из памяти мой давний иронический стишок:

Игла пронырлива и прытка,

Везде протаскивают нитку.

И заставил подумать: а не устроено ли подобным образом и вселенское сообщество? Не скручивается ли в конце времён в нитку со всем своим «что было, есть и будет», чтобы пройти сквозь игольное ушко чёрной дыры? А затем, повернув, возвращается из запредельного пространства в наше со своим неизменным «что было, есть и будет»?

Спрашивается, не космическая ли это штопка? Вполне возможно, и так. Но какую прореху следует заштопать, не нам судить.

КАЗУС КОРРУПЦИИ

– Вопиющая неграмотность и необразованность! – возмущался поэт, когда его арестовали. – В чём я виноват?

Следователь раскрыл газету с рецензией на книгу его стихов. Красным карандашом подчеркнул: «проникновенный лирик». И задал вопрос:

– Куда проникли? Здесь не указано, но мы хотим уточнить. Тем более, что у начальника нашего отдела по борьбе с коррупцией пропало из домашнего сейфа 10 миллионов конфискованных у олигархов рублей.

Леонид Колганов

КРЕМЛЬ В ОСАДЕ

Памяти Кронштадтского и Тамбовского народных восстаний

Шатают волны крышку Гроба,
Они вплотную подошли,
Всосала водная утроба
Гробы и кости всей Земли!

Они дошли до Мавзолея,
И словно выйдя из глубин,
Поднялись, ширясь, не мелея,
До Красного Кремля вершин,

Как мужики из всех глубинок,
Из всех медвежьих уголков...
Как будто вновь на поединок
С Кремлём, как лес, пошёл Тамбов!

И вижу снова я сегодня
Балтийских волн крутой накат,
Как будто волею Господней
На Кремль опять пошёл – Кронштадт!

Все богоносцы и братишки
В бессмертный выстроились ряд,
За все изъятые излишки
Они его благодарят.

Их волны достают до неба
И обдают, как лдяный душ,
За взятые излишки хлеба,
За взятые излишки душ!

Как будто обступают Стеньки,
На подступающей волне,
Готовые поставить к стенке
Всех, кто в Кремлёвской спит Стене.

И пятясь, словно от цунами,
Москва обложена сполна,
Как Кремль былыми мятежами,
Россией вся окружена!

И никакой уже нет силы
Сдержатъ напор волны двойной:
Москва окружена Россией,
И обе – Чёрною Ордой!

ОН

*С кем протекли его боренья?
С самим собой, с самим собой.
Борис Пастернак*

Я шёл по высохшему руслу
Реки, погибшей в этот год,
И вдруг ручей метнулся узкий –
Был вод подпочвенных Исход.

Вода резвилась, как мальчишка,
Чей бег извилист, как прорыв,
Реки ожившей! О, излишек
Энергий юных и живых!

Он постепенно расширялся,
Как вена – от крови живой,
И вместе с ним я возрождался,
Рекой вставал из-под песков.

И с новорожденною силой,
В себе всех мёртвых погребя,
Я, словно выйдя из могилы,
Клал на лопатки сам себя!

И завалив себя былого,
Как предначертано судьбой,
Я в новый бой рванулся снова,
Неужто вновь с самим собой?

Нет – это был какой-то третий,
Его я не узрел лица,
Он для меня сильнее смерти,
Во мне он будет до конца,

Во мне нашёл свою он нишу,
Словно в пещере у огня...
Его в себе в упор не вижу,
Он видит изнутри меня!

Нет,
Лучше бы
В себя нырял я,
В родную глубину, как в темноту,
Ведь неизвестно – что за дьявол,
Мою заполнил пустоту!?

НАШ РАСКОЛ

Он – обезглавленный мятежник,
Как обезглавленный Собор.
В нас кровь его доселе хлещет,
Бушуя в жилах до сих пор.

Хоть мы его совсем не видим,
Но в свой расколотый черёд,
Меж нами ходит он незримо,
И словно ночь меж нас встаёт.

Как обезглавленный провидец,
Башку подставив под топор,
Он всё равно насквозь нас видит,
Скользя, как призрачный дозор!

Раскол церковей, как прежде, рыщет
И ищет голову свою...
А в Диком поле стрелы свищут,
Как в неоконченном бою!

В том незаконченном сраженьи
Он Русь на части расколосил,
И за собой тьму поколений
То на костёр вёл, то – на кол!

В нас кровь его, как площадь, плещет,
И как всегда, ведёт в разор,
Он – безголовый наш мятежник,
И наш безбашенный Собор.

НА МИГ ОДИН

В душе у Каина пустыня
Цветами всеми расцвела,
И словно мать – убийцу сына,
Как блудного, вновь обняла.

И все пустыни приютили,
Как матери, сынов-убийц...
На миг в своей преступной силе
Все Люциферы пали ниц.

На миг один – подумал Каин,
Что ждал его иной удел,
На миг один воскресший ангел
Над падшим сыном пролетел!

РВАНЬ-РВАНИНА

*Не дай Вам Бог увидеть русский бунт,
бессмысленный и беспощадный.*

А. Пушкин

Лишь палач на Пугаче тулупчик
Яростно и лихо разорвал,
Отвалило Время, как попутчик,
И разверзлась Вечность, как провал.

Не осталось у Емельки крова,
Дом в станице – выжженный оплот,
Что же рвань-рванина Пугачёва
Словно туча, до сих пор плывёт

По́ небу над нашим вечным чадом,
Брошенных и выжженных земель...
Так бессмысленно и беспощадно
Русский бунт бушует в нас досель.

Потому что он – родной-родимый,
Снова нас ведёт, как бык, хрипя,
Мы за ним идём: огнём и дымом,
Оставляя выжженных – себя!

Оставляя за собой деревни,
Где остались только старики,
По земле родной идём средь терний,
Как её отбросы-сорняки!

Блудного идём дорогой сына,
Мы – земной отбросивши оплот...
Нам осталась только рвань-рванина,
Что над нами по небу плывёт!

Леонид Складнев

ПОЭМА НЕМОТЫ

Даны кому-то верные слова.
А мне – увы. Неуловимо слово.
Разбухший от вина язык солово,
Как олово тяжел, едва-едва
Касаясь нёба, вяло шевелится.
А по ночам опять Россия снится.
А утром – как чужая голова.
День труден, будто жизнь в чертогах Дита.
А по ночам, бела, как Афродита,
Блудливая луна фалует горизонт.
И в Яффо зимний Понт гудит сердито
И твердь Земли волной берет на понт.
Как мне близка тщета его борений.
Всё – как всегда. И все дороги – в Рим.
И мир когда-то был неповторим.
А нынче – только скука повторений.
Всё – как всегда. Не изменить природы.
На поприще большой литературы –
Маститых литераторов дела,
И те же деловые недоучки,
И милые устройчивые сучки,
И вечное «тому ли я дала?»
О чем я, Боже? Не могу связать
Двух верных слов. О, что за наказанье
На полуслове оборвать признание!
«Я слово позабыл, что я хотел сказать».
А там, на севере – белым-бело.
В пустотах постсоветского пространства,
Где нас лишали заживо гражданства,
Уж пламенный октябрь позамело.
В Ивановке товарищ топит печь.
А я – чего я жду? О чем тоскую?
Зачем, как все, не полюблю другую
И глоссой не казню родную речь?
Ведь в том, что нынче нем, – моя вина.
Моя вина – не может быть вопроса.
Далекий друг грустит без кальвадоса,
И у меня – на доньшке вина
Осталось в амфоре. Блудливая луна
Прекрасна и бела, как Афродита,
Ни смертному, ни богу не верна.
И в Яффо зимний Понт гудит сердито.

ПОЭТ В БЕЕР-ШЕВЕ

Исход субботы. Темен небосвод.
Хамсин сухой горячей пылью дышит.
Компьютер нем. А он... Он хмуро пьет:
«Погода чертова! Хамсин меня убьет.
Соб-бачья жизнь – опять никто не пишет.
Никто...» Тоски угрюмый беспредел.
И вдохновенья призрак улетел.

А жизнь – как жизнь: жестока и проста.
С измятого газетного листа
Священные каракули иврита
Оповещают: столько-то убито.
И далее убористым петитом
Идут убитых этих имена.
Орут соседи, и – почти война.

Мерцают старой почты письма
Со старого овального экрана.
Не пишут из России, и она,
Далекая-далекая Татьяна
Не пишет. Душно, и почти война.
Война – общенародный сдвиг по фазе.
Опять кого-то замочили в Газе.

А в будущем – египетская тьма.
А жизнь проста, жестока и напрасна.
Война ... Атас! Страна сошла с ума –
Закрыли все веселье дома
И выслали украинок прекрасных.
Увы. И всех в сердцах назвав на «мэ»,
Охота сделать жизни резюме.

На севере, в России, снег, поди,
И до идиотизма – перестройка.
Куда летишь, родная? Осади!
Валит в веках лихая Птица-Тройка –
Тачанка, паровоз, головомойка,
Истории Олимп, ее помойка –
А ты, как зверь, с дороги уходи
С привычной болью, ноющей в груди.

Просматривает, пальцами хрустя,
Ряд строк неровных. Кашляет от пыли.
И громко вслух: «Да сколько бы ни крыли,
Меня прочтут потомки и простят.
Ведь любят нас потом – когда зарыли».

* * *

Сухая осень выдохнет хамсин
И в амфоры добавит алой влаги.
Сгустит в лазури Понта шторма синь,
А в сердце дрогнувшем разбавит яд отваги.
И смерчи пыль горячую взметут,
И глянёт с выраженьем мертвым мима
Сквозь желтую пустыни пустоту
Лицо войны, увы, неотвратимой.

А где-то осень прежняя, былая,
Роскошествует, парками пылая.
А где-то в раме леса мокнут нивы
У берегов Нормандии дождливой.
И города – как с Брейгеля полотен,
И воздух ощутим и влажно плотен.

Там дама с утюгом и со стаканом
В пространстве многомерно многогранном
Танцует танец в стиле кальвадоса,
Отпив его, как водится, без спроса.
Взгляд в никуда срывается с карниза,
И на плече качая попугая,
Твердит: «Стихов!», настойчиво капризна,
А прозу в тихом страхе отвергает.

И время замирает робкой мышью
Меж утюгом и милостью случайной.
И я гадаю: «Что она напишет?»
И как беды боюсь ее молчанья.

ЭПИЛОГ

Живу и живу, как будто бы смерть – за горами,
За долгими-долгими сменами ночи и дня,
Как будто стареет портрет в позолоченной раме
Вместо меня.

Как будто, как будто бы все еще только случится:
И ночь черноокая свяжет любовью уста,
И ветер рассвета, прохлады крыла распластав,
Влетит в мою форточку доброю вестницей-птицей...

А сердце надежду с густеющей кровью цедить
Устало – и ноет, и просит его пощадить.

БЕЕР-ШЕВА

Авраамовых троп бред.
Приглядишься: здесь все – знак.
Вот влечется отцу вслед
Тихий агнец его, Ицхак.

Вот отец преступает грань
Отчей боли и страха дрожь...
Но простертая верой Длань
Отведет занесенный нож.

Все здесь – знак. И в века пролом
Здесь зияет – огни горят.
Это мой предпоследний дом,
Праотца Авраама град.

Навсегда – и вчера, и днесь –
Теням вечности ворожить.
Я живу и живу здесь,
Будто негде мне больше жить.

Здесь, в законе земном погряз,
Божий люд лелеет тщету,
Испросивши себе Царя
И предавши Его кресту.

Здесь в пустыне – пространств вой,
И Преданье полно чудес.
И пожар иудейских войн
Полыхает по край небес.

Тяжело задышит хамсин,
Мутным жаром затянет даль.
На рассвете уйдет сын,
Вороненую нежа сталь.

Вот, теперь преступай грань
Отчей боли и страха дрожь,
Да молись, чтоб Его длань
Отвела занесенный нож.

А в пустыне – пространств вой,
Махпелá*, Авраамов гроб,
Пропасть вечности, пламя войн –
Вещий бред патриарших троп.

* Пещера Махпелá в Хевроне, где похоронены праотцы Авраам, Ицхак и Яков и их жены Сара, Ривка и Лея.

Валентина Бендерская

ЗАКЛИНАНИЕ

Не разлей, вода!
Не развей, пурга!
Замеси пирог
С мёдом, с вишнею.
Постели постель,
Где любовный хмель
Я по краю сна
Прошвой вышью.
Не грози огнём,
Не тряси копьём,
А ударь во все
Звоны праздные!
Не намыть мытьём...
Не нажить житьём...
Не чужие мы,
Просто – разные.

* * *

Напрасно рвёт горло охрипший петух –
не выйдет Ярило на солнечный круг.
Затянута небо венозной плевой:
в нём занято солнце сегодня собой.

И пеней не слышит, не внемлет мольбам,
промокшим пичужкам, озябшим котам...
Средь красного лета свинцовой стеной
посланники осени ходят толпой
непрощенных пришлых, неожиданных гостей.
Назойливым ветром до мозга костей,
прокисшим дождём загоняют всех в дом.
Вновь серого дня окончания ждём...

Ещё не нагрелись поля и леса,
ещё не сорвали свои голоса
пернатые певчие: сладостен миг
летнего царства божественный клик.

Но всё же добился дотошный петух,
и завтрашним утром явилось на круг
светило с оранжевой гривой лучей
и лету вернуло всё до мелочей!

Из цикла «ПУТЕВЫЕ ЭСКИЗЫ»

Северная брезжит параллель,
Дальше не гуляют пароходы...
Вал сбивает с ног, как крепкий хмель.
Здесь кочуют северные воды.

В них резная дыбится волна
Вологодским кружевом старинным,
И вдали вода, как море льна,
Вплоть до неба полем синим-синим.

СЕНОКОС

Я подстригу запутанные кудри
И расчешу проборы на лугу,
Преображу для праздника – и в будни,
Земля моя, как я тебя люблю!

Ты так прекрасна ранним утром ясным,
Дыханьем свежим, щедрою росой,
Лугов сочной зелени атласом,
Ив и берез расплётенной косой,

Закатным солнцем, что играет в иглах
Еловой ветки под моим окном,
Пучком травы, застрявшим в гребне-вилах,
Котом, бегущим за своим хвостом...

Я все сгребу остриженные кудри
И уложу в упругие стога,
Где до весны во время зимней вьюги
С комфортом барина улягутся снега.

Душистым сеном я набью подушки,
На них мы вместе будем крепко спать,
И в сумерках, как близкие подружки,
Поделится секретами опять.

Я разгребу запутанные пряди
И уложу причёску на лугу...
Земля моя, и этой жизни ради,
Любить лишь только так тебя могу.

Валентин Серебряков

По мотивам стихов Алена Боске

И ТО, И ЭТО...

– Мир создавая, – так сказал Творец, –
Я множество придумал отвлечений:
добро и зло, начало и конец,
грех сладости и совести мученье.
Но вот беда, почувствовал я вскоре,
что в дебрях заблудился сам теорий.
Тогда придумал вещи я простые
и даже сумасбродные, как то:
вулкан, колено, лошадь, веко, иней,
хлебное дерево и горное плато.
Вот и решать вам надобно самим:
конкретен я иль все ж неуловим?
И то, и это я одновременно,
в тупик наивных ставлю я людей,
которые надеются надменно:
мы докопаемся до сущности твоей!

О ПРАВАХ

– Не имею я права грезить, плавать в мечтах –
я ведь Бог и творить ежечасно обязан.
Права нет мне любить и вздыхать «ох» и «ах» –
я как Бог жестко к действию привязан.
Не имею я права, чтобы был месяц май –
я ведь Бог, и декабрь в календарной разметке –
хочу музыку я, хоть садись и играй,
но у Бога рев-грохот в повестке.
Не могу расспросить океан, небо, лес –
я ведь Бог, за судьбу их в ответе.
Собеседника нет у меня, трудно без –
Бог один, и других нет на свете.
А имею ли право я просто молчать?
Нет, я Бог, и я должен себя утверждать.
И нет прав умереть мне, поверьте –
я ведь Бог, и навеки бессмертен.
Но я право имею как Бог – Богом быть,
но что это такое – сумел я забыть.

ВЕСЫ

– Я взвесил тело свое, – говорит человек удивленно, –
пятьдесят килограмм показали они во мне весу.
Положил на весы я тревогу, тоску свою – тонны
весят они по четыре, как страхи и стрессы.
Душу свою положил на весы, оказалась
легче пушинки она, так, ничтожная малость.
Взвесил я слово свое, стрелка весов закачалась,
вес показала с утра, только слово к ночи потерялось.
Думаю – а не взвесить ли мне Вездесущего Бога?
Взвесил Бога – весы на нуле. Навалилась тревога.
– Это не страшно, – слышится из неведомого Бытия,
Бог говорит – дело в том, что весы твои я.

АТЕИСТ

– Почему, – Бог сказал, – все неправильно в мире:
должны были кометы как олени пастись,
а березы на скрипках играть и клавирах,
острова из морей в небеса вознестись,
человек – избежать беспокойств и тревоги.
Кто мне скажет, чего-то напутали боги?
Я могу мир разрушить, чтобы сделать другой,
но приемлем ли способ решения такой?
Я возьмусь за работу, все переиначу,
жизнь сложна моя будет и путь мой тернист.
Воля есть у меня и есть силы, тем паче,
заявляю уверенно: Бог теперь – атеист.

ЗДОРОВАЯ ПИЩА

Бог говорит: – Я здоровая пища:
мясо, зерно, ежевика и мед...
Есть меня можно, но надобно чище
душу помыть, зубы вычистить. Вот,
красиво одеться. Из лучшей посуды
старайся меня положить себе в рот
и долго жевать. Проявлять себя буду
я разными вкусами. И кислород
легким твоим принесу я, и силы напор
мышцы почувствуют, разум – простор.
Стану твоей я насыщенной кровью,
сердце наполню ей и любовью.
Такая забота о вас, считай – патронимия.
Я – твоя самая чистая химия.

КАК МУСТАНГ

Как мустанг, необъезженный конь,
Бог бежит в мою слабую грудь.
Не расслабиться, не отдохнуть;
на дыбы встает, из ноздрей огонь,
ржет вовсю, наконец, притомился,
за аорту меня зацепил, снова взвился...
Вот он в череп галопом ворвался,
бьет копытом, а грива блестит.
Ночью вдруг вне меня оказался,
взял меня, и мы к звездам летим:
как я счастлив, раскован, любя!
Но лечу из седла вдруг при этом,
и уже перед самым рассветом
возвращаюсь разбитым в себя.

ЧЕЛОВЕК – ЭТО РИСК

– Господь, скажи, зачем мне это тело,
оно мне уж давно осточертело,
душа болит и призрачна надежда.
Ну, хорошо, допустим, я невежда,
а для чего Ты жажду дал познания,
неужто благо для меня все эти знания:
вселенских звезд, свойств неживой природы,
ручьев и рек, морей, самой погоды, –
они для жизни мне необходимы?
А боль в груди и страх необъяснимый,
и поиск новых слов, боязнь противоречий –
нужны ли мне они для жизни человеческой?
Ответил Бог: «Да, ты, пожалуй, прав,
и человеческий преусложнен устав.
Да, человек – есть риск и риск огромный,
он для меня, пожалуй, неподъемный».

НИЩИЙ

«Нищим, – говорит Бог, – я иду от урны к урне.
Моя собака умерла, мой портфель потерял.
Где-то плачет ребенок в этот вечер лазурный.
Я не прошу, как милостыню, взгляда с доверием.
Я, оставшись давно без обуви, ловлю рыбу на озере.
Я не чувствую времени и в какое время года живу.
Если весна распустила на деревьях все свои козыри,
может быть, лето или осень уже наяву.
Если шквал налетит, не спугнет Бога эта забава,
дайте мне только свитер, пусть он будет дырявый».

МАСКИ

Все хотят видеть не образ – лицо.
А я, как ребенок, все прячусь за маской.
У меня их десятки, и я без опаски
волком прикинусь или овцой.
А если я вдруг стану жертвой облавы,
то натяну на себя балаклаву –
узкая щелка, сплюснутый нос...
Нет, не пугать вас я буду, вы правы –
спрячусь, как страус. Спасусь ли – вопрос?
Но зеркало все выдает без обмана:
волка не спрятать под шкурой барана.
Даже под маской проявится суть –
не напугать вас, не обмануть.
Главное, верить, и главное, знать –
лучше лица своего не терять.

МОЙ ЛЮБИМЕЦ

– Если бы ты знал, – говорит Бог бессменный, –
насколько долгой кажется вечность тому,
кто, как я, в одиночестве правит Вселенной
и знает при этом один закон – прихоть саму.
Ты прости, я тебя произвел на свет ради забавы,
мой двуногий, мой хрупкий, сапиенс мой суеверный,
слабый, словоохотливый и более чем лицемерный,
жаждущий знаний, но больше вниманья и славы.
Ты для меня лишь игрушка – итог не особых трудов,
как майский жук или радуга в небе моем разноцветная,
в которую я почему-то вложил всего семь цветов,
а не двенадцать и даже не двадцать, заметно ведь?
Ты не излишне ль себя принимаешь всерьез, сумасброд
милый мой? Знать ты должен – в моей круговерти
все творенья свои предаю я в конце концов смерти,
а в Небытии у меня и других еще много забот.
Но, прервав на секунду свой созидательный бег,
я не могу обойтись без сентиментальных признаний:
ты по-прежнему образ мой и подобье мое, человек –
мой любимец, среди всех моих временных
и разнообразных созданий.

Примечание редакции:

*Стихи В.Серебрякова, представленные в ЛИ-18,
также написаны по мотивам стихов А.Боске.*

Дина Березовская

ТАМ, ГДЕ ТЕПЛО

В январе у Леночки умерла мама.

Ночью зацокала коготками, заскулила, заскреблась Буся. До слёз не хотелось вылезать из-под одеяла в промозглую сырость ничем не прогретой квартиры. Но Буся продолжала скулить, и Леночка встала.

Тапочки, разжалованные летние босоножки, защёлкали танкетками по неровному полу. В последнее время косточки стали некрасиво выпирать на обеих ногах, но Леночка всё равно никогда не ходила на плоской подошве, хоть маленький – да каблук.

Буся скреблась за дверью маминной спальни. Леночка удивилась – Буся всегда спала у мамы в ногах, в ямке за согнутыми артритными коленями, и не стала бы покидать тёплого гнезда.

В комнате стояла стылая израильская ночь.

И мама на кровати была уже совсем холодной.

Леночка постояла какое-то время, глядя на черное пятно плесени над оконной рамой, а потом вернулась в свою кровать. Она отогнула одеяло, приглашая Бусю к себе, но это была мамина собака, она не хотела Леночку, а хотела свою хозяйку, её ушедшего тепла, и Леночка уснула ещё более одинокой, чем всегда.

Наутро, когда в обычное время пришла мамина сиделка молдаванка Рита, Леночка пила кофе за своим фортепиано и наигрывала одной рукой. Из всего их домашнего скарба, купленного по дешёвке или собранного мамой в разное время, только пианино было из той «русской» жизни и принадлежало Леночке.

У Риты был свой ключ, это избавляло Леночку от необходимости вставать, а Риту – здороваться.

Сиделка протопала напрямик в мамину спальню, но пробыла там недолго и вскоре возникла в дверном проёме.

– Лена, Раиса умерла, – сказала Рита без обиняков.

– Ещё ночью, – пробормотала Леночка в чашку.

Рита долго смотрела на неё, сложив на груди сильные руки, которыми она так ловко ворочала и мыла в ванной крупную маму.

– Малахольная, – сказала она сочувственно.

Леночка отхлебнула кофе и закашлялась.

Потом Рита куда-то звонила. Приехала «скорая помощь» – «амбуланс», и забрала маму, как уже много раз до этого. «Скорая» не лечила, а только возила, и стояла дорого. Но сегодня дорога была в один конец и бесплатно.

Неловко разворачиваясь в тесной гостиной, санитар чиркнул носилками по полированному боку пианино, оставив свежую царяпину, и у Леночки задрожали губы.

На кладбище, посреди бурой каменистой пустыни, ветру не за что было зацепиться, кроме могильщиков, служки, читавшего молитвы, и Леночки, съёжившейся в комок внутри её щеголеватого пальто.

Высокая мама, завёрнутая в холстину и перевязанная верёвочками, как кукла вуду, казалась совсем маленькой, словно тоже съёжилась, спасаясь от ветра, внутри своей неглубокой могилки.

Дома Рита накрыла нехитрые поминки для соседок, но убираться не стала и ушла, оставив свой ключ на столе. Леночка только поморщилась: раньше на все настойчивые указания прибрататься в гостиной и на кухне Рита тоже отвечала, что государство не за то ей деньги платит, и что она мамина сиделка, а не Леночкина прислуга.

А когда-то, много лет назад второй Леночкин муж-болгарин каждое лето возил слабую здоровьем Леночку в степной Крым, где снимал у одной и той же хозяйки отдельный домик на берегу Азова.

Леночка берегла руки, хоть и играла любительски, поэтому муж платил хозяйке и за уборку, называя её в шутку хозяйка-прислуга, «господарка-слугиня».

Утром Леночка, провожаемая сочувственным гомоном марокканских соседок, вывела Бусю на пустырь за домом. Леночка шла, ни на кого не глядя, она не понимала ни слова из их гортанных выкриков, ей казалось, что они думают о ней дурное и кричат ей в спину гадости.

Сосед сверху, старший по подъезду, небритый мужик в кипе, курил, сидя на ступеньках крыльца. Тут же носились его расхристанные дети с облезлым самокатом.

Бывало, когда Леночка играла слишком громко, сосед стучал в её дверь, а потом уходил, не говоря ни слова.

– Елэна, – сосед отсалютовал ей сигаретой.

Леночка молча прошмыгнула мимо, и уже укрывшись в квартире, вдруг подумала с беспокойством: откуда он знает, как её зовут? почему именно сегодня он назвал её по имени?

Эта мысль занимала Леночку до самого вечера.

Перед сном, включив свой любимый сериал, Леночка почему-то увидела на экране только цветные пятна. Глядя на их карусельное кружение, она вдруг поняла, что не может вдохнуть до конца, словно ёмкость для воздуха у неё внутри заполнилась наполовину сточными водами страха.

Чем быстрее мельтешили пятна, тем выше поднималась вода. Леночка поспешно выключила экран.

Острая тревога стальной проволокой вошла в ладонь и вышла в ямке у горла. Леночка растерянно коснулась шеи в подступающей темноте, ожидая нащупать колкий кончик.

Она так и не зажгла света и сидела, не шевелясь, боясь расплескать мутную воду внутри.

Вдруг острые штыри света, чиркнув по стене, воткнулись прямо в Леночку. Чья-то машина за окном светила фарами во тьму квартиры.

– Это сосед. Это его машина. Он нарочно светит, – Леночка совсем перестала дышать.

Лучи фар погасли. Леночка так и осталась сидеть до утра, скованная холодом, пока Буся снова не позвала её во двор.

Теперь, выходя в супермаркет на углу, Леночка всегда видела в отдалении машину соседа. Это мог быть побитый пикап или фургончики с разными надписями: «Сантехник Дуду», «Кондиционеры Йоси». Но чужие имена не могли обмануть Леночку – это был он, сосед сверху.

Минуя писклявый турникет в магазине, Леночка замечала боковым зрением, что кассирши сразу же сообщают кому-то по телефону о её приходе.

Ей хотелось рассказать об этом людям в очереди или доброй толстой секретарше Свете из поликлиники, но выходил кто-то из докторов и что-то говорил на иврите Свете на ухо, и Леночка понимала, что опоздала, что сосед снова опередил её, и руки немели от холода до самых локтей.

Теперь Леночка выходила всё реже и всё чаще играла. Однажды, выбравшись с Бусей на лестничную клетку, она неожиданно наткнулась на соседа, который клеил объявления на дверь подъезда.

Леночка замерла на верхней ступеньке, неотрывно глядя на чёрные неведомые буквы, спешащие справа налево, чтобы разоблачить её, Леночку, раскрыть всему миру её сокровенные тайны. Леночка метнулась назад, в квартиру, забыв о Бусе, и та, сделав свои дела, вернулась домой сама.

С тех пор так и повелось: Буся гуляла одна, споро ковыляя на кривых лапках вниз и вверх по лестнице. А Леночка в полутьме квартиры неторопливо касалась клавиш, желтоватых, как мамыны зубы в темноте, или перебирала мамыны вещи, не зная, чего ей больше хочется – чтобы они бесследно исчезли, все до единой, или вцепиться в них намертво и не отпускать.

Потом она обнаружила в старом диване мамыны эскизы.

Лет восемь назад, когда ещё была на ногах, активная мама записалась в студию живописи при местном клубе пенсионеров, куда ходила недолго, но успела исписать аляповатыми морскими пейзажами изрядную грудку картонок.

От рисунков шёл приятный полустёртый запах красок, и Леночка вдруг задохнулась, вскочила, сгребла картонки в охапку и бросилась вон из квартиры. Она отчаянно металась по двору, и только бросив свою находку на парапет у мусорных баков, наконец выдохнула.

Начался февраль. Леночка совсем запамятовала, что следует заняться обычными в начале года делами, оплатить счета их с мамой социальной квартиры.

– Соберись! – говорила она себе каждый день, – соберись.

Это было мамино слово, но без мамы оно не работало.

Её жилищный инспектор явился к ней сам. Пузатый Ицик даже на Леночкин первый этаж поднимался по ступенькам с проклятиями и охами, перебирая короткими ногами, как пыхтящий мопс, но перед дверью приосанился. Ему нравилась моложавая Леночка на каблучках, и он всегда с удовольствием рассматривал её испуганное личико и бледную шею.

Ицик постучал, но в ответ услышал только негромкую мелодию, откуда-то знакомую. Он послушал ещё немного, а потом тихонько толкнул дверь и вошёл, хотя это и было против правил. Дверь слегка заело на неровном полу, и Ицик подумал мимоходом, что надо бы перестелить плитку, но как выбить на это деньги?

Леночка играла к нему спиной. В квартире было захламлено, заставлено и очень холодно, и Леночкины руки и шея, ничем не прикрытые, были все в мурашках.

Ицику надо было поговорить с Леночкой о делах насущных, раньше он говорил только с мамой, но промозглая полутьма квартиры, душный парфюмерный запах и Леночкина продрогшая шея, словно холод зубной анестезии, сковали Ицику рот и лишили голоса.

Внезапно Леночка перестала играть, и Ицик понял, что его заметили. Но вместо того, чтобы обернуться, Леночка ещё ниже опустила голову и сжалась, словно девочка, испугавшаяся того, кто живёт в шкафу.

Ицик несмело подошёл, и вдруг Леночка, не глядя, схватила его за руку и что-то быстро заговорила по-русски, обращаясь к их отражению в полированной крышке. На щеке выступили красные пятна. Леночка всё говорила и говорила, Ицик хотел отнять руку и не мог, тогда он второй рукой просто погладил Леночку по плечу, как когда-то свою пятилетнюю дочку.

Леночка затихла и сидела, не шевелясь, пока не хлопнула входная дверь.

А к вечеру Буся не вернулась домой. Леночка не сразу это заметила и спохватилась, только наткнувшись в холодильнике на початую банку собачьего корма.

Она растерянно посмотрела на пустое собачье гнездо в углу, походила по комнатам, дивясь, как же она сразу не почувствовала, что в доме стало ещё холодней, а зудящая тревога, отгоняемая прежде собачьим ворчанием и вознёй, теперь выступает из каждого угла и зябко дребезжит оконным стеклом.

Леночка накинула мамину куртку и вышла на поиски. Она брела мимо одинаковых слепых четырёхэтажек, наглухо зажмуривших пластиковые жалюзи окон, мимо самопальных заборов, затянутых тростником и парусиной. Отовсюду неслись ивритская музыка и голоса, и все они говорили о ней, о её нелепых поисках и страхах.

Леночка дошла до самой объездной дороги. Дальше была только пустыня, голая каменистая земля, забравшая её маму, куда, наверное, и ушла Буся вслед за своей хозяйкой.

И Леночка повернула назад, в промозглую пустоту.

Она не помнила, как дошла, и только оказавшись в жёлтом квадрате света на крыльце, очнулась.

Леночка шагнула в обшарпанный подъезд бочком, как незваная гостья в этом чужом странном месте, полном незнакомых звуков и непривычных запахов. И вдруг словно сухая ладошка коснулась её щеки – на стенах, кривовато приколоченные, висели мамыны морские картинки.

На верхней площадке стоял сосед с последним эскизом в руках. Он протёр его краем футболки и стал прилаживать к стене.

Леночка заозиралась. Мамаины рисунки обступили её со всех сторон, наивно таращась, как потерянные дети.

Тяжёлые зелёные волны на них качнулись и с шелестом опали.

Острый терпкий запах чистого аквамарина лёг ей на лицо, Леночка вдохнула его жадно, так что запершило в горле, и робко ступила на знакомый берег.

Поздний азовский вечер выкрасил бурым солончаки у скал в том самом укромном месте, где они купались, варили мидии на костре, а Леночка училась ловить бычков на леску, накинутую на палец.

Резкий луч света, метнувшись, снова выхватил Леночку из тьмы, но это был всего лишь маяк на той стороне залива.

Ветер, сильный, но тёплый, бросил ей волосы в лицо.

Проза

– Тепло, как в крынке молока, – говорила господарка, подпирая жердью верёвку с бельём, а ветер забрасывал на забор края простыней.

Леночка спускалась по деревянным ступеням, и море ухало ей навстречу.

Сверху кто-то невидимый звал её на одной бесконечной унылой ноте, но она шла, не оборачиваясь, навстречу неразличимым чёрным волнам, и вдруг в наступившей темноте весь прибой вспыхнул, как старая фосфорная лампа, дрожащим светом умирающего планктона.

Голос всё звал, тянулся, как запавшая клавиша, но она продолжала идти, пока тяжёлая пологая волна, полная жалящих искр, не накрыла её своим ядовитым сиянием...

САДИСЬ В ПОЕЗД «А»

Бруно расслабился только в самолёте. Напряжение последних дней наконец начало спадать, и, хоть впереди была сплошная неизвестность, она его уже не пугала. Когда нет дороги назад, особо выбирать не приходится. Он даже задремал в своём кресле и почему-то всё время пытался представить, как его мозг распотрошённым бесформенным клубком переплетённых цветных нитей парит перед его лицом, едва не касаясь сомкнутых век. Эти странные нити больше не дрожат и не вызывают надоевшую свербящую боль, а только устало распрямляются, становятся спокойными и бесчувственными.

Наверно, он и в самом деле заснул, потому что не слышал, как стюардесса поставила перед ним поднос с завтраком, и обнаружил его только к концу полёта. Единственное, что он чувствовал всё время, как самолёт несколько раз проваливался в воздушные ямы, и каждый раз в момент падения начинали болеть пальцы на левой руке – средний и указательный. Их два месяца назад врачи ампутировали, так и не сумев собрать раздробленные в мелкое крошево кости, а спасённые безымянный с мизинцем были теперь скрюченными и негнуцимыми.

В аэропорту его встречали Алик со Светкой.

– Привет, Бруно! – просто, будто последний раз они виделись неделю назад, сказал Алик. – Добро пожаловать... домой, в родные палестины!

– Домой? – Бруно слегка поморщился от явной фальши. – Спасибо...

– Ой, ребята, опять мы вместе, – всхлинула Светка, целуя Бруно в двухдневную щетину и повисая на обнявшихся мужчинах.

В Бат–Ям, где жили Алик со Светкой, они ехали на такси, и Бруно с интересом разглядывал мелькающие в окне необычные после промозглой московской весны весёлые пальмы и бело-жёлтые кубики домов.

– Как ты жил в последнее время? – обернулся с переднего сиденья Алик. – Нелегко, наверное, было?

Бруно грустно помахал искалеченной рукой:

– Сам видишь...

– Да, – протянул Алик, – мы знаем, – и, чувствуя, как неприятна эта тема для Бруно, поспешно прибавил: – Не будем об этом. Всё обойдётся...

– Конечно, – Светка перебила его. – Всё теперь будет иначе. Лучше, чем было. Мы тебе поможем.

Бруно стиснул зубы и отвернулся к окну.

Меньше всего ему хотелось выглядеть беззащитным и нуждающимся в помощи. В Москве он был неплохим рок-музыкантом. Десяток лет отработав в разных гастрольных группах и даже записав несколько пластинок, он в конце концов осел в ресторане – там было спокойней и стабильней. Вряд ли он бросил бы такое вполне обеспеченное существование, тем более, что некоторые из его песен до сих пор исполняли на эстраде, и авторство приносило неплохой доход, если бы не эта глупая пьяная драка, совершенно бессмысленная и никому не нужная... Изуродованную руку не исправишь, и на гитаре он больше играть не сможет. Но дело, по большому счёту, не в том. И даже не в том, что работать в ресторане Бруно больше не сумеет.

После больницы он неожиданно почувствовал, каким пустым и мелким было его прежнее существование. Чего он добился в жизни? Завести семью не удосужился, обходясь многочисленными девицами, крутящимися вокруг музыкантов. Горный институт, правда, закончил, но по специальности не работал ни дня. Да и друзей у него, по сути дела, не было. Были партнёры по работе, с которыми можно месяцами репетировать и раскатывать на гастролях, работать в студиях над новыми альбомами, ценить их как музыкантов и закрывать глаза на все их закидоны и грешки. Не было среди них лишь настоящих друзей, которым от тебя, так же как и тебе от них, нужно нечто другое... Были, правда, Алик со Светкой, с которыми он начинал в одном из первых своих ансамблей, но они в конце концов поженились и завязали с кочевой гастрольной жизнью, а вскоре и вовсе уехали в Израиль.

Легко сходясь с людьми, Бруно почти не горевал, когда его оставляли. Впрочем, и он сам нередко бросал, а то и просто подводил тех, кто рассчитывал на его дружбу. Но без Алика и Светки он неожиданно понял, как ему неуютно и одиноко. Явных причин для этого вроде не было, да он их и не искал. А Алик со Светкой его не забывали: писали из Израиля, что часто вспоминают бурную музыкальную молодость, но сейчас к музыке уже не имеют никакого отношения, хотя устроились вполне сносно, гораздо лучше, чем могли мечтать. И ещё они звали Бруно приехать, если уж не насовсем, то хотя бы погостить.

– Освоишься потихоньку, – прервал затянувшееся молчание Алик, – обживёшься, а там подыщешь какое-нибудь занятие. Ты мужик хваткий, не пропадёшь.

– Улицы подметать или раствор на стройке месить? – усмехнулся Бруно. – Перспективка...

– Зачем ты так? Кто ищет, тот всегда найдёт. А то, что у тебя с рукой... непорядок, может, и к лучшему: иллюзий питать не будешь, что здесь можно гитарой прокормиться. Музыкантов тут хватает... Прости, что приходится такие вещи вслух говорить, но лучше сразу...

Минуту Бруно молчал, потом встрепенулся:

– Останови машину! Скажи шофёру, что я не хочу ехать дальше...

– Перестань! – Светка погладила его рукав. – Алик не совсем тактично выразился, но это так, поверь. И постарайся не обижаться. Мы же друзья, и нам обманывать друг друга ни к чему. Ведь так?

До дома они доехали в полном молчании. Вещей у Бруно было мало: большая сумка через плечо, дипломат с нотами и книгами, изрядно потощавший после российской таможни, и гитара в чехле. Алик покосился на гитару, но промолчал.

Без интереса Бруно осмотрел квартиру Алика и Светки, в которой хозяева предложили пожить до тех пор, пока он подыщет себе что-нибудь подходящее. Ради приличия, наверно, следовало похвалить их новенькую итальянскую мебель и навороченную бытовую технику, чего Алик и Светка, конечно же, не могли позволить себе раньше, в небогатой и неприкаянной жизни российских музыкантов. Может, этого они втайне и ждали, хотя хорошо знали, как Бруно равнодушен к бытовухе, и вряд ли этим будет восторгаться. Тем более, сейчас в России этого – хоть завались...

– Вспомним, что ли, наши старые посиделки? – потёр руки Алик, помогая жене накрывать на стол. – Испробуем водочки местного разлива, поболтаем о знакомых, косточки перемоем...

Он хотел было добавить что-нибудь и про музыку, но пока ещё не очень хорошо представлял, насколько болезненной и неприятной будет эта тема для Бруно. А ведь для музыкантов и меломанов, даже бывших, иных тем, кроме как о музыке, просто не существует.

Алик и Светка давно уже отвыкли от таких посиделок – с бесконечными разговорами до утра под водку и гитару, – но приезд Бруно всколыхнул воспоминания, и так отчего-то сладко и тревожно засосало под ложечкой...

– Ну, с Богом, или, как у нас говорят, лехаим! – Алик поднял рюмку и поглядел на Бруно. – Выпьем за то, чтобы твоё начало было... – он хотел сказать «успешным», но передумал, – чтобы всё у тебя было здесь хорошо.

Они сидели за столом и лениво ковыряли вилками салаты, приготовленные Светкой.

Из открытого окна доносился шум многолюдной улицы и пронзительные автомобильные гудки, по телевизору один за другим шли музыкальные клипы со смазливymi толстогубыми певичками, где-то за стеной нудно переругивались соседи, но над их столом замерла тишина.

– Пойду, пройдуся по воздуху, – сказал Бруно, вставая, – а вам, наверное, нужно рано просыпаться – вы уж отдыхайте. Не буду морочить голову – и так весь сегодняшний день у вас отнял.

– Нет-нет, – поспешно возразила Светка и как-то виновато прибавила: – Мы бы вместе с тобой пошли прогуляться, только и в самом деле утром вставать ни свет ни заря... А ты ключ возьми и иди, ведь интересно же. Мы тебе постелим на этом диване...

– Спасибо. – Бруно сунул в карман ключ и вышел на улицу.

В лицо сразу ударил жар пропечённого за день асфальта. В квартире работал кондиционер, и несмотря на распахнутое окно, жара не ощущалась, но на улице было совсем иначе. Бруно шёл по ярко освещённому тротуару и чувствовал, что никак не может погрузиться в радостно мигающие огни, музыку и ежедневную праздничную неразбериху отдыхающих под вечер людей. Какое-то сумрачное полутрешённое состояние овладело им, словно он случайно забрёл на чужое веселье, откуда его хоть и не гонят, но не замечают – мол, сиди в уголке, пей да ешь, слушай музыку, но, упаси тебя Бог во что-то вмешиваться или отвлекать хозяев этого праздника жизни.

Немного постояв на перекрёстке и понаблюдав за громающим магнитофонной музыкой потоком машин, Бруно пошёл дальше. Через несколько кварталов уличные огни резко обрывались, словно отсечённые какой-то невидимой завесой. Дальше шла темнота, но не беззвучная и непроглядная, а наполненная и шевелящаяся какими-то неясными отсветами, шорохами и непонятным вкрадчивым дыханием. Слегка удивившись, Бруно пошёл навстречу темноте и скоро вышел к аккуратному каменному парапету, за которым отвесно внизу за неширокой полоской песчаного пляжа начиналось море.

– Ага, это же набережная! – проговорил Бруно и огляделся по сторонам.

Вправо и влево до самого горизонта блестели и сверкали бесчисленные кафе, рестораны и магазины. С этой стороны был город, отделённый от моря плавно изгибающейся и повторяющей линию прибоя каменной стеной парапета. Тут всё искрилось и шумело, давило на глаза и уши, а там, словно отсечённый невидимой прочной преградой, начинался другой мир, наполненный горьковато-солёными запахами гниющих водорослей и какими-то иными несуетными и приглушёнными звуками.

Бруно прижался к тёплому, ещё не остывшему камню парапета и стал глядеть то на город, то на море. Сердце его сжала тоска, и захотелось заплакать, как когда-то в детстве, когда он чувствовал себя одиноким и никому не нужным. Бродить по шумным улицам больше не хотелось, а внизу, на кромке пляжа, где сонно шевелились тишина и покой, для него тоже почему-то не было места.

Грустно постояв, он вернулся на освещённую сторону набережной и медленно пошёл по улице. Непроизвольно увлечшись разглядыванием витрин, свернул на перекрёстке, потом ещё раз, и скоро вышел к многоэтажному торговому центру с громадными мраморными залами и множеством кафе и магазинчиков внутри. Посреди первого этажа был установлен размалёванный деревянный помост, на котором хватало место только для пианино, усилителя с колонками и двух музыкантов – белого пианиста и чёрного саксофониста.

Не обращая внимания на публику, негр довольно складно выдувал из своего инструмента знаменитую эллингтоновскую «Садись в поезд “А”».

Джазом Бруно не увлекался, но Эллингтона любил и, конечно, мелодию хорошо знал. Она почему-то всегда навевала воспоминания о давних временах, когда друзей у Бруно было не счесть, и все они были славными и хорошими людьми, с которыми так чудесно можно было проводить время и расслабляться под джаз. А потом, когда друзей стало меньше, – одни разъехались, другие потерялись, – под эту музыку всё равно было хорошо сбрасывать с себя накопившуюся усталость, особенно после длинных концертных вечеров с их раскалёнными юпитерами и оглушающими динамиками за спиной. Так было...

Негр закончил играть Эллингтона и принялся за какие-то другие, не знакомые Бруно мелодии. А он всё стоял и слушал, пытаясь вспомнить полузабытых друзей, обрывки каких-то иных мелодий, но воспоминания были вялые и смутные, от них становилось только тоскливей и печальней.

Гуляющая по залу публика почти не задерживалась у помоста с музыкантами, лишь некоторые, постояв минуту, проходили дальше, туда, где из распахнутых дверей кафе неслись более привычные звуки диско. Негр-саксофонист обратил внимание на Бруно и в одну из редких пауз между мелодиями вежливо кивнул ему, отчего Бруно почему-то смутился и покраснел, но попыток уйти от помоста не делал.

Наконец пианист посмотрел на часы и что-то шепнул негру. Тот кивнул и заиграл последнюю мелодию. Это была всё та же эллингтоновская «Садись в поезд “А”».

Наверняка у музыкантов были в запасе и другие инструментальные вещи, однако эту мелодию они, видимо, решили исполнить ещё раз для благодарного и молчаливого слушателя, битых полчаса стоявшего у помоста. Закончив играть, негр неторопливо уложил саксофон в футляр и спустился вниз. О чём он принялся говорить на иврите, но Бруно, конечно, не понял, однако смог различить несколько раз произнесённое знакомое слово «спасибо».

– Ай... эм... музыкант, – с трудом вспоминая школьный английский, хрипло проговорил Бруно и невольно покосился на свои изуродованные пальцы.

Негр тоже взглянул на его руки и замолчал, потом мягко обнял за плечи и повёл Бруно к ближайшему кафе. Пианист что-то сказал им вслед, махнул рукой и убежал.

Они сели за крайний столик, и официант принёс им по бутылке пива. Негр опять пытался что-то рассказывать, но скоро понял, что Бруно его не понимает, и замолчал, лишь украдкой и как-то виновато поглядывал то в лицо, то на его искалеченную руку. Они просидели минут пятнадцать, потом негр заторопился; Улыбнувшись, он неожиданно с трудом и невероятно коверкая, выговорил, наверное, самую популярную в Израиле русскую фразу, известную всем:

– Всё будет ка-ра-шо!

Потрепав Бруно по плечу, он встал и медленно пошёл к выходу. Оглянувшись, улыбнулся в последний раз и принялся что-то насвистывать. Бруно показалось, что это опять была эллингтоновская «Садись в поезд “А”». Помахав рукой, Бруно тоже попробовал насвистеть мелодию, но это не очень получилось.

Домой он шёл глубокой ночью, вдоволь набродившись по городу, посидев на берегу моря и разыскав дорогу назад лишь с помощью русскоязычных ночных уборщиков улиц.

– И в самом деле, всё будет хорошо, – бормотал он непрерывно, и эти слова, наверное, стали для него какой-то утешительной мантрой, от повторения которой становилось легче и радостней. Он шёл и чувствовал, как где-то высоко над головой, в чёрном небе, почти неслышно, но всё-таки различимо для него одного, звучала дивная эллингтоновская мелодия. Этих звуков хрустального поднебесного саксофона ему, оказывается, так не хватало в последнее время. А потом даже показалось, что его скрюченные пальцы распрямляются и подыгрывают в такт саксофону на такой же невидимой небесной гитаре...

Виктория Левина

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ МАЛЕРА

– И вот, понимаешь, многое я сумела забыть. Поверишь ли, имя первого своего мужа умудряюсь забывать иногда – с трудом припоминаю: «А как звали-то?» А вот высокую кисть Стива над смычком – никак не удаётся!

Пассажирский «Сухой» взмывал над взлётной полосой почти вертикально, сразу.

И так же сразу я принялась рассказывать случайному соседу в самолёте то, что буквально крутилось на кончике языка – мою давнюю романтическую историю влюблённости в одного лондонского парнишку.

Попутчик оказался русскоязычным молодым айтишником, летящим в Германию на семинар. Я же, проделав пересадку в Москве, летела в Ганновер.

Цель полёта у каждого была своя, память и судьба – тоже свои, ни на кого не похожие. И если отвести в сторону стеснительность и закомплексованность, можно было расчудесно провести это время в полёте – в необязательных разговорах и приятном общении.

Мне тогда, в Москве, позарез нужно было попасть на концерт Лондонского симфонического оркестра. Билетов не было в свободной продаже за полгода вперёд. Да если бы и были – стипендии на приобретение самого скромного местечка где-нибудь на галёрке всё равно не хватило бы.

«Куда это ты так вырядилась?» – подозрительно поглядывали на меня девочки из общежития.

Да, вид у меня был ещё тот! Длинное ситцевое платье «в пол» аляповатой расцветки с пышной цыганской юбкой шло в ансамбле с цыганской же шелковой шалью.

Мой ответ поставил бы в тупик самого догадливого аналитика: «Мне нужно, чтобы стражи порядка обалдели и пропустили меня внутрь!»

Куда должны были пропустить меня, по моим расчётам, стражи порядка – не раскрывалось, потому что понято не было бы в среде прагматиков и технарей.

Милиция нарядом моим, по правде, не впечатлилась и не пропустила меня даже за первый круг конного оцепления.

Я горестно сидела на лавочке в Александровском саду перед Манежной площадью и чуть не плакала.

Проза

Я должна была попасть туда, в святая святых моего музыкального мечтания – на концерт любимого оркестра!

По аллее сада шёл парнишка со скрипичным футляром. На футляре красовался фирменный знак Лондонского симфонического.

– How do you do? – его-то, артистическую натуру, точно впечатлил мой кибиточный вид и длинные рыжие лохмы, выбивающиеся из-под цветистой шапки.

Я вскинула на небожителя заплаканные глаза и на сбивчивом английском попыталась объяснить ему, как важно для меня было именно сегодня оказаться здесь, в полукилометре от желанного концертного зала и встретить именно его – одного из музыкантов.

– Let's go! – он потянул меня за руку за собой.

Странную пару пропускали беспрепятственно.

И мы, благополучно минуя все кордоны с помощью пропуска Стива (так звали парня), оказались за кулисами концертного зала. Стив оставил меня стоять позади сцены и помчался переодеваться во фрак музыканта.

А я, ни жива ни мертва, готовилась простоять здесь все два отделения, слушая музыку, да что там два отделения: весь день, всю ночь, всю жизнь!

Он был второй скрипкой – роль почётнейшая и важнейшая. Гривка белокурых волос то и дело отбрасывалась назад энергичным движением головы, гибкая спина, прямые плечи сливались в одно целое с корпусом скрипки, непривычно высокая кисть взмывалась над смычком, полуприкрытые глаза едва скользили по нотному стану...

Я умирала от великого счастья причастности к музыке, творящейся на сцене, я умирала от восторга!

После концерта он пошёл провожать меня до общежития. Но сначала он что-то долго объяснял концертмейстеру.

Пожилый мужчина смотрел в мою сторону неодобрительно и даже с какой-то брезгливостью. Но Стив настаивал.

Я могла только догадываться, о чём шла речь.

– Ох, уж эта молодёжь! – наконец махнул рукой концертмейстер, – ладно, иди, но возвращайся не позже полуночи!

О чём уж мы тогда говорили – не скажу, не помню. Помню только, что щёки пылали да в горле пересыхало.

Адрес Стив записал, сидя на скамейке перед входом.

Застенчиво коснулся губами щеки:

– Good bye! Nice to meet you!

Я чуть не расплакалась, так мне было жаль прерывать эту чудесную встречу с прекрасным принцем.

Вот-вот пробьют часы, и его фирменный футляр превратится в тыкву...

– Удалось вам встретиться ещё раз? – глаза айтишника блестя неподдельным любопытством.

– Два года мы писали друг другу письма. Письма его были для меня симфонией Малера! Понимаешь, в музыке Малера есть всё: и любовь, и страх, и жизнь, и смерть. Она поднимает тебя высоко-высоко, в какие-то запредельные дали, а потом бросает оземь, разбивая сердце и душу...

А затем меня вызвали в так называемый «особый» отдел, который был ответственным за то, чтобы студенты нашего «ракетного» вуза не поддерживали контакта с иностранцами.

«Ну-ну-ну» особого отдела – и переписка прекратилась.

– И что же, так никогда и не встретились? – явно разочаровался сосед.

– Несколько лет назад у Лондонского симфонического были гастроли по Средиземноморью. Я сейчас там обитаю. Купила билеты на один из концертов. Сидим в зале с мужем, очарованы музыкой, исполнением, атмосферой.

А я смотрю, не отрываясь, на вторую скрипку: кисть левой руки особенно держит гриф, высокая кисть правой вздымается над смычком.

Длинный седой волос свободно падает на плечи и не гармонирует со стройной, почти юношеской фигурой...

– Я знаю, его зовут Стив, – говорю я мужу с безразличием. – Мы когда-то были знакомы.

– Так подойди к сцене, оклики его! – засуетился муж.

– Да нет, не стоит, – вздыхаю я, думая о том, что от моей девичьей летящей походки и роскошной гривы рыжих волос и следа не осталось...

– И что, так и не поговорили? – сосед смотрит на меня сочувственно.

– Нет, я не смогла – стеснялось своего возраста, фигуры, ушедших лет и прерванной переписки.

– Грустно это всё как-то, – разочарованно протянул сосед. – А я бы всё равно подошёл! Поговорили бы, что такого?

– Ну, может быть, может быть... – протянула я со смыслом и протянула соседу афишку. – Вот посмотри, симфонию Малера они играют в Ганновере сегодня вечером. Еле билеты купила через интернет! – и я пристегнула ремень безопасности.

Самолёт начал снижение на посадку.

ГЛУБОКИЙ КОЛОДЕЦ

Пожились они бурно и как-то сразу. Если у других подруг Лики случались периоды ухаживания, как это называлось на общепринятом сленге – конфетно-букетный период, то у них с мужем Герой случился субботник в общежитии. И всё.

Субботнику предшествовал долгий период взаимной неприязни. Лика пользовалась репутацией девушки спонтанной, импульсивной и интеллектуальной. Обо всех её романах в институте ходили бурные слухи и разные интересные истории, которые давно уже стали притчей во языцех и тянулись за Ликой романтическим шлейфом.

Она не была красавицей и не соответствовала стандартам тургеневских девушек. Так, что-то среднее между «роковой женщиной» общежития № 5 и Золушкой, ждущей своего принца. Она хорошо пела, даже гастролировала где-то по периферийным городам и весям, во время каникул, с концертными бригадами. Писала стихи, сидя на подоконнике своего 11-го этажа, курила там же, в этом же закутке при подоконнике, и этим очень мешала старосте этажа Гере, который просто не выносил эту взбалмошную особу.

Геря же слыл крепким парнем, спортивным и справедливым. Более молодые сокурсники любили его за силу, спокойную уверенность в себе и армейскую службу за плечами.

Не было на их этаже в общежитии более противоположных и нестыкующихся личностей, чем эти двое! И поэтому каждое собрание, проводимое Герой с целью поддержания чистоты на этаже и нравов проживающих на этаже студентов, неизменно заканчивалось конфликтом язвительной Лики и, с красным от негодования лицом, Геры.

В среде студентов шептались о каком-то особенно бурном романе Лики с нацменом со старшего курса. Кто-то там кому-то изменил, кто-то чуть жизни от этого не лишился. Толком никто ничего не знал. В ту ночь Гере не спалось. Он вышел прогуляться по ночной столице. А на обратном пути, на выходе из лифта, в лицо ударил стойкий запах дыма из закутка этой занозы-Лики, которая, как всегда, писала там свои стишки.

– Послушайте, мадемуазель, а не принести ли вам сюда вон ту большую ржавую урну, вместо переполненной пепельницы?

Так начинался этот диалог, который затем перешёл в совместное сидение до утра на подоконнике, с чтением стихов, с глядением на звёзды, и до объявления всем на этаже, что через два месяца все они приглашены на свадьбу в «Метелицу».

Родителей на свадьбу решили не звать. Вернее, так решила Лика.

– Мы потом съездим к твоим, а потом завалим к моим. Терпеть не могу эти мещанские свадьбы!

Свадьба была вскладчину. Невеста сама сшила себе платье, подружки сделали ей причёску из копны густых и длинных её волос, дали напрокат белые туфли на каблучке. Мировая была свадьба!

Немного подпортил нацмен. Всё рвался в зал, всё кричал:

– Что же ты делаешь? Ты же моя женщина, а я – твой мужчина!

Его били, выбрасывали в снег наружу, а он опять лез в двери и всё что-то кричал, кричал... Прав был, негодник! Да разве ж можно знать, кто прав, в молодые-то годы?

Поезд приходил часа в два ночи. Морозище стоял несусветный! Они шли несколько километров от станции к дому родителей Геры, по колено проваливаясь в снег. Но на душе было очень весело! Как это будет здорово, только представьте: они, с мороза, все в снегу, вваливаются в старый домишко на краю захолустного городка в средней полосе России, открывается дверь, а он, её муж, просто так говорит:

– Пап, мам, знакомьтесь, это – моя жена!

На звонок дверь им открыл заспанный, не совсем трезвый мужчина в «семейных» трусах. Он долго не мог прийти в себя от известия сына, всё крутил головой и всё повторял:

– Так как же это так-то, да что же мы скажем людям, родне?

В доме было жарко и затхло. Пахло кошкой. Их уложили отдыхать на высокую кровать с периной и с огромным количеством подушек. А мать, тихая забитая женщина, всё плакала и сморкалась, когда стелила им.

Назавтра всё было, как и положено быть на свадьбах в маленьких городках русского захолустья: родни и закуски – видимо-невидимо, да гордо возвышающиеся в углу пирамиды ящиков с водкой.

Потом дико взвизгнула тётка Геры:

– Мужики, наших бьют!

И пошла колотить улица улицу, кольями, дубинками, цепями. Хорошо прошла свадьба, никого не убили. Только поздней ночью, когда уже можно было наконец упасть на кровать и отдохнуть от тяжёлого дня, мать Геры присела к ним на краешек кровати и, убедившись, что Гера уже спит, сказала ей тихо, но с нажимом:

– Увози его, девонька, отсюда далеко, куда хочешь! Не житьё здесь... Половина его одноклассников уже погибла – кто от водки, кто в тюрьме. А парень-то он хороший, верный, мужем и отцом твоим детям будет. На отца нашего не смотри. Хороший мужик был, золотые руки, да водка проклятая и его сгубила.

Утром следующего дня был выходной день. Пошли молодые погулять по городу. Городок старинный, забавный, красовался луков-

ками церквей на белом снегу. Красиво. Только очень мешали виду приткнувшиеся к морозной земле в канавах пьяные люди. Женщины, мужчины, старики, даже дети. Такого Лику не видела никогда ни в столице, ни в городе её родителей.

У них на кафедре говорили, что по окончании вуза можно было бы взять сюда распределение на большой оборонный завод. К родителям поближе, квартиру не снимать.

Никогда! – решила про себя Лика.

И правильно сделала.

Ровно через год Лика с Герой гордо катили коляску впереди себя по такому же белому снежному насту. Те же декорации: лежащие в канавах алкоголики в обнимку со своими бутылками.

Отца Геры за этот год уже дважды лечили в больнице от «белочки».

Геру, её муж, не пьёт из принципа, спортом занимается. Насмотрелся он всякого в своём городке, на своей окраине, не хочет уподобляться. Лика располнела после родов, раздобрела, от прежней красоты – волосы роскошные да глаза остались.

Живут они теперь в городе Лики, в большой квартире её родителей. Навестить родителей Геры приехали в отпуск. Гера очень скучает по матери.

– Мы тут домик в деревне взяли, – устало говорит отец. – Хороший домик, дубовый, крепкий. Лет сто ему уже! Речка, озеро, лес, воздух чистый – красота! Зоросло там всё, хозяйева за сто баксов отдали. Вот окрепну, поеду в деревню, приведу там всё в порядок – красота будет вам с внуками туда приезжать! Одно неудобство: вода уж больно далеко – метров тридцать колодец в глубину будет...

Речь его становится всё более несвязной по мере того, как пустел стакан на столе.

И вот уже храп пьяного прерывается всхлипываниями матери Геры:

– Что тебе править-то? Себя бы тебе в руках держать...

* * *

Двоих детей, семи и четырех лет, двух девочек-дочек нужно было срочно увозить из района повышенной радиации. На работе дали отпуск, и вот они уже вчетвером стоят на перроне знакомого городка.

На станции их никто не встретил. Гера и Лика бредут по улочкам с детьми, с огромными чемоданами, которые наготовлены для детей месяца на два, и теряются в догадках:

– Может, с отцом что случилось? – Гера выглядит взволнованным и расстроенным, – телеграмму я отправлял с уведомлением. Должны были встретить.

Дверь была не заперта на ключ. Они вошли в тёмную маленькую прихожую. В квартире, как всегда, было душно. Пахло долго не проветриваемым помещением. Кот глядел на них со стула. Храп пьяного отца разносился по комнатам. На кровати лежала мать с мокрой тряпкой на голове и плакала. На шее, руках и лице виднелись старые и новые синяки.

– Ох, деточки! Да как же у меня из головы-то вылетело, что вы сегодня приезжаете? Ох, дура я, дура! – причитала она и плакала, и всё прижималась к сыну, и всё прижималась...

Отца, невменяемого, скрученного судорогами, синего, с белой пеной у рта, сын и соседи погрузили в грузовик и отправили в специальную больницу.

А мать захлопотала по дому, завела тесто, стала печь шанежки, которые Лика терпеть не могла.

Детей оставлять в этом доме не хотелось, но выхода не было – не везти же их обратно в радиацию!

– Будут они у меня, как куколки, с бабушкой в деревне, – щебетала помолдевшая и повеселевшая мать.

Когда-то она была красивой женщиной. Сын пошёл лицом в неё. Герку на курсе Аленом Делоном звали.

– Дом у нас хороший, крепкий, сто лет ему, – завела она ту же песню, что и батя. – Только колодцы больно глубокие: пока тащишь воду – намаешься! Ну, да с божьей помощью – не пропадём! Вон внученьки помогут.

А внученьки испуганно смотрели на Лику, и их импортные белые платица казались в этой квартире чем-то чужеродным и неуместным.

Через два с половиной месяца Лика с Герой сошли с поезда-узкоколейки, который не доезжал до деревни километра два-три.

Идти предстояло через перепаханное поле в сторону леса, который темнел вдалеке.

Там, у этого леса, где-то в деревянном дубовом экологичном доме, были их детки, их дочечки: пьют у бабушки парное молочко, вымывая радиацию и токсины, и едят свежие шанежки. Эта мысль грела Лику и придавала силы Гере тащить по полю тяжёлые чемоданы с гостинцами родителям и дочкам.

Связь по телефону с деревней была плохая, и бабушка всё это время, когда бывала в городе, звонила с почтампта и говорила, что всё у них хорошо.

Два белых комочка, которые катились по полю в их направлении, Лика заметила сразу. Она подумала – зайцы. Но почему белые? Зайцы летом должны быть серыми. И вдруг она услышала, что эти зайцы кричат во всё горло!

Они бежали, бросив чемоданы, навстречу детям и тоже кричали во всё горло. Девочки просто упали им на руки, плача и смеясь. Грязные, в оборванных белых когда-то «импортных» своих платьицах, они вжимались в родителей своими грязными тельцами и завшивевшими головками и не могли говорить от волнения.

– А бабушка, бабушка где? – заволновался Гера.

– Бабушка в городе, у неё головка болит. Мы здесь одни. У нас нечего кушать. Нам соседи хлебушек с молочком дают, – затараторила старшая.

Такой сердечной боли Лика ещё не ощущала никогда. В глазах потемнело, и она грузно уселась на землю, заплакала.

А младшая дочка ласково гладила её по голове и говорила:

– Мамочка, у тебя тоже головка болит? Хочешь поиграть моей куколкой? – и совала ей в руку небольшого мёртвого крысёнка, которого всюду таскала с собой в карманчике.

В доме было грязно, сыро, пахло плесенью, объедками и мочой. Выгребная яма во дворе представляла собой две доски с огромной дырой посередине.

Дети боялись ходить в такой «туалет» и ходили по-маленькому тут же у дома, в лопухи. А ночью выходить вообще боялись и закрывали дверь на топор от пьяных сельчан. Соседи жалели девочек и даже изредка расчёсывали их длинные пушистые волосы и смазывали их керосином от расплодившихся вшей.

– Мамочка, иди сюда! Мы сейчас тебе покажем, как мы доставали воду из колодца, когда бабушки несколько дней не было.

Барабан крутился бесконечно долго, пустое ведро с плеском шмякнулось на глубине в воду.

Метров тридцать – машинально пронеслось в мозгу у Лики.

А потом дочки крутили барабан вдвоём, изо всех сил, чтобы показать, какие они сильные и самостоятельные.

Лика заглянула в колодец. На его дне, далеко–далеко, темнела чёрная вода.

Глубокий колодец, – подумала Лика и потеряла сознание.

«ТО, ЧТО СТРАШИТ, ТО ВОЗДАСТ НАМ РОК...»

(продолжение романа о Ибн Гвиrole).

Вот только наши еврейские имена звучат теперь по-другому. Например, к имени государственного деятеля, известного человека Иекутиэля бен Ицхака прибавили «ибн Хасан». А моё имя хоть и стало Абу Айюб Сулейман бен Йахья ибн Гвиrole ал-Кортоби, я при этом вполне обхожусь своим собственным – Шломо бен Иехуда. Без желания мы принимаем эти изменения, однако подчиняемся воле властителей. Главное, они лояльны к нашей вере, и мы не возражаем, что Аллах велик, а Мухаммад – пророк Его.

Я не вникал в обязанности астронома, астролога и любителя поэзии с безупречным художественным вкусом Иекутиэля бен Ицхака при дворе эмира Сарагосы ибн аль Мундира Второго. И не могу знать его отношение к постоянным интригам и войнам между мусульманскими правителями отдельных княжеств. Хотя нетрудно представить, что от них зависит судьба евреев в Испании и придворного эмира, в частности. Жажда знаний, постижение божественной мудрости – главное, что я ищу в человеке.

Наверное, Иекутиэль – высокий, статный, с удивительно пронзительными глазами, будучи ученым, тоже ценит именно эти качества; он на своей лекции об устройстве Вселенной из всех слушателей выбрал меня, на меня – шестнадцатилетнего, а не на почтенных седых мужей смотрел, когда говорил о том, что мудрость сама приходит к тем, кто ищет её. Мы с ним сошлись во мнении и о том, что космос, астрология в некотором смысле связаны с психофизиологическими свойствами человека. При этом влияние знаков Зодиака на людей не фатально, оно выражается всего лишь в предрасположенности к тем или иным занятиям, впечатлениям; что можно преодолеть, если приложить усилие, или наоборот – усовершенствовать. Астральные силы в любом случае сказываются с Божьего соизволения; ибо звезды – орудия Его Провидения. Да и созвездия нельзя толковать однозначно, никто не может знать их истинную природу, кроме Творца.

– Представления о звездном небе во времена наших праотцев, – говорил Иекутиэль бен Ицхак, на арабский манер – ибн Хасан, – не выходили за пределы наблюдений, какие делал пастух, идя за своим стадом. С помощью звезд определяли направление путей во время путешествий и смену времен года. В позднейшее время возникло представление о наиболее удаленной от земли звезде, которую называли «начальником воинств». Очевидно, это Сатурн, которого ассирийцы считали «первым бараном стада». Пророк Захария семь звезд между землей и Сатурном полагал очами Господа.

После лекции приверженец размышлений о космосе пригласил меня к себе на обед, и сделал это так просто, будто мы давно знакомы, и теперь, само собой разумеется, вместе направимся в его дом. По дороге оказалось, что важный сановник при дворе эмира не только знаком с моими стихами, но и восторгается ими.

– Твоя поэзия – песня и плач еврейской души. Хотя мы и не свободны от влияния арабского стихосложения, ты независим в своих стихах. Только очень вольнолюбивый независимый человек может позволить себе роскошь быть настолько правдивым и искренним.

– В противном случае незачем заниматься поэзией, – заметил я.

Мы сошлись на том, что искусство, литература и различные области знания являются частями одного целого, и нет противоречия между учением о Творении, законами природы и проявлениями души.

– Учись мой друг, Бог дал тебе ясный ум. Чем больше знаешь, тем легче связать воедино все науки и постигать законы мироздания, – сказал мой спутник так, словно, распахнул передо мной неограниченные возможности.

Я хотел, чтобы этот нежаркий весенний день, с пением птиц и рассеянными облаками, сквозь которые проглядывало солнце, никогда не кончился, и чтобы не кончилась дорога с человеком, рядом с которым удивительно по-родственному хорошо.

Мы подошли к белокаменному дому на возвышении; откуда виден город с минаретами, церквями, арабскими банями, вдали подернутые легкими предвечерними сумерками горы. Ещё несколько шагов, мы миновали ворота, и я оказался в раю: апельсиновые деревья, редкие цветы, пальмы, арки с лепными узорами, выложенный зеленым мрамором водоем, увитая виноградной лозой беседка. В этой солнечной стране главное не садовая зелень, а садовая тень. Здесь есть всё: вода, тень, деревья; высокие пальмы и кипарисы отодвинуты к краю участка.

Я смотрю на витиеватую решетку окна, не покажется ли за ней девушка, которая полюбит меня. Это из области иллюзий, однако безумные надежды – за пределами здравого смысла. В окне мелькнуло лицо женщины, ещё мгновенье, и она спустилась к нам. То была жена Иекутиэля – Эфрат. На мой учтивый поклон хозяйка дома, едва взглянув на меня, ушла, не проронив ни слова.

В роскошном просторном зале я не знал, куда раньше смотреть: удивительной красоты керамические изразцы, причудливые орнаменты, цветные витражи, на которые невольно оглядываешься, на стенах – строки из Святого Писания и изречения Корана, буквы иврита и арабская вязь. Много книг на иврите и арабском. Под ногами мягкие, заглушающие шаги ковры, словно не идешь по ним, а плывешь, не ощущая своего веса.

Пока Иекутиэль снимал тюрбан, под которым была кипа, светловолосый юноша-слуга, должно быть, из славян, принес огром-

ную вазу с финиками и персиками, разные напитки, щербет. Через несколько минут жена Иекутиэля, обнажив в деланной полуулыбке большие сияющие зубы, пригласила к столу. На меня она не обращала внимания, должно быть, приняла за очередного просителя, который, как и все прочие, не уйдет из дома с пустыми руками; «глаза мои на тебя б не глядели», – было написано на её лице.

Сервировка стола была настолько изысканной, что я даже забыл о не оставляющем меня после смерти родителей чувстве голода. Бокалы из тонкого стекла хорошо сочетались с прозрачным фарфором тарелок; стекло изящней тяжелых золотых и серебряных кубков. Омыв руки и произнося благословение на хлеб и вино, мы приступили к трапезе.

Хозяин дома, заметив мой интерес к многочисленным арабским книгам, произнес:

– В ходе завоевания восточных стран мусульмане за последние годы освоили пронесенные через века культурные ценности, перевели книги на свой язык. Арабская наука сейчас превосходит европейскую, именно в наше время труды арабских ученых по математике, астрономии, медицине питают европейскую науку.

– Труды античных философов также переведены на арабский, – заметил я.

– Что касается античной философии, то вы, судя по вашим работам, разделяете воззрения Платона. Я же не могу не согласиться с критикой Аристотеля платоновских, оторванных от реальности, идей. Платон не мог доказать их взаимодействие с действительностью, то есть идеи остались, по выражению Аристотеля, всего лишь поэтическими образами. Высшая идея, как бы она ни называлась, благом или добром, не была связана с жизнью, с её конкретными проявлениями.

– Ну да... – произнес я, – но если мы не можем с точки зрения высшего смысла изучить действительность, окружающий мир, значит, следует обратиться к помощи интуиции, что и делали Платон и его школа.

Иекутиэль молчал, и я, радуясь возможности проговорить недавно обдуманые мысли, продолжал:

– Непостижимый Бог – Высшая Сущность – творит универсальную материю и универсальную форму актом своей Воли. Сочетание универсальной материи, которая существует в знании Бога, и универсальной формы порождает интеллект, душу, природу. Универсальный Интеллект – порождение Бога, из него эманурует Универсальная Душа. То, что мы называем творением в нашем физическом мире, принадлежит Универсальной Душе...

– Сложно усвоить, что от чего происходит, – в замешательстве проговорил хозяин дома, – но насколько я понял, первоматерия обусловлена интеллектом и проистекает из Универсальной Души.

Проза

Сочетание материи и формы ведет не только к созданию реальных материальных явлений, но и к возникновению духовных образований.

– Это так. Например, у Прокла высшее познание связывается с этическим началом и верой, в его «Первоосновах теологии» существует много «типов телесности», вплоть до вечного и неизменного тела души, которое соответствует её высшей сущности. Форма души – это разум, иерархия душ определяется степенью их разумности.

– Что же заставляет сочетаться материи с формой? – спросил собеседник, стараясь вникнуть в мои слова.

– Воля Творца, – ответил я так, будто давно усвоил эту истину. – В основе Воли Творца – Божественная Мудрость, она же Божественная сущность, что служит посредницей между абсолютным и конечным, если хотите – идеей и ее материальным воплощением. Над универсальной материей, содержащей в себе возможность всех дальнейших превращений, властвует Воля Творца, которая определяет сочетание материи с той или иной формой, служащей в качестве интеллектуального, духовного начала. Всё существующее можно свести к трем категориям. Первая сущность – Бог. Далее – универсальная Материя и Форма, то есть мир. Третье – Воля Творца, промежуточное звено. Душа человека развивается посредством волевого и разумного начала, это дает ощущение осмысленности жизни, личностного диалога с Творцом, что и составляет жизненный стержень нашего мироощущения.

– Другими словами, стремясь к Богу, мы должны считать главной своей задачей самопознание, но самопознание не всегда предполагает самореализацию, – в нетерпении заметил Иекутиэль. – При этом мы с вами разделяем мнение о том, что совершенный человек мудр не только разумом, но и душой – сердцем, он постоянно размышляет над устройством мира и своего назначения в нем. Только ведь мы управляем собой лишь в идеале, в действительности подвержены неразумным желанием, страстям, нами часто владеют страх, печаль. Борьба тоски со здоровой рассудительностью не всегда кончается так, как мы этого хотим.

– Не помню, кто из мудрецов Талмуда сказал по этому поводу: «Разум – крылья души, которые она приобретает учением и смирением». Я пришел к единству Бога также и независимым от религии путем – с помощью разума...

Случайный взгляд на скупающую жену только что обретенного друга отрезвил меня:

– Извините, не знаю интересно ли вам... Я говорил всего лишь о схеме устройства Мироздания и человека в нем. Сейчас думаю, каким образом наполнить эту схему конкретным содержанием, живыми образами. Впрочем, вся наша жизнь...

– Должно быть, вы не часто находите столь терпеливых слушателей, – холодно заметила жена Иекутиэля.

– Не часто...

Пока я увлекся возможностью рассказать свою прочувствованную и продуманную теорию, исчез со стола поднос с рыбой. Теперь я мог заняться мясом, но хозяйка дома – худая, угловатая – велела слуге подавать десерт. И прежде чем я успел положить себе на тарелку кусок зажаренного, дивно пахнущего гуся, слуга унес и это блюдо. Как ни мучительно было сознание упущенной возможности отведать столь редкого для меня лакомства, краем глаза я заметил скользнувшую усмешку Эфрат, кажется, так звать жену Иекутиэля. Впрочем, может быть, мне это только показалось, ведь она, пока я говорил, старалась привлечь внимание к разным явствам.

Основная примечательность лица Эфрат – большие, не помещающиеся во рту перламутровые зубы, они были бы красивыми, если б не были такими крупными. Две взрослые миловидные дочери, унаследовавшие выразительные глаза и высокий рост отца, сидели, подобно матери, со скучающими лицами; им неинтересна была произвольно возникшая беседа за столом, и они с нетерпением ждали, когда я наконец уйду.

Иекутиэль же, желая продолжить разговор, пошел меня провожать.

– Книга Творения – Сефер Иецира, – заговорил он, едва мы оказались одни, – занимается главным образом космогонией, где Творение мира представляет собой соединение качества, то есть формы, с количеством – материей. Каким образом это соотносится с воззрениями ваших любимых философов?

Будучи удручен впечатлением, которое произвела на меня безликая, унылая жена обретенного друга, я не сразу сообразил, о чем он меня спрашивает. Казалось, что та, которая сопровождает по жизни столь удивительного человека, должна быть королевой, то есть под стать ему в смысле ума, проницательности. У каждого человека есть соответствующее его сущности окружающее облако, а у хозяйки дома, из которого я только что вышел, его нет, я не помнил её лица, выражения глаз. Эта женщина, должно быть, не дает себе труда хоть как-то приобщиться к интересам мужа, живет только внешними впечатлениями и раздражается, когда их недостает.

Иекутиэль словно услышал мои мысли и как бы мимоходом заметил:

– Друг мой, не следует рано жениться. В юном возрасте мы ещё не знаем себя и берём то, что плывёт в руки. Потом оказываемся один на один с чужим тебе человеком. Опять же обстоятельства. Ну, да сейчас незачем об этом говорить, у меня взрослые дочери, которых нужно выдать замуж. А сына нет. Я мечтал о сыне, с которым можно было бы разговаривать, как с тобой. И по возрасту ты

мне годишься в сыновья. Люди становятся близкими, если одинаково чувствуют, думают; интеллектуальная привязанность прочнее физической. Ну, да как есть. Давай вернемся к теме нашего разговора; ты говорил о Воле Бога.

– Да, да, я помню. К Воле Бога ближе всего первичная материя и первичная форма, из их сочетания рождается интеллект, от интеллекта происходит эманация мира душ. Первичная материя существует сама по себе и может принимать разнообразные формы; другими словами, материя – начало воспринимающее, а форма – начало дающее, формообразующее. Можно сказать, что форма оплодотворяет материю. Об этом писал Ицхак Исраэли.

– Я читал его, философ и врач из Египта, – обмолвился мой старший друг и замолчал, о чем-то задумавшись.

Затем продолжил:

– Арабский ученый-неоплатоник Аль Фараби также рассуждал о Интеллекте, основанием которого считал деятельный разум. Он же развил учение Платона об идеальном государстве под управлением философов. Правда, он говорил не о государстве, а о «добродетельном городе», правителем которого избирается философ, знакомящий своих сограждан с основами мудрости. «Добродетельный город, – писал Фараби, – подобен совершенному здоровому телу, все органы которого помогают друг другу». При этом главу города он отождествлял с халифом, обладающим проницательным умом, совестью, разнообразными знаниями и добрым отношением ко всем своим подданным. Впрочем, любое государство без мудрецов, укротивших свои потребности и созерцающих мудрость Творца, не устоит.

– Я часто думал о том, что от одного человека – правителя – зависит состояние страны и благополучие его граждан.

– От нас с вами, во всяком случае, ничего не зависит, – усмехнулся мой собеседник, – мы только и можем, что работать, не задаваясь вопросом, кому это понадобится. Интересно что по мнению Аль Фараби, вечны только души совершенные.

– Согласно нашему учению, душа снова и снова возвращается на землю в новом воплощении, до тех пор, пока не выполнит своё предназначение.

– Об этом сказано не только в нашем учении, – заметил Иекутиэль. – Ну, да трудно рассуждать о том, что за пределами возможностей нашего познания. Легче говорить о стихах. В арабской поэзии – благородные идеи, точные наблюдения, однако темы ее однообразны, и часто недостает искреннего чувства. Усилия поэтов сосредоточены на изящных сравнениях, необычных метафорах. Получается что-то вроде орнамента с замысловатой абстрактной формой. И наоборот, насколько близки к жизни, богаты

переживаниями и мыслями твои стихи. Какое стихотворение ты написал последним? Можешь прочитать?

– Не знаю, понравится ли вам, в последнем стихотворении, как и в предыдущих, я обращаюсь к Вседержителю; сколько себя помню, стою перед лицом Его...

*Я с самого утра к Тебе спешу,
Твердыня Ты, Ты – сила, Ты – оплот,
К Тебе свою молитву возношу,
К Тебе, что день и ночь во мне живет.
Перед Твоим величием стою
И нищ и слаб, и глазу Твоему
Доступно всё, что я в себе таю,
И от него не скрыться ничему.
Что может молвить жалкий мой язык?
Что может сердце? И какая власть
Есть в той душе, которую привык
Я понукать, и спрашивать, и клясть?
Но знаю я, как любишь Ты раскат
Тех песен, что в Твою слагаю честь, –
В веках Тебя восславлю я, пока
Во мне душа божественная есть.*

(Перевод В.Лазариса)

Мой спутник молчал.

– В еврейское искусство, – заговорил я, – должно вернуться пророчество...

– Твоя поэзия и философия – об одном и том же. Ты, мой достойный друг, познаешь мир. С помощью интуиции прослеживаешь переход от «единого и всеобщего» к действительности, то есть к материальному воплощению. Я же пытаюсь мыслить более конкретно: с одной стороны, мы зависим от Провидения, с другой – у нас есть понятие «мера за меру», то есть человеку воздается за его труды, усилия. Я знаком с твоими стихами, и у меня такое впечатление, будто ты прыгнул через непреодолимую пропасть, Провидение подхватило тебя и перенесло на другой край – сделало свободным от этого мира.

– Спасибо за добрые слова, но только вы преувеличиваете мою свободу, я так же зависим, как и прочие. И мне дано то же, что и всем: разум и желание совершенствоваться, то есть учиться. Знание освобождает, помогает приобщиться к тайнам универсальной материи. Не помню, у кого из философов я прочел: «Если ты возвысишься до Первичной Универсальной Материи, и тебя осенит ее тень, ты увидишь то, что превыше всякого восхищения; самозабвенно посвяти себя этому, ибо именно для этого сущест-

вует человеческая душа и именно в этом огромное наслаждение и человеческое счастье».

– Я стараюсь, но у меня не хватает воображения представить то, о чем ты говоришь. Опять же «свобода выбора», которая, согласно твоим словам, дана каждому человеку, кажущаяся; мы поступаем только так, как можем.

Люди, идущие нам навстречу, почтительно расступаются перед моим спутником, приветствуют поклоном. Должно быть, удивляются, что такой важный вельможа идет пешком с неизвестным человеком в одежде простолюдина. Это тем более странно, что поднявшийся ветер, затянувшееся тучами небо и накрапывающий холодный дождь не располагают к прогулке.

Я не заметил неблизкой дороги от дома Иекутиэля к хибаре, где снимал комнату, служившую спальней, кухней и рабочим кабинетом.

– Извините, не могу пригласить вас к себе, может быть, в другой раз... С вашего разрешения, теперь я провожу вас в обратный путь.

– Не беспокойтесь, друг мой, карета следует за нами, просто я не хотел отказать себе в удовольствии пройтись и продлить нашу беседу. Если тебе будет угодно, мы будем встречаться, разговаривать об астрономии, солнечном и лунном календаре, о твоих философских изысканиях. И, конечно, о поэзии. Я тоже пытался писать стихи, потом бросил по причине отсутствия поэтического воображения.

– Спасибо! Я не избалован вниманием и буду счастлив видеть вас!

– Ещё раз благодарю за беседу, очень высоко ценю достоинства твоих стихов и научных размышлений. Хотя, признаюсь, умозрительные построения мне не всегда удается соотнести с реальностью. Ну, да мы с вами поговорим об этом. Поговорим и о том, что в теории мироздания мы исходим из априорных представлений, а уж каким образом их доказать, это дело будущих научных разработок. Впрочем, уверяю тебя, наука придет к тому пониманию, которое было дано в Откровении нашего Святого Писания. Будь благословен, и до новой встречи, мой юный друг!

Я переступил порог своей комнаты, оглушенный счастьем признания; нашелся образованный человек, способный оценить мои старания соотнести наш разум с Высшим Разумом. Об этом сказано в Писании: «И сказал Бог: Сделаем человека по Нашему образу и Нашему подобию...» (*Берешит 1:26*).

(Продолжение следует)

Дмитрий Аркадин

ОБЫКНОВЕННЫЙ ГОЛОД

Первое, что увидела Катюша, когда, проснувшись, открыла глаза, это была крыса. Противная, большая, с невероятно вытянутой острой мордой, она сидела на задних лапах и в упор смотрела на Катю. Смотрела своими неморгающими круглыми зенками, как бы раздумывая – накинуться сейчас или подождать. Девушка как пружина сжалась под одеялом, тоже не отводя от этой твари взгляд. Как назло, в неё даже швырнуть было нечем. Чтобы дотянуться до валенок, надо пошевелиться. Они на ногах. А пошевелиться Кате было страшно. Говорили, что крысы ушли из города. Оказывается не ушли. Может, потому, что некуда уходить – вокруг вода, огонь фронта.

Катя вдруг подумала, что они не ушли потому, что знают – Ленинград мы не сдадим. Не сдадим фашистам, а тем более им, отвратительным гадостям. Девушка вспомнила, как в самом начале блокады учительница биологии Зоя Сергеевна рассказывала про полчища крыс, которые длинными шеренгами, во главе со своими вожаками, двигались по Шлиссельбургскому тракту прямо к мельнице, где мололи муку для всего города. Мука тогда ещё была. В крыс стреляли, их пытались давить танками, но ничего не получалось, они запрыгивали на танки и благополучно ехали на танках дальше. «Это враг организованный, умный и жестокий. Все виды оружия, бомбежки и огонь пожаров могут оказаться бессильными уничтожить «пятую колонну», – говорила учительница биологии Зоя Сергеевна.

Зою Сергеевну нашли мёртвой в самом начале зимы. Она умерла на набережной Фонтанки, не успев зачерпнуть ведёрко студёной воды. «Тогда, с наступлением зимы, съели всех кошек, – вспоминала Катя. – Весной худые милиционеры охраняли едва ли единственную в городе кошку. Интересно, где она теперь. Может, съедена этой крысой. И теперь она пришла за мной».

Держась за стенку, в комнату вошла мама. Увидев крысу, она не испугалась, захлопала руками, но хлопков не было. Мама была в серых вязаных рукавицах. Они были велики ей, но пальцы согревали. Крыса резко повернула свой нос на шум и не очень быстро побежала под Катину кровать. Катя откинула одеяло и села на краю одеяла.

– Мне холодно, мама, я не буду мыться.

Мама подошла, села рядом. Вдруг Катя увидела, что мама очень стала похожа на крысу. Вытянутое от худобы лицо, длинный нос, запавшие округлившиеся глаза и эта серая прядь слипшихся волос из-под пухового платка.

– Стёпа умер, – сказала мама – Посмотри. Стёпа умер, – повторила она.

– Стёпа умер, – одними губами повторила Катя и уткнулась лицом в острое мамино плечо. Она ждала этого. Ждала, когда смерть заберёт брата. И вот случилось.

Перед глазами встала картина, как Стёпик, которому было три с половиной года, позавчера и даже вчера уже не плакал, не сучил синими ножками, а лежал, не шевелясь, и глаза его были, неморгающие, какие-то стеклянные. Когда мама протягивала ему ложку разведенного в теплой воде книжного клея, он не глотал.

– До Волкова я его не донесу. Ты донесёшь? – спросила мама. И не дожидаясь ответа, сама ответила:

– Далеко кладбище. Я тебя одну не пущу.

Катя встала и зашаркала в спальню, где лежал Стёпа. Не подходя к кровати, она увидела его тоненькие пальчики с чёрными ноготками. Оттопыренные, они застыли в дырках верёвочной сетки, привязанной к спинкам кровати. Вчера они с мамой с трудом покрошили ему в ротик кусочек дуранды. Это такая плитка, которая состояла из жмыхов, клея и соломы. Она Кате казалась шоколадкой. Брату так и сказала:

– Вот шоколадка сладкая, открывай ротик». Чуть-чуть Стёпа поел, а сегодня умер. Может, они с мамой отравили его этой «шоколадкой»? Преодолевая себя, крадучись, она подошла к мертвому Стёпе и, стараясь не глядеть на личико, которое было похоже на спёкшееся яблочко, потянула на себя байковое одеяльце.

«Оно ему уже не нужно. Ему уже не холодно.

Холод в квартире стоял невозможный. Тепло было, когда были дрова. Но большую печку теперь не топить нечем. Была еще «буржуйка». С наступлением зимы сосед помог им вставить трубу в дымоход большой печки и «буржуйка» заменяла им плиту и примус с керосинкой. Топили её книжными полками, стульями и книгами. Печь давала какое-то тепло в комнате. Печь согревала до тех пор, пока в начале ноября ночью недалеко упала бомба, и она от сотрясения сильно наклонилась над кроватью, на которой Катя спала с мамой. Мама успела прикрыть Катю собой. Всё обошлось. Только печь перестала греть. Без неё жить стало невозможно. За окнами температура на улице не поднималась выше -29,1 градуса. Но вот они живут, а Стёпка умер.

– Девятнадцатый, – подумала Катя.

Девятнадцатый, потому что вчера, пока они шли с мамой от улицы Восстания до улицы Рубинштейна, Катя насчитала восемнадцать покойников за один раз. Она закуталась в одеяло и вернулась к маме. Мама так и сидела на кровати с закрытыми глазами. У мамы цинга. Её сонливость, кровоточащие дёсна и боли в мышцах говорят сами за себя. Иногда у мамы случается рвота.

– Дочка, я сейчас перебирала кухонный стол, и смотри, что нашла, – не открывая глаз, сказала мама. Она стащила с руки варежку и вытряхнула из неё две засохших кильки. – Возьми, ешь, – и протянула ладонь.

– Нет, тебе одна и мне одна, – Катя села рядом.

– Их было три, я одну съела на кухне.

Это не было похоже на правду, ей с трудом давались обманные слова. Катя молчала, молчала мама. Было слышно, как крыса мечется под кроватью.

Катя взяла одну рыбку с маминой ладони и положила в рот. Рот наполнился слюной. От кильки даже вкуса соли не осталось. Но она показала Кате вкуснее самой настоящей шоколадки, которые ела до войны.

– Надо Стёпу похоронить, – сказала Катя.

Мама сунула ещё один скелетик рыбки в руку Кате, тяжело поднялась и направилась в спальню. Очень скоро вышла оттуда с тугим свёртком. Стёпу положила в наволочку, завернула, перепеленала его и застегнула на пуговицы. Подошла к окну, долго мучилась со шпингалетом, наконец открыла раму и положила свёрток на грязную серую вату между стёкол. Раму закрыла, щелкнул шпингалет. Потом повернулась к Кате.

– Вот так вот! – склонила она голову набок.

– Что ты делаешь, мама? – ужас был у Кати на лице.

– Ничего, никому не говори про Стёпу. Пусть лежит на холоде. Будем на него ещё хлеб получать, как будто он живой.

На какое-то мгновение у Кати потемнело в глазах. Килька выпала из рук. До неё стало доходить! «Вот, оказывается, что! Дело не в том, что до кладбища с тельцем им не добраться. Стёпина смерть, если её утаить, не отнимет у них лишнюю пайку хлеба».

– Мама, когда ты стала такой? – едва проговорила она.

А мама прошептала:

– Стёпка не осудит нас. Он не осуждает, – взглянув через стекло на свёрток, добавила мама.

* * *

Наступил новый день. Первый день без Стёпы. Было около семи часов утра, но рассвет не пробивался в крошечной темноте квартиры. Казалось, темень из неё не уходила ни утром, ни днём. Потому что – светомаскировка. Окна заклеены газетами и плотно заколочены листами фанеры. Из темноты появилась мама с маленькой баночкой. Внутри плавал фитилёк – коптилка, которая едва светила. Катя напрягла память: «Какой день, какое число сегодня? По-моему, сегодня 13 декабря 1942 года. Оказывается, жизнь останавливается, если нет еды, и присутствуют пронизывающий холод и темнота. Но вот же она вспомнила, какой день сегодня, значит, жизнь ещё колеблется и дрожит, как этот крохотный язычок огня в стеклянной банке.

– Я пойду на брошенные огороды посёлка Ягодное. Говорят, на огородах много мерзлых листьев капусты – сказала мать.

– Как далеко она собралась, – подумала Катя. – Волково кладбище ближе, чем посёлок». Но ничего не сказала маме. А та поставила коптилку на столик, варежкой попыталась запихать под платок непослушные волосы, повернулась и зашаркала на выход. Вдруг обернулась:

– Знаешь, доченька, если бы мне пришлось прожить свою жизнь еще раз, вернее, если бы я знала, что Стёпа умрёт от обыкновенного голода, лучше бы я не рожала его. За свою короткую жизнь он никогда, ничем не болел, – хотела сказать что-то еще, но не сказала, ушла.

– Какой же голод необыкновенный? – спросила сама себя Катя. Овета у неё не было.

Мама не вернулась ни вечером, как обещала, ни на следующий день. Когда грохот бомбёжек утих и почти не стало слышно артиллерийской канонады, Катя спустилась во двор. Там она встретила безногого Фёдора, спросила про маму.

– В Ягодное подалась? – переспросил он. – Ту сторону всю ночь бомбили. Видимо, там осталась, Господи прости. А, может, и нет. Жди, девка. Степан-то с кем? – вспомнил он про Катиного брата.

Катя ничего не ответила, с трудом по обледенелой лестнице поднялась в квартиру. Протянула ладони к теплой коптилке, прислонилась к ледяной печке и заплакала навзрыд. Она осталась одна в стынувшей квартире, одна в блокадном кольце, и похоже, нет такой силы, которая разорвёт фашистский капкан. Про Красную Армию никто ни слова. Где сейчас стреляет из танка её папа? Она осталась одна, если не считать мёртвого Стёпу и крысу. Крыса совсем лишилась страха, стала носиться по квартире, и, Кате показалось даже, что она знает про смерть брата, знает, где он лежит. Крыса металась по квартире, всё чаще и чаще подлетая к окну.

Как-то на седьмой день со дня смерти Стёпы, когда в доме уже было съедено всё, что можно было съесть, когда по крохам был проглочен последний ломтик хлеба из целлюлозы и пшеничной древесной пыли с мельницы, Катя, держась за стенку, спустилась во двор и вышла на улицу. Шёл густой снег, со стороны Финского залива дул пронизывающий ветер. Она увидела двух милиционеров. Худые, обросшие щетиной, они, тем не менее, шутили и даже пели, притоптывая от холода у костра сапогами. На костре они жарили ворону, которую только что подстрелили.

– Девушка, может, у вас найдётся щепотка соли? Скоро ворона будет готова – поделимся с вами, – сказал ей длинный милиционер.

У Кати вдруг мелькнула мысль. Она рассказала им про большую крысу, которая совсем обнаглела, не прячется от неё, а наоборот, следит за ней и готова наброситься на неё.

– Застрелите её, пожалуйста, а соль в доме есть, – попросила милиционеров Катя. Один остался у костра, а длинный милиционер по имени Паша потрогал на ремне кобуру с пистолетом и сказал Кате:

– Пошли, синеглазка.

Когда они поднимались по лестнице, Катя вспомнила про Стёпу за стеклом и страшно перепугалась. Боже мой! Что же будет, если милиционер увидит свёрток! Господи, зачем позвала его? Но говорить, что передумала, было уже поздно.

– Пусть будет что будет, – решила она и открыла дверь. Крыса как будто ждала их. Сидела посреди комнаты и, как собака, задрав голову, смотрела на окно. На стук двери она обернулась и нервно забила толстым хвостом по паркету. Пистолет уже был у Паши в руках.

– Действительно, здоровая, – согласился он с Катей, вытянул руку, прицелился и нажал на курок.

Раздался выстрел, комната моментально наполнилась дымом, а когда он рассеялся, Катя увидела перевернутую безобразную тушкудохлой крысы. Хвост у неё, тем не менее, ещё подрагивал.

– Всё, допрыгалась, – пряча пистолет в кобуру, сказал Паша. – Потом уберешь. Не вздумай её есть! Идём, я тебе отломлю ножку вороны. Вороны вкусней крыс. Родители твои где?

Катя сказала, что мама ушла неделю назад в Ягодное, до сих пор её нет, а отец воюет на Белорусском фронте в танковых войсках под командованием генерала Рокоссовского. Милиционер пристально посмотрел в лицо Кати и ничего не сказал. Он не обратил никакого внимания на большой свёрток, что белел за стеклом. Катя молила Бога, чтобы Паша ничего не заподозрил. На кухне она из обрывка газеты ловко скрутила кулёк, насыпала туда щепоть соли. Передала его милиционеру, и они спустились на улицу.

Оказывается, ворона только кажется большой птицей, если она в перьях. А эта общипанная и поджаренная на огне выглядела как воробей. Милиционер снял её с прута, положил на обломок обгорелой доски и густо посолил мясо. Потом ловко штык-ножом отрезал почти половину жалкой тушки. Завернул кусок в тот же кулек, в котором была соль, и протянул девочке.

– Держи и беги домой.

А Паша добавил, взглянув на низкое черное небо:

– Беги в убежище, синеглазка! Скоро начнут бомбить. Квартира твоя шестнадцатая. Как-нибудь заглянем к тебе, принесём еще чего-нибудь вкусенького.

– Он тебе ещё много и ворон, и крыс настреляет! Потому как живых фрицев еще не видел, – с нескрываемой насмешкой воскликнул другой милиционер.

Тут же они начали спорить и поддевать друг друга. Катерина повернулась и, прижав к груди сверток, осторожно пошла домой, боясь поскользнуться. Вернувшись домой, она замерла в дверях. Убитой крысы на полу не было. Катя взяла в руки коптилку, обошла квартиру, подсвечивая все углы, – крысы не было нигде. Девушка подошла ближе к месту, где она лежала. Может, она была ранена, и по следам крови Катя увидит, куда она уползла, где забилась. Но на паркете – ни капли крови. «Я не помню, закрывала ли дверь? Может, в квартиру кто-то заходил и забрал крысу. Крысу есть!? Да я скорее готова землю грызть, чем крысу жрать!».

Катя села на кровать и разжала ладонь с маленьким свёртком. Куsocек вороны, еще горячий, приятно согрел ладонь. Тонкие ребрышки с кусочками мяса. Отломала ребрышко и отправила в рот. Вкусно! Так вкусно, что она зубами разжевала ребрьшко и с удовольствием проглотила. В один присест она съела почти весь кусок и мысленно поблагодарила милиционера за еду, за необычный ужин. Она уснула, не выпуская из рук кулёк с остатками вороны. В бомбоубежище не пошла. Ей было неохота, точнее, ей было всё равно, что случится. Катя спала и не слышала, был ли ночной налёт на город или нет.

Ещё весной и летом в городе было электричество. Несмотря на блокаду, тогда состоялось даже несколько джазовых концертов. Катя слушала их по «тарелке». Просыпалась по сигналам времени, которое объявляли по радио. Вот уже почти полгода радио молчит. Утром её разбудили голоса на лестничной клетке, топот ног, плач и причитания. Сил встать не было, но она медленно поднялась, увидела себя в зеркале, поднесла к лицу коптилку. На неё глядело лицо не двадцатилетней девушки, а почти старухи. Выглянула из дверей. Увидела четверых санитаров. Поверх ватников на них были грязные белые халаты, и они тащили вниз по лестнице двое носилок, застеленные тоже грязными простынями. На одних из носилок по большим красным ботинкам узнала Сергея Николаевича. До войны он был директором Парка культуры и отдыха имени С.М. Кирова. Такие английские ботинки носил только он. За санитарями соседи под руки вели едва переставляющую ноги жену Сергея Николаевича Тамару Петровну. Люди плакали, что-то кричали. Лицо Тамары Петровны было каменным, глаза чуть приоткрыты. Кто лежал на других носилках, Катя не рассмотрела.

Когда люди по лестнице спустились, Катя, выглянув в окно, увидела во дворе большую крытую брезентом машину. На брезенте были нарисованы красные кресты. Это была санитарная машина службы тыла. Такие машины курсировали по городу и собирали трупы.

– Вот тебе, пожалуйста, живая оказия с мертвыми, – подумала Катя. – Санитары могли и Стёпу сейчас забрать, если бы я им сказала про него. Но я не сказала.

Смотрела, как носилки с Сергеем Николаевичем запикивают в грузовик. Вспомнила – каждым довоенным летом он, её сосед и директор парка, угощал юную комсомолку мороженым и даже порой бесплатно разрешал прокатиться на чертовом колесе.

Сегодня воспоминания совсем другие. Они связаны только с едой. С её добыванием. Держась за холодные перила, Катя, едва переставляя ноги, поднялась к себе. Вспомнила, как летом с подружками ходила днём на кладбище, потому что там росла лебеда. Из этой травы мама пекла лепёшки. Лепёшки были горькие и тёмные, но они спасали тогда от голода. Ещё по краю кладбища росли грибы. Они их тоже собирали, сушили и ели. Но вскоре начались морозы, выпал снег, походы прекратились. Сейчас есть нечего.

Катя вспомнила про хлебные карточки. Хватит ли у неё сил доползти до хлебного магазина? Она даже не помнила, открыт ли он сегодня. Катя подставила к большому платяному шкафу, что стоял в спальне, единственный стул, его не успели сжечь, и вскарабкалась на него. Все полки были завалены довоенной одеждой, Стёпкиными рубашечками и шортиками. А вот на самом шкафу сложены дорогие Катерининому сердцу книги, которые она не дала маме сжечь в «буржуйке». В книге Вениамина Каверина «Исполнение желаний», под её твёрдой обложкой, лежит хлебная карточка.

Этот тайник придумала мама. Катя была немало удивлена – книга оказалась раскрытой. Перед глазами всё поплыло, она едва успела ухватиться за край шкафа, потому что на странице, где должна была лежать карточка, её не было. Катя не помнила, сколько она просто-яла на стуле в оцепенении, пальцы побелели, в голове гудело и подкашивались ноги. Она бездумно перевернула несколько страниц, потом медленно спустилась со стула.

– Карточки украли, украли вместе с крысой. Крыса с хлебом! Наверное, кто-то радуется крысе и сворованным хлебным карточкам, – мысли лихорадочно скакали в голове. – Мне, значит, сейчас взять наволочку со Стёпой, и на кладбище. Лечь и ждать смерти. Дорога в одну сторону. Прогулка в один конец. Я не выживу, я не проживу и двух дней, если не найду хоть чего-нибудь поесть.

В квартире стало совсем темно. Катя забыла, где оставила копилку; наткнувшись на предметы, на мебель, она побрела на кухню. Фитилёк едва мерцал там. Она подошла к стене возле буфета. С этой стены летом она с мамой сдирала обои, сцарапывала с них и со стен затвердевший клейстер. Его разводили водой, нагревали и пили. Вот и сейчас она потянула за край оторванных обоев, рукой нащупала на столе кухонный нож и стала почти на ощупь соскребать то ножом, то ложкой мутные полоски клея со стены. Но ложка вывалилась из рук, Катерина пошатнулась и упала в обморок.

Она пришла в себя с наступлением рассвета. Где-то далеко гремели пушки и ревели самолёты, то приближаясь, то отдаляясь. Пол порой подрагивал. Тем не менее, Катя проснулась от голода, а не от холода или от взрывов. Не чувствуя тела, поднялась, попила из кружки немного воды, взяла снова ложку и содрала со стены несколько струек желтоватого клейстера. Потом положила стружки клея в кружку с несколькими глотками воды, подняла её над коптилкой и стала ждать, когда смесь нагреется. Немножко помешала ложкой, и вот еда готова. Подула на ложку и отправила желе в рот.

– Ничего. Не ворона, конечно, даже не дуранда, но главное, тёплое и напоминает какой-то суп.

Выскребла ложкой дно кружки, но голод не проходил. Есть захотелось ещё больше. Она добрела до зеркала, увидела провалившиеся глаза, и запекшимися, потрескавшимися, почти белыми губами горячо зашептала вслух:

– Господи, мне только двадцать лет! Я не хочу умирать! Я хочу жить! Я люблю цветы и мороженое, я люблю снег и яблоки из сада, люблю книги, люблю хороших людей, и Эрмитаж, я люблю, белые ночи, и люблю собирать в лесу грибы. Я люблю танцевать и кататься на каруселях! Люблю плавать на лодке и загорать! Ты не заберёшь меня, Господи! Тебе не удастся уволить меня. Я могу уйти только по собственному желанию. А этого желания у меня не будет никогда, что бы ни случилось. Я не доставлю тебе такого праздника! Жизнь прекрасна, несмотря на смерть вокруг. Я хочу замуж, у меня никогда не было парня, я хочу детей, я хочу любви!

Я еще никогда не целовалась с мальчиком. Я люблю любить и люблю, когда любят меня. Я буду бороться до конца! За эти мои желания, за то чтобы они исполнились. Где-то бьет крыс в рогатых касках мой отец. Он вернётся и будет еще счастливым дедом. Пусть даже без мамы и Стёпы. Господи! – закричала Катя на весь дом и отпрянула от зеркала.

Она не заметила, как по трясущемуся от бомбёжки полу с ножом в руках подошла к окну, за стеклом которого в наволочке покоился Стёпа. Распахнула раму, потом стала ногтями отдирать материю, прилипшую к холодному, как ледышка, тельцу. В этот момент с низкого чёрного неба, по которому шныряли яркие снопы света, раздался пронзительный, противный завывающий звук самолета.

Он низко спикировал над крышей Катиного дома. Затем был сокрушительный взрыв и оглушительный грохот. Последнее, что она увидела, это как раскололась стена. От окна в угол побежала огромная трещина, обнажая красные кирпичи, а белый потолок, под которым раскачивался оранжевый абажур, накренился и в одно мгновение накрыл её.

* * *

Ближе к вечеру, когда немецкие бомбардировщики улетели, к развалинам дома стали собираться люди. Подъехала пожарная машина, включили прожекторы, луч света зашарил по руинам. Тушить было нечего. Всё, что можно было, сгорело. В воздухе кружились черный дым и черный пепел, который оседал на черный снег. В тот день все жильцы успели спуститься в бомбоубежище. Больные, немощные, старые и беспомощные, все, кто слышал завывание сирены. Среди них не было только Катерины и её братика. Они не слышали тревогу. Катерину нашел милиционер Паша. Он с другом прыгал по кучам битого кирпича и заглядывал во все завалы, подсвечивая большим фонарём. Потом позвали пожарных, ещё каких-то мужчин, и с трудом подняли и сдвинули бетонное перекрытие потолка.

Девушка лежала, раздавленная потолком, без лица, без синих глаз. В глаза её влюбились милиционеры, когда жарили на костре ворону, а потом угощали ею Катю. А Стёпу не нашли. Люди, в одночасье лишившиеся своего дома и скудного скарба, решили, что, наверное, мама взяла его с собой в посёлок Ягодное. Гадали, жива она или нет. Кажется, месяца через полтора пришло уведомление о смерти Катериной матери во время бомбёжки поселка. Она умерла от цинги, от истощения организма, от горя, а не от бомбы. Про Стёпу в уведомлении не было ни слова. Только что это меняло? Получить уведомление не пришлось уже никому. Тем более, оплакивать смерть ребёнка.

Никого не осталось, чтобы оплакать семью. Катин отец с фронта не вернулся. Их помянули соседи, из тех, кто остался жив. Помянули, когда в городе сняли блокаду. А Господу всё-таки удалось уволить Катерину из жизни. Может, в наказание за искушение величайшим грехом, свидетелем которого был только Он.

ЖДАЛИ, ВЕРИЛИ, НАДЕЯЛИСЬ

Свершилось! Дождались! В город Горький приехал раввин. Ну, что за раввин оказался, об этом потом. А пока – ликуем и радуемся!

25 сентября 2018 года, Иерусалим.

Шагает по планете Земля Новый, 5779, еврейский год! Ура-ура! Урррааа!!! Счастливого и сладкого вам Нового года! Дожить до следующего такого праздника!

Эти звуки наполняют пространство Старого Города в Иерусалиме. Идет вторая неделя еврейских осенних праздников, выпадающих на первый месяц еврейского календаря, тишрей.

Прошел главный день этого месяца – Йом Кипур (Судный день). Наступила неделя праздника Шалашей – Суккот. И праздник в празднике, радостный для всех евреев день завершает его: Симхат-Тора, празднование по случаю окончания годовичного цикла прочтения глав Торы – Пятикнижия Моисеева.

Сердце наполняет радость: это мой праздник, я – еврей! Я – счастливый человек, как и весь мой народ! Уже более тридцати веков мы все живем, радуясь Торе, исполняя законы, прописанные в ней.

В Святых книгах царем Давидом сказано, что жизни человеческой Всевышний дает семьдесят лет, а больше – при крепости тела и силе духа, за следование заветам Всевышнего.

О, как хорошо: с первого дня еврейского года моя жизнь начала отсчитывать семьдесят третий год пребывания на планете Земля. И если еврейский народ счастлив, поскольку Творец избрал его и даровал ему Тору, то, конечно, счастлив и я.

Простой еврей-сапожник устроился в пустой днём сукке и напевает: «Очень счастлив я, очень счастлив я, потому что, братцы, я еврей!» И открывает чистые страницы, чтобы написать очередную «Еврейскую тетрадь», в которой будет зафиксирована историческая правда. А не тот сиропчик, который пытается излить Владимир Владимирович Путин: «Я рад за евреев России, потому что главным раввином СНГ стал Берл Лазар».

За всех евреев не поручусь. Давно известно: два еврея – три мнения. Каждый наш соплеменник, всё ещё проживающий на территории бывшего Советского Союза, расскажет о событиях по-своему. Так что – всё, что будет выдано на-гора в этой тетрадке, будет отражать только мои идеи, будет касаться только лично меня: Лени Грузмана, пронесшего на своих плечах груз «еврейского счастья».

Когда-то мой великий земляк Максим горький сказал, что писатель есть инженер человеческих душ. Прав-то он прав, но какой-то писатель и на главного инженера потянет, а какого-то я б и прорабом не сделал, уровни у всех разные.

Писателей и поэтов было много, в советское время творческим человеком мог стать каждый, лишь бы «идеологически верно» отражал действительность. Но лишь немногие из них до сих пор памяты людям и живут в зачитанных книгах, из которых черпаются духовные силы.

«Любите книгу – источник знаний!» – о, Алексей Максимович, я вырос в тех же оврагах, пустырях, улочках и переулочках, где росли и вы – и впитали в душу правду-матку. А она одна, хоть и разделяют нас с вами во временном пространстве почти сто лет, когда вы и я жили на этих берегах.

Когда я родился, этот город, царственно раскинувшийся по высоким берегам Волги и Оки, носил название Горький. А теперь он снова Нижний Новгород. Всему своё время. Как писал Экклезиаст: «Время собирать камни – и время разбрасывать камни». Но потом снова приходит черед собирать всё, что было до нас, по камешку...

Итак, за моими плечами – семьдесят два года жизни. Последние пятнадцать лет я, слава Творцу, реализуюсь как писатель. Я – свидетель, а в какой-то мере и создатель новой российской жизни, главное – ее духовной истории.

Самым важным своим деянием считаю особый исторический эпизод: в городе Горьком 18 мая 1991 года была вновь открыта синагога, старательно изничтоженная евреями-коммунистами в 1938 году, во время ужасного террора, развязанного безнаказанным злодеем Иосифом Сталиным.

Самое главное в этом историческом эпизоде – то, что у меня и моих сподвижников не было никаких связей с израильянами, а также с еврейскими организациями Европы и Америки. Ни малейшей помощи из-за границы я не получал: хорошо, что сохранилось в городе несколько религиозных евреев, которые могли меня чему-то обучить. Так что пусть будет стыдно тем, кто запустил легенду, рожденную в кабинетах спецслужб, кто внедрял ее в общественное мнение: Грузман-де и на голову больной, и шпион всех разведок – одновременно.

Вот она, рядом с моей рукописью, лежит книга на четырехстах шестидесяти страницах. Это сборник воспоминаний, составленный Владимиром Бессарабом и Олегом Рябовым. Авторы характеризуют его так: «эпоха девяностых годов глазами нижегородцев».

На пятьдесят шестой странице книги начинается моё повествование под названием «Щелочка в железном занавесе». Вот так-то! А чтобы пробить эту щёлочку, понадобилось десять лет как одна копейка.

Сейчас, возвращаясь к городским историческим событиям, происходившим почти тридцать лет назад, я от восторгов победы еврейской мысли и ее торжества над тупыми идеями марксистско-ленинского атеизма возвращаюсь на грешную землю, где всё и происходило.

Моё состояние в начале девяностых годов сейчас, с высоты десятков лет, определяется просто: когда человек много лет просидел в тёмных и сырых тюремных казематах, то, выйдя на свободу, под яркие солнечные лучи, не видит почти ничего – отвыкли глаза воспринимать то, что творится вокруг, а что видит – не всегда истина.

Так, пропетые тогда дифирамбы в адрес Изи Раскина, еврея, родившегося в городе Горьком в 1947 году и уехавшего в Израиль со всей семьей – отец, мать, брат и две сестры, – будут у современного читателя вызывать горькую усмешку или просто смех сквозь слезы. К моему стыду, это оказался мошенник-ханжа (то, что на идише называется готсганев, т.е. богокрад). А мы его воспринимали как человека особого, святого служителя святому слову. Ха! Или похихикаем: хи-хи! Уж кто как воспримет ситуацию.

Несколько месяцев я не мог себя заставить сесть за письменный стол и собраться с духом, чтобы изложить эту историю: как же так – уроженец нашего города, земляк преподдал нам такие «уроки жизни», что ой! А мы-то ликовали, что к нам приехал раввин из самого Израиля, чтобы наставить нас в религии и оказать возможную материальную помощь неимущим евреям города Горького... Всё оказалось бесстыдной авантюрой.

Для нас, жаждущих приобщиться к еврейской жизни, как и для совсем не евреев – руководителей города, не знающих и не понимающих еврейской религиозной традиции, всё вначале казалось прекрасным. Как же: вот, не боится никого человек, отрастил бороду, надел шляпу и традиционный сюртук-капоту, так красиво говорит о доброте, мудрости, дает комментарии к главам Торы... Ух ты! Восторг! Чистый восторг: настоящий раввин приехал!

Были, впрочем, и скептики, потихоньку поговаривающие, что король-то голый. Но их тут же все дружно обвиняли в антисемитизме и сотрудничестве с КГБ, даже не вслушиваясь в их аргументацию.

Конечно, от Изи-раввина и какая-то польза была тоже, что хаять! Правильно, по израильским канонам, проводил он богослужения на иврите. Но в то время в городе еще жили последние «местечковые» евреи, привыкшие к лошн-койдеш и сохранявшие в своем образе жизни приверженность к «Поучениям отцов» и словам патриархов.

И вот, в эйфории свободы еврейского вероисповедания и лозунгов во славу какого-то неизвестного нам ребе-Мессии, прозвучали тихие слова, можно сказать, шепотом произнесенные: «А ведь Изя-то Раскин, сын Боруха, в подпольной ешиве в Самарканде никогда не учился... Брат его, Соломон, тот да – пару лет просидел в ней. Этот же уехал в Израиль студентом Горьковского строительного техникума, где иудаизм никак не изучался».

Ну и вот, начались в моей душе терзания. С одной стороны – это ведь СВОЙ еврей, который живёт согласно заповедям и которого сам «Мессия» послал к нам, униженным и оскорбляемым «братьям и сёстрам». Или же Сатана облачил в эти одежды нового Остапа Бендера?

Проза

В феврале 1991 года в Москве, с трибуны съезда Еврейского Комитета СССР я услышал, что на нас делается религиозный бизнес, причём по всей территории Союза, и это может стать убийственным для тех евреев, которые решили продолжать жить под сенью русских березок.

Сейчас, более чем двадцать пять лет спустя, я рассказываю о том, что же именно тогда было, вписывая справки и комментарии к ним в своё повествование.

* * *

Жил да был в Нью-Йорке последний Любавичский ребе, «прямой посланник Небес, глава нашего еврейского поколения», живущего на рубеже 20-го и 21-го веков.

Он-де, как говорили многочисленные посланники, и есть Мессия. Переживает он и беспокоится буквально за каждого еврея и за все еврейские общины – и оказывает всем помощь.

А вот это уже очень интересно: как же он, Его Мессиятельство, оказывает помощь?

Да очень просто. Подзывает к себе ребе одного из своих воспитанников и с молитвой дает ему один доллар. И напутствует: «Ты должен отдать этот доллар евреям России – я шлю им своё благословение». Все остальные деньги – на дорогу, гостиницу, организацию праздников, приобретение книг и строго кошерной жарчки – избранный ребе посланник должен где-то выклянчить.

И вот, с долларом от ребе в руке и с несложными математическими подсчётами в башке, посланник любавичского движения начинает шлёндать по еврейским домам, поселениям, организациям, бизнесам, больницам и аптекам. А кто хочет – может перевести деньги на специальные счета, открытые в таких-то и таких-то банках.

И вот, упакованный первоначальными бабками «святой еврей» приезжает в русский городишко, где живут евреи – и уже в третьем поколении ничего не знают о сокровенном еврейском образе жизни, который сохраняется в еврейском народе.

Всё, маховик запущен!

Представитель определенной еврейской группировки (в данном случае я говорю о движении ХАБАД, но вообще их десятки или даже сотни) ведет культурно-просветительную деятельность по освобождению соплеменников из духовного рабства, к «духовному просветлению».

Возвращаемся в далекий, ушедший в прошлое 1991 год, когда в городе (уже Нижнем Новгороде) приступил к исполнению обязанностей губернатора Борис Немцов.

Приехал в город «раввин» Раскин, во второй раз – в сопровождении двух молоденьких еврейских девушек-помощниц для обследования недавно открытой синагоги и положения дел в еврейской общине города.

Делаю остановку и даю справку:

В СССР официально, в 1989 году, была зарегистрирована еврейская религиозная община города Горького. Справка о регистрации хранится в моём архиве.

Зарегистрировались тогда всего двадцать три, в основном пожилых, еврея, исповедующих еврейскую религию. И те же евреи на содержание Еврейского молельного дома каждый месяц отдавали мне по 10% от своих пенсий, то есть, от 7-ми до 10-ти рублей. Денег хватало, иногда даже оставались – я об этом писал в первых томах «Еврейских тетрадей».

С того дня, как я проводил регистрацию еврейской религиозной общины города, в апреле 1989 года, скоро исполнится тридцать лет, юбилейная дата.

И параллельно в Нижегородском горисполкоме был зарегистрирован Клуб еврейской культуры, во главе которого, по рекомендации горкома КПСС (как же без этого!) поставили профессора Либензона.

По переписи 1989 года в городе Горьком проживало 12350 граждан еврейской национальности (при общем населении города – более 1 млн. 200 тыс. человек).

Конечно, в так называемом Клубе еврейской культуры, созданном в противовес общине, началась и проводилась пропаганда и агитация против религии как «опиума для народа». Притом – любыми методами. Шепотком, с оглядкой по сторонам, «надежные» люди передавали: «Липа Грузман – больной на голову. А еще он агент КГБ. И был главным свидетелем на процессе у сиониста Вольвовского». Уж что-то одно бы выбрали, что ли!

Возвращаюсь к термину «еврейская община».

Все общины такого типа организуются и существуют при одном непреложном условии: каждый член общины вносит в общий фонд «десятину» – 10% от своего дохода (заработка, пенсии, стипендии и пр.). Таково указание Талмуда, заповеданное иудеям.

Что было в городе на день второго приезда посланника «Мессии» в Нижний Новгород? Если называть вещи своими именами, то ровным счетом НИЧЕГО. Никакой еврейской общины не было. А были две дюжины религиозных евреев-старичков, состоящих в Объединении иудейской религии. Так оно записано в справке о регистрации.

И была вторая, так сказать, альтернативная еврейская общественная организация нерелигиозного плана, под шикарным названием, по сути представлявшая собой тусовку граждан-евреев. Чтобы вписаться в еще живые советские стандарты, она прозывалась Клубом еврейской культуры, и было у нее аж четырнадцать учредителей. Кстати, ни Либензон, ни Бейдер, ни Юткович, ни Тураева денег на расчетный счет своей любимой организации не вносили. Наоборот, они ждали, что за их активную деятельность во имя спасения еврейского народа от сионизма и религии им что-то обломится.

Шнорили, шнорили – и какая-то религиозная община течения прогрессивного иудаизма из Англии, приняв 14 несчастных горьковских евреев в свои ряды, награду выдала: целых полтысячи... белых ермолок-кипот (каковые по графе их расходов были списаны как очень дорогой подарок: – изготовление кипот из серебряной нити). Честно скажу, не знаю, что «культурные» с ними делали. Ладно, это другая история.

Теперь политический расклад в несуществующей еврейской общине Нижнего Новгорода как-то ясен. Сюда-то и явились их Еврейское сиятельство, уроженец Канавинской слободы города Горького Изя Раскин и две его секретарши-помощницы из Высшего духовного еврейского училища города Москвы. Как красиво называлось-то, хотя можно было сказать и короче: пыль в глаза.

В большевистской партии три коммуниста составляли ячейку. В нашем городе Изя и две барышни могли быть охарактеризованы как хабадская ячейка, которая начала свою просветительскую деятельность, первым делом самоназначив Изю главным раввином города.

Мы, в общем, справлялись с делами своими силами. На празднование еврейского Нового года в синагогу пришло невероятное по тем временам количество – аж сто евреев! Это были самые отважные, вроде бы переставшие бояться КПСС, которая уже порастеряла зубы, но еще не была объявлена ни распушенной, ни приостановленной. Молодцы, что скажешь! Но остальные тысячи евреев никак не отреагировали на второе явление Его первосвященства.

Надо сразу отметить: главным атрибутом посланного «Мессией» раввина-самозванца была фотокамера, с которой он не расставался. Изяка делал трогательные кадры: профессор Либензон получает из рук секретарши Штерны пакет пшена, а несчастная еврейка Тураева что-то лопает в синагоге. Особенно этому репортеру еврейской национальности удалось фотографии еврейских детей, усаженных под плакатом «Еврейская школа», написанным секретаршей Мирьям.

Ура, есть чем отчитаться! Какой поток благодати излился на евреев города! Можно сказать, с небес свалился на нас со своей миссией посланец заокеанского ребе.

Было устроено публичное явление его народу, чего нельзя было сделать в первый приезд. Год прошел, город был уже открыт для въезда иностранцев. Так что – гуляй, еврей! Пей и веселись!

Собственно, первым, кто напился, и очень сильно, считай – до горизонтального положения, в те дни, был именно «главный раввин» города, посланник нью-йоркского «Мессии». Сказалось и место его рождения – старое Канавино, хорошо описанное Максимом Горьким. И происхождение. Формально отец его был переплётчиком, но большую часть дохода в военные и послевоенные годы давал ему совсем другой гешефт: он покупал у ворья и пьяниц золо-

тые монеты, а потом, с хорошим наваром, перепродавал их зубным врачам.

Всё, о нем больше повествовать не будем, тем более что отец ухитрялся совмещать бизнес с соблюдением еврейских традиций.

Продолжим сказ о главном герое повествования, который приехал из Израиля как олицетворение гуманитарной помощи. Положив лапы на плечи двух «кошерных» девах-евреек, главный раввин города неспешно шествовал по Свердловке в квартиру, снятую для него и сопровождающих его лиц. Шёл, качаясь, походочкой, которая в народе называется «что в море лодочка». Впрочем, иногда меняя аллюр на «как у слона». Из носу «святого еврея» текли сопли, изо рта – слюни...

Святую фотокамеру нес я. Вручая ее мне в руки, любавичский святоша рявкнул: «Смотрри, эта вешшшь очень дорррогая. Урнишь и разобьешь – я тебя убббью».

Эти слова резанули мне уши, ударом тока проскочили по моему сердцу, душе и всему телу. Ничего себе! Канавинский еврей, росший как-никак в семье айда-фрумера,* и вдруг выражается словами, которые и в мыслях держать не приличествует!

Вместе со мной пьяного раввина провожали спать Саша Глеберзон и Максим Вакс, молодые евреи. Они вообще были в полной растерянности: в их сознание никак не могло уложиться то, что видели и слышали. Как это может быть? Что за неожиданность такая – чтобы посланник святого ребе оказался обычным пьянчугой, притом совершенно не умеющим себя вести?

Мы, хоть и не учились в ешивах да колелях, были настоящими евреями. Народная наша традиция считала неизмеримыми ум и благочестие раввинов. А здесь... Всё на наших глазах рушилось, нанося всем, особенно молодым, глубокие душевные травмы.

Пытаясь как-то переварить происходящее, мы наконец дотащили «святую троицу» до места ночлега. Еще и намаялись, укладывая спать вдруг разбушевавшуюся «духовную помощь», прибывшую из Святой Земли, чтобы нас, грешников закоренелых, вернуть в лоно религии предков.

От квартиры, в которой остались дрыхнуть Раскин и студентки, мы трое шли, не разговаривая. Нам было невероятно тяжело. Столько времени ожидали – и дождались... Этот посланник Любавичского ребе не то что на еврея – вообще на человека не был похож.

* * *

Вот пишу я об этом мгновении жизни, имевшем место двадцать семь лет назад, и верите, опять меня трясёт от омерзения, я заново переживаю, вижу и слышу всё то, что было тогда.

* Фрумер – праведный, религиозный еврей.

Этим (нет худа без добра!) подтверждается то, что ВРЕМЕНА никуда не текут, всё прошлое ПОСТОЯННО остается с нами.

Помню, как мой, светлой памяти, раввин и учитель Илья Семенович Гершкович говорил, вспоминая начало своей юности:

– Липалэ, в 1924 году я жил в своем родном местечке Гусятин, на Украине. И было так, что я шел утром из синагоги домой. В руках нес тфилин, молитвенник, книгу Бытие. И вдруг, откуда ни возьмись, появляется наш местечковый чекист, Шлома Шихтер. Он меня остановил и сказал: «Брось все эти еврейские книги и штуковины, которые ты на себя нацепляешь! Мы скоро коммунизм построим! Не будет в нашей стране ни наций, ни религий. Будем все жить единой». Вот, Липалэ, шестьдесят пять лет прошло с того дня, а в моей памяти и в душе та встреча с чекистом Шихтером жива, как будто она сейчас или вчера была. Прошлое никуда не исчезает, оно с нами всю жизнь.

* * *

Итак, подхожу я к развязке начатого. Двадцать лет живу я в Иерусалиме, но Нижний Новгород не забыл и не бросил. И начал, сидючи в своей иерусалимской квартире, вспоминать былое – сразу увидел и услышал, как наряженный раввином Изя Раскин говорит, что он меня убьёт. Это была первая его угроза, но не последняя.

В своё время расскажу и о его следующих угрозах, и вообще о посланниках любавичского ребе. Всё помнится, времена – в постоянстве, как было в еврейском Храме.

Подумать только, сколько городов, крепостей, синагог и храмов стерто с лица земли, сколько народов, населявших планету, и стран, существовавших на ней, сгнуло, исчезло, растворилось за двадцать веков. А еврейский народ жив. И жива его история. Ее читают, изучают, познают – чем создают постоянство.

Собственно, постоянство – это не застой. Борьба – тоже категория постоянная.

В этом году я, счастливый, стал лауреатом премии Нижнего Новгорода в номинации «публицистика». Что сказать, это приятно. Это, скажем так, сверкающая вершина айсберга. Но что находится под водой – ой... Тайно, тихо, без газет, телевидения и радио со мной велась борьба.

Вели и вдохновляли интриганскую деятельность так называемые раввины. Давайте один раз и навсегда я скажу: к настоящим раввинам отношусь с огромным уважением. Выучить, понять, научиться толковать Святые книги и комментарии к ним – огромный труд. Человек, всё это проделавший, не будет вести себя разнузданно, позориться перед другими евреями, нечестно оценивать чью-то работу. Но не каждый человек, называемый раввином, им в действительности является. А недоучки... От них всего можно ждать.

Так вот, так называемые раввины вели себя по отношению ко мне очень некрасиво, проще говоря – интриговали, ставили палки в

колёса, ставили подножки. Сейчас такое поведение объясняется просто: неквалифицированные люди. А тогда, двадцать с лишним лет назад, понять эту причину было для нас делом невозможным: рассказы дедов, которые мы помнили, да и просто генетическая память бережно хранили НАСТОЯЩИЙ образ раввина. Поэтому шок от их поведения был силён вдвойне.

Несовместимость мысленного представления, иллюзий и реальных действий, все это вводило меня в прострацию, ибо невозможно было достичь какого-то духовного равновесия. В сознании происходила душевная ломка, наподобие того, что испытывают наркоманы.

Взрослый ты вроде человек, Лёня Грузман, а ведь какое-о время жил иллюзией, что Нижний, слава Богу, удостоен приезда РАВВИНА и что общественная организация, руководимая им, будет вести свою деятельность, приобщая нас к духовному, к божественному.

Но всё оказалось банально просто: организовывались какие-то тусовки, все сборища фотографировались, и с этими «документальными доказательствами» еврейские Тартюфы таскались по стабильным еврейским общинам мира, собирая, якобы для нас, деньги, которые самым наглым образом присваивали. Несчастные евреи, родившиеся в СССР, превращались в кипатые фотомодели, позирующие перед камерой с затравленными – коммунистами, конечно! – лицами. И я, увы, оказался среди тех, кого судьба-злодейка запихнула в грязные лапы Раскина.

За период перемешивания всех времен, перестроечные годы в России, этот самый как бы раввин побывал в Нижнем Новгороде где-то шесть раз. И не забыл протыриться на приём к губернатору, Борису Немцову, предварительно раскрутив своё «благочестие» до небес. Что он у того выклянчил – остается только догадываться.

Представьте себе картину. 1992 год. Наш главрав вдруг появляется в городе с большим шумом. Он сидит за рулём чёрной «Волги», на заднем сиденье – всё те же девы-секретарши. А за ними, разбрызгивая грязь, тащится мини-автобус, так называемый «рафик-буханка». При ближайшем рассмотрении выяснилось, что внутри него смонтирована передвижная типография, работающая на стационарном электроагрегате, на основе двигателя УД-2.

Главный раввин России, Берл Лазар, учит сейчас паству: если тебе что-то поручил раввин – ты должен обрадоваться и сделать. Собственно, это более оптимистическая версия известного правила: «Приказ начальника – закон для подчиненного». Вот так!

И получил я приказ: в течение двух часов привести в синагогу телеоператоров с режиссерами, радиокорреспондентов, всех, каких найду, журналистов городских газет и журналов. Пусть запечатлеют, как он, мудрый раввин Иегошуа Раскин, наполняет духовное пространство города особыми прекрасными деяниями, значительно повышая уровень просвещенности евреев в городе. Он переиздаст в передвижной типографии несколько тысяч экземпляров книги Тания, которая является базовой для хасидов.

Ну, тем, кто в иудаизме не силён или вовсе к нему никакого отношения не имеет, он растолкует: эту книгу можно определить как наставление по психологии человека, изучающего Тору. Тора? А это, как его, Пятикнижие Моисеево, вы запишите-запишите. Человек изучает Тору и живет жизнью еврейской общины.

Реально книга была написана первым Любавичским ребе для своих последователей, которые и до сих пор, в новые времена, тоже изучают этот труд. Но нам, в «клихие девяностые», для числящейся на бумаге еврейской общины, было объявлено, что эта важнейшая книга станет нам доступной! Громко! Через все средства массовой информации!!! Вот-вот снизойдет на нас высочайшее одухотворение.

Н-да, теперь самое интересное: волшебная книга тиражировалась... на иврите. Из почти 13-ти тысяч евреев города прочитать ивритские письма могли максимум пятнадцать человек. И не факт, что даже им всё будет понятно.

Но какова реклама! Акция, проведенная хабадниками, конечно, была подана с шиком, заснята на десятки фотоаппаратов, записана на видеокамеру. Крупным планом был заснят печатник «священной книги» в обнимку с главным раввином города, великим Изей Раскиным.

Интересно, у кого наш бывший земляк выцыганил деньги на печать книги? Этот человек точно не узнал, что на пропагандистской акции во славу учения старого ребе всё и закончилось. Было отшлѐпано несколько страниц книги, тоже заснято-запечатлено, а потом их выбросили в мусорный ящик. Душа кровью обливается, когда об этом рассказываю!

Части денег «святой» деятель Раскин нашел иное применение: он и его помощники в синагоге сервировали роскошный ужин во славу своего великого деяния. Всё снималось на видеокамеру, то есть составлялся грамотный и эффектный отчет для какой-то организации, в управленческий совет которой входил уроженец города Горького, религиозный человек, проживающий в городе Кирьят-Малахи. Показуха, показуха и еще раз показуха.

В плюс таким Изям можно поставить только одно по-настоящему хорошее деяние: любавичские хасиды вывезли из России в Европу, Америку, Израиль то, что называется «еврейским местечковым духом», притом вместе с «местечками». Пусть историки скажут им спасибо: у них сохранилась возможность изучать дух еврейских местечек Восточной Европы.

Еще раз скажу: времена постоянны. Человек может жить когда угодно и где угодно, но он остается носителем усвоенной от родителей духовности, с ее плюсами и минусами.

Ни образование, ни состоятельность, ни успехи не делают из «местечковера» человека с более широкими взглядами, он остается уверенным, что жить надо только так, как живет он, а тех, кто пытается что-то изменить, может затравить или выжить из своей среды.

Ему и в своей грязной халупке комфортно, а нарушение местечковых порядков – это и есть самый великий грех, подлежащий искоренению.

Что и говорить: «переиздание» книги Тания на иврите в Нижнем Новгороде, конечно же, было супермошенничеством, осуществляемым хитрым местечковым аферистом, априори считающим только себя умным, а всех окружающих – ёлодами и нарами*. Собственно, в тот момент мы такими и оказались: через два месяца мне стало известно, что видеоролик демонстрировался во многих синагогах. С набожных евреев, преисполненных радости за нас, собирались деньги для нас... Словом, как говорит Игорь Губерман: «От шабата до шабата брат обдуривает брата».

* * *

Мошенничество производилось с размахом. На следующий день все средства массовой информации города, проявляя модную политкорректность, громко кричали о «чуде в нижегородской синагоге». Тиражи газет сметались с прилавков, к вечеру посыпались звонки с просьбой допечатать тираж, чтобы люди могли купить, прочитать, отправить близким в другие города эти уникальные вести. Кто на какой фотографии лучше получился, тот десять экземпляров номера газеты для рассылки родне и друзьям покупал. Не набалованы мы были вниманием прессы к себе, а тут – такое уважение...

Душа моя кипела от стыда: пришло запоздалое понимание того, как на нас, честных людях, делаются большие деньги, пылало негодование от откровенного бесстыдства «святых посланников». Но – что произошло, то произошло...

Раскин со своей гоп-компанией находился уже в Казани, поднимая шум в другом регионе, продолжая «издавать» книгу Тания.

Акции – обдури ближнего, а потом, с помощью этого, обдури сотню дальних – с шиком прошли в нескольких городах Поволжья и юга России – Раскин и там числился главным раввином.

В свой последний визит в Нижний Раскин устыдил меня:

– Я как раввин считаю, что десять свитков Торы в твоей синагоге – это очень много. Сейчас я еду как духовный наставник в город Кировоград. Там живут такие же евреи, как вы. Но у них нет ни единого свитка Торы. Так что – отдай мне один свиток: пока я буду там, евреи послушают чтение с настоящего кошерного свитка.

Сейчас я могу смело сказать в свой адрес: я был натурально одурманен этим «цыганским гипнозом».

Раскин вскоре исчез из Нижнего надолго, очень надолго, прихватив с собой один из дорогих нам свитков Торы.

Впрочем, на этом история со свитком не завершилась, она имела продолжение.

* Ёлод – глупый, как дитя. Нар – придурок (*идиш*)..

И вновь я делаю паузу в повествовании.

Из далеких девяностых возвращаюсь в сегодняшний день. На календаре – ноябрь 2018 года. Очень сильно волнуют меня вопросы, которые здесь освещаю, потому, наверное, тяжело и медленно пишется эта тетрадь. Начал трудиться еще 25 сентября – и пишу-чёркаю-выправляю по сей день.

Надеюсь, что с помощью Творца в ближайшие дни ее завершу.

Хочу проинформировать читателя, каково же оно, положение дел в России с печально известным «еврейским вопросом», что слышно на данный момент, на конец первого двадцатилетия двадцать первого века.

Многих – и евреев, и неевреев – беспокоят деяния государственных органов России, которые как-то легко и изящно отказали в продлении въездных виз этим самым посланникам Любавичского ребе. Пока восьмерым.

Всего несколько лет назад взхлёб пропагандировалась хабадская «империя», вместе с ее обер-раввином Берлом Лазаром, которая в длительной склоке одержала сверхпобеду над чёрными (вдвойне!) силами зла. Но вот, уже какому-то посланнику «сил добра» даже срок припаяли (пока условно) по статье «Разжигание межконфессиональной розни». Евреи Западной Европы и Северной Америки в шоке. Идет серьезная волна возмущения: мол, что это за антисемитизм новейший.

На самом деле возмущаться здесь нечем! Думаю, что спустя какое-то время будут проведены аудиторские проверки деятельности Благотворительного фонда Соломон (кстати, возглавляет эту богадельню всё тот же посланник от «Мессии» Изя Раскин – он вновь, почти через двадцать лет, объявился в Москве).

Ох уж этот склизкий Раскин! В 1992 году его «просветительская деятельность» дала неплохую прибыль для его собратьев. Думаю, что и себя он тоже не обделил, так уж у них полагается. В Нью-Йорке, наверное, не меньше двух десятков этих самых «кошерных евреев, рожденных в СССР», и они, как улитки, прилепились к фондам Любавичского ребе. Правда, сам он давно умер, но эта шатия-братия живет-процветает, под лозунгом, корни которого – в Советском Союзе:

РЕБЕ ЖИЛ! РЕБЕ ЖИВ! РЕБЕ БУДЕТ ЖИТЬ!

И как это у хабадников лихо получается – остается только удивляться. Ведь на этот лозунг уповаet свыше трехсот тысяч евреев мира, «учеников ребе»!

Еще предпоследний глава Любавичской общины, рав Йосеф-Ицхок Шнеерсон – тот, который покинул Израиль в знак неприятия сионизма – дал непреложное указание, чтобы его паства непременно плодилась и умножалась, а каждый из его последователей, помимо своего основного занятия, подрабатывал бы в общественной

хабдской организации, оказывающей воздействие на души как евреев, так и неевреев. Впрочем, определенному проценту последователей он предписал и профессиональную религиозную деятельность, которая была обозначена как «посланническая миссия».

В свое время в КГБ называли эту публику «агенты Шнеерсона». Потому что тогда они на просторах СССР действовали нелегально. На окраине советской «колониальной империи», в Самарканде, ими даже была создана подпольная ешива, просуществовавшая до семидесятых годов 20-го века. Вот это да, это были настоящие хабдские хасиды.

Но, выйдя из гонений, уже при последнем ребе, они возжаждали денег. И во имя этого стали вытворять такое, что любой знаменитый фокусник из прославленного цирка сжует рукав фрака от зависти.

Впрочем, неумение вовремя затормозить всегда фраеров губило. Чванство, высокомерие, обман привели к самым неприятным последствиям. Так, в Перми возникло сообщество русских парней, желающих (пока ненасильственным путём) изгнать фарисеев из города. Всегда хочется вступить за наших, но здесь – нет, не могу их поддержать. Единственное что очень не нравится: парни не правы, называя эту публику «фашиствующей сектой». А всё остальное верно: эти посланнички сеют межнациональную ненависть, ненавидя всех, кроме своих. Кому ж такое понравится? Вот интересно: мне за них стыдно, а им – ничуть!

* * *

Возвращаемся к Изе Раскину. С конца 1990 по конец 1992 года он катался по охваченной смутой России – для наработки политических очков, под которые еврейские общины Запада перечисляли вполне реальную денежку на банковские счета. Это была очень неплохо организованная община, на пользу которой мой неприятный земляк трудился в свободное от основной работы время.

Что не мешало ему делать свой бизнес. Он в еврейском местечке Ангельское держал магазин женской одежды. И рассчитывал его хорошо раскрутить за счет доходов от поставленных и заснятых «благотворительных картин», которые демонстрировались настоящим евреям в разных общинах с объявлением сбора средств: «Помогите несчастным, угнетенным, лишенным – кто сколько может!»

Когда почва была уже раскорчевана и первично вспахана, когда технику сбора средств уже отработали, собранное поделили, своих людей в Россию стали направлять, а старавшегося Раскина послали куда подальше.

Так что, ребята из Перми, никакой «сплоченной секты» нет и в помине. Есть псы, грызущиеся за вкусную кость. Никаким уважением, никаким соблюдением Заповедей там и не пахнет. На моих глазах мерзкий сопляк-хабдник, провозгласивший себя раввином города Москвы, публично ударил кулаком по лицу пожилого раввина-посланника, почтенного человека, с седой бородой. При этой сцене

– представьте себе только – присутствовало несколько сот евреев. Это не «фашиствующая секта», а шайка подлых авантюристов, делающих на религии бизнес.

Кстати, чтобы отогнать своего собрата от пирога, «американская группировка» из общественной организации, которую я условно назову «Хамы», вспомнила ка-а-аждый Изин грешок. Ему предъявили обвинение в том, что, работая в России, он вел себя аморально, опозорив и дискредитировав их великую просветительскую организацию любовной связью с секретаршей Мирьям.

Дело и впрямь было чрезвычайно некрасивое, людям пришлось просить прощения у тогда еще живого-бодрого последнего Любавичского ребе за невыразимо позорное поведение своего, так сказать, коллеги. Тот решил, что ему всё позволено, и возжелал развестись с женой Ривой, уже родившей ему шестерых детей. На момент его – Иегошуа Раскина – шашней с соплюхой, русской девкой Рива была беременна в седьмой раз... Это не могло не возмутить раввинов и простых евреев! Лидеры из резиденции хабадского движения не поддержали стремления сорокапятилетнего Раскина развестись с благочестивой, благословенной детьми женой. И не дали ему жениться на двадцатилетней курносой девахе, даже с учетом того, что она прошла ортодоксальный гиюр в ХАБАДе.

Вот потому-то Изя и не объявлялся больше в Нижнем; в конце 1992 года он тусовался в Москве, неспешно сдавая дела организации «Хамы» другому деятелю, подвизающемуся в религиозном бизнесе.

* * *

Впрочем, он-то из Нижнего и вообще из России уехал на целых двадцать лет, а последствия его миссии расхлебывать пришлось нам. И мне, в частности.

В мой кабинет в синагоге в один прекрасный день пришла молодая женщина. Сказала, что она еврейка, по фамилии Данилова. Я ее видел в первый раз, она, видимо, свою национальную принадлежность не афишировала.

Сев за стол напротив меня и попытавшись начать рассказ, женщина не совладала с собой и зарыдала.

К тому времени я уже как-то начал понимать, что такие эмоции – дело нередкое. Поэтому просто подал ей стакан воды, переждал накал страстей и участливо спросил:

– Что случилось в вашей жизни? Что привело вас ко мне?

В ответ женщина разразилась страстным монологом:

– Липа, я еврейка! В моем доме много-много лет хранился свиток Торы, который мой дед Иехезкел привез из украинского местечка, в 1933 году, когда их семья, спасаясь от голодомора, как и ваша, наверное, тоже, переехала в Россию, в Нижний Новгород. Дед не отдавал свиток ни в один из молельных домов, так как очень скрытно на еврейские праздники собирал у нас дома десять евреев-

коммунистов – и проводил богослужение. Богослужения проводились до 1956 года, потом дед умер. Мы с мамой спрятали свиток и никому не говорили, что он у нас есть.

– Но когда я узнала, что в город приехал настоящий раввин из-за границы, обратилась к нему, наедине, и рассказала о дедовом свитке. Он сказал, что придёт ко мне домой и посмотрит свиток. Если тот в порядке, он заберёт его в святой город Иерусалим, в Израиль. После того как свиток будет определен в какое-то соответствующее место, он – Иегошуа Раскин – пришлет мне еврейские доллары. В размере от двадцати, а то и поболее, тысяч долларов. Но вот прошел уже год, а от раввина никаких вестей.

– И вот, я решила обратиться к вам, реб Липа, чтобы вы получили у Раскина доллары и передали мне. Потому что он больше не приезжает в родной город – и вообще ходит слух, что уезжает из России навсегда, а вместо него будет работать другой раввин...

Вскоре, когда пришлось поехать в Москву, ко всем делам, которые мне нужно было сделать в столице, добавилось еще одно: отобрать у Раскина свиток Торы семьи Даниловых и потребовать обратно тот свиток, который аферист-раввин забрал из Нижегородской синагоги – якобы для братьев-евреев города Кировограда.

Встреча состоялась в офисе. Раскин изображал радость и веселье, облобызал меня, произнес хвалебную речь, восхищаясь моими деяниями: мол, Липа Грузман, без корней и связей с израильским ХАБАДом, сумел организовать в Нижнем отдел ХАБАДа.

Под комплименты этого ряженого под раввина проходимца, я задал Изе прямой вопрос: как он собирается рассчитывать с еврейкой Даниловой за полученный от нее свиток Торы и когда вернет в нижегородскую синагогу тот свиток, который тогда уволок «для чтения с оригинала» кировоградской общине?

Рожа у Раскина поникла, по ней пронесся испуг, а потом проступила неприкрытая озлобленность – и из перекошенной его морды в пространство офиса и, соответственно, в уши Творца понесли слова:

– Если ты про свитки, которые я увез из Нижнего, будешь еще спрашивать и вообще кому-нибудь расскажешь об этом, то я, Изя Раскин, не пожалею тысячи долларов заплатить мафии, чтобы тебя убили...

Это был удар молнии в мою душу!

Сработали инстинкты, приобретенные в юности: ладонь правой руки сжалась в тяжелый кулак. Еще мгновение – и я нанесу удар в висок, прямо под раввинской шляпой.

О! Чудо! Невиданная сила, как в случае жертвоприношения Ицхака, остановила мой громящий кулак.

Слава Тебе, Творец, что двадцать пять лет назад и еще много-много раз Ты, своим невидимым велением, не позволял мне поднять свою тяжелую руку и ударить нечестивцев, которые, прикрываясь светлым Твоим именем, творят дела несправедные!

Попросту плюнул и ушел из офиса.

То, что Раскин – аферист, знают многие, но открыто написать и рассказать об этом проходимце не могут. Видимо, рабство, засевшее в душах людей еще со времен Древнего Египта, живет и побеждает. Поэтому рав Раскин, проходимец в черной шляпе, теперь опять «шаманствует» в Москве. Ему уже исполнилось семьдесят, с виду – такой благочестивый дедушка-раввин. Купается в лучах славы посланника Любавичского ребе. Потому что многие из тех, кто его окружает, сами редкие проходимцы.

* * *

Ну вот и написана моя очередная «Еврейская тетрадь». Рука моя нашла способ нанести удар в мерзкую рожу проходимца, действующего в религиозном «бизнесе».

Избави меня Творец от таких заработков и от людей, имеющих такой промысел. Кроме плевков в людские души, ничего от них не дожидаться.

И дай Господь силы тем моим друзьям – раввинам от ХАБАДа, которые несут свет и творят добро! Их мало, очень мало, но они есть.

И да будет благословенна память ушедших в вечность: рава Элиягу Гершковича, реб Аврума Генина, реб Гече Виленского, реб Мотла Лифшица и многих других...

Анатолий Белкин

ШАНА ТОВА

Вдруг телефон звонит в ночи
С окна,
И чей-то голос мне кричит:
«Шана...»

Речь далека, она слышна
Едва;
Я разбираю лишь: «Шана
Това...»

Откуда был, мне не понять,
Звонок,
И что ещё он мне сказать
Не смог?

Но долька яблока я в мёд
Макну –
Пусть подойдёт тот, кто поймёт,
К окну.

Шана това уметука! –
И всё.
Жизнь коротка, словно строка
Басё.

* * *

Дорожка жизненных ступеней
Из пункта А до пункта Б...
Побед? Иль, может, поражений?
Но в лабиринте отражений
Их цепь волшебных изменений
Известна лишь одной Судьбе.

Вдруг замыкается контакт,
Переменив Судьбы полярность,
Кто был талант – теперь бездарность,
В шик превращается вульгарность
И небылицей станет факт.

Судьба – безжалостный судья,
Она не знает сожалений,
Но хуже прочих откровений –
Что среди всех твоих свершений
Нет ни побед, ни поражений,
А только битая ничья.

ВЕНЕЦИЯ

Памяти И. Бродского

Облака обретают отточенность,
Отражаясь в стоячей воде;
Наших странных судеб приуроченность
Замыкается в слове «нигде».

На причуды такой географии
Невозможно списать и забыть
Лапидарность любой эпитафии,
И тире, словно тонкую нить,
Протянувшуюся между датами,
Неподвижными, словно столбы,
Устремлёнными в вечность цитатами
Из прочитанной книги судьбы.

Лишь канцоны звучат отголосками,
Да гондола, как плуг водяной,
Нарезает каналы полосками,
И дворец, как немой часовой,
Молчаливо вздыхает над бездною,
Застегнув отвороты окна,
Да ограда, ажурно-железная,
Как на кладбище ночью, черна.

* * *

«Внуково» закрыто облаками,
«Боинг», отыскавши в них проём,
Вдруг туда ныряет вместе с нами
И как будто зависает в нём,
И, ослепнув в грязно-серой каше,
Мы глядим в поблекшее окно,
И тревожны ощущенья наши,
А других, к несчастью, не дано;
Но, проткнувши облачную вату,
Самолёт выныривает в свет –
До земли ещё далековато
И причин для опасений нет.
Как типичен этот частный случай,
Как обыден жизненный обман –
Горизонт затянут мутной тучей,
А в иллюминаторе туман;
Только в жизни всё совсем не гладко:
Нет пилота – думай головой...
Ладно, «Боинг», впереди посадка.
Как-нибудь провьёмся. Не впервой.

РУКОПОЖАТЬЕ САТАНЫ

Рукопожатье Сатаны
я ощутил сегодня днём,
Незванным гостем он пришёл
в гостеприимный шумный дом,
Принёс бутылку коньяка
для украшения стола,
Была рука его легка,
его печаль была светла;
Пленили в нём и глубина,
и обходительность манер,
Он покори́л всех наших дам,
как настоящий кавалер,
Он говорил за тостом тост,
казалось, зная всех давно,
Неотразим, как Д'Артаньян,
изыскан, словно Сирано;
Он извергался, как вулкан,
он изливался, как фонтан,
Не отпуская, как капкан,
окутывая, как дурман.
Любой из нас его приход
воспринял, словно тайный знак,
И душу продал бы ему,
и даже отдал бы за так,
Чтоб только он не уходил,
чтобы остался среди нас,
Чтобы продлить чудесный день
и отдалить разлуки час.
Но он простился и ушёл,
и предложения отверг,
И лишь с улыбкой обещал
вернуться как-нибудь в четверг...
И новый облик Сатаны
стал откровеньем для меня,
И с той поры горит в душе
частица странного огня,
И ожидание чудес
туманит кровь по четвергам,
И всё труднее мне теперь
смотреть в глаза моим богам.

ОТРАЖЁННЫЙ МИР

Воздух предутренный прян и тих,
Ветер смолк, оробев;
Мир, отражённый в глазах моих,
Существует сам по себе.

Где-то в кустах затаился страх,

Тени глядят в окно;

Мир, отражённый в моих глазах,

Разглядеть, увы, не дано.

Жизнь вынуждает идти на рожон –

Дело, видимо, в том –

Мир, что в глазах моих отражён,

Соблазнителен, как фантом.

Он не отдаст нам себя всего,

Словно оксюморон,

Я, отражённый в глазах его,

Столь же реален, как он.

* * *

Памяти моего друга А.Б.

Порою мы твердим: жизнь хороша,
Не думая о том, что это значит;
Жизнь хороша – не может быть иначе,
Когда живёшь, волнуясь и спеша;
Жизнь хороша – мы боремся, живём,
Штурмуем развлеченья и задачи,
А дни несут добычу и удачи,
Сулят приобретенья день за днём.

Стареем мы, косую сажень плеч
Обуздывают мелкие невзгоды,
И хоть летят стремительнее годы,
Жизнь начинает медленнее течь.
И, перестроясь на минорный лад,
Поймёт любой, тупица или гений,
Что наша жизнь – не цепь приобретений,
Она, скорее, чередает утрат.

Не удержать утраченных друзей
И не восполнить обретеньем свежим:
С годами обретаем мы всё реже,
А вот теряем чаще. И больней.
Друзья уходят, все до одного...
Что их держать – мы им даём свободу,
И на дорогу, словно бутерброды,
Кусочки сердца режем своего.

Ирина Витковская

ПРО ВАРЕНЬЕ

Из цикла «Мы, как они есть»

В 1975 году мне было семнадцать лет. Мы с папой в тот год путешествовали по Крыму на автомобиле. Незабываемо. Но две короткие недели промчались, как сладкий сон, и надо было возвращаться домой.

Наш пыльный, крашеный веником, гремящий всеми частями тела «Москвич» трюхал по пыльному шоссе уже почти в ста километрах от дома, когда папин зоркий глаз выхватил как-то кривовато съехавшую на обочину небесно-голубую машинку и людей, копошащихся около неё.

Кодекс советского автомобилиста предписывал немедленно остановиться и оказать помощь. Что мы и сделали – съехали с дороги и притормозили чуть поодаль от терпящих бедствие.

– «Жигули» третьей модели, – завистливо вздохнул папа, опознав чудо отечественного автопрома, и мы быстрым шагом почпали узнавать, что случилось.

Людей оказалось четверо: глава семейства курил в сторонке с непроницаемым лицом, девочка моего возраста стояла чуть правее и смотрела в сторону луга, обрамлённого пышными кустами с жёлтой тропинкой сбоку, спускающейся к речке.

По склону, ведущему вниз, бежал, подпрыгивая, кружась, мальчишка-подросток лет одиннадцати; он задирает голову к небу, что-то восторженно кричал, размахивая руками...

Устал в машине, видимо. За открытой передней пассажирской дверью угадывалось какое-то копошение; женская рука выбросила на обочину резиновый коврик.

– Здравствуй, – в спину девочке произнесла я. – Я – Ирина.

Девочка оглянулась.

Она оказалась такой красивой, что мне немедленно захотелось причесаться. Тёмные волосы, высоко забранные в конский хвост, чудесные синие глаза, чуть подтянутые жёстко схваченными волосами к вискам, маленький улыбчивый рот с мило вырезанной верхней губой...

– А я – Лена, – немедленно откликнулась она.

Рот приоткрылся в улыбке, и показались сахарные зубки, не идеально ровные, а немного «толкающиеся» друг с другом, словно им было тесновато. Но от этого девочка выглядела ещё милее.

Между тем над дверью показалась голова мамы. Она сделала шаг вправо, распрямила затёкшую спину и на пару секунд застыла перед нами во всей красе.

Вот это было нечто! Это была Джина Лоллобриджида и Лолита Торрес одновременно! Яркие, удивительные, фиалковые глаза, капризно изогнутый рот, от которого глаз оторвать невозможно, тёмные короткие кудри, растрёпанные, буйные, вольные, и в то же время как-то очень правильно обрамляющие голову, идеальный овал лица, нежная родинка на щеке...

Из-за капота машины было видно только верхнюю часть её тела – ловко схваченную сарафаном тонкую талию, высокую гордую шею, обрамлённую какой-то шлейкой, поддерживающей сарафан...

Звезда итальянского кино.

Я перевела взгляд на девочку. Та была выше ростом, крупнее, выглядела попроще.

Лена с улыбкой наблюдала за моей реакцией – привыкла, видимо.

Женщина, тем временем, бросив на нас сердитый взгляд и не ответив на моё робкое «драсс...», вновь исчезла за дверью.

Папы курили в сторонке, о чём-то переговариваясь.

– Так что случилось-то? – спросила я, – плохо стало в дороге? Тошнило кого-нибудь?

– Да нет, – сказала Лена, понизив голос, – это мама варенье разлила.

Между тем по мере того, как удалялся или приближался к нам бегающий мальчик, стало слышно обрывочно слова, которые он радостно кричал в небо: «Господи... спасибо тебе... хорошо-то как... счастье какое, боже мой...»

И это было странно.

– А этот тогда чего радуется?

– Серёжка? Ну, как тебе объяснить... Понимаешь, у нас мама... такая очень... ну, практичная, что ли. Ей из любой ситуации надо извлечь максимум. Вот, например, она не может просто в лес поехать гулять и насладиться, ей обязательно оттуда что-то унести надо. Грибы, ягоды, само собой, а если нет ничего – лист лесной малины, иван-чай, хоть шишки для дачного самовара. Мы когда только на лесную дорогу сворачиваем, она сразу про всё забывает. Такое впечатление, что грибы, например, уже под землёй видит, когда они ещё и не проросли даже. Вот едем, быстро, а она: «Вадик! Стой! Гриб! Гриб!» И точно. Гриб!

– Но сейчас же вы не из леса едете?

– Не из леса. Мы сейчас в Крыму отдыхали, у дяди Лёни. Мама варенье весь отдых варила, мы и сахар специально с собой везли. Там абрикосы бесплатные, в Лёнином саду. Все купаются,

в горы ходят, а она варит. Ну, и злится, конечно. Наварит – три или четыре полиэтиленовых мешка друг в друга – разольёт по ним варенье, и мы потом везём... Завязывать их нельзя, варенье может забродить. Поэтому мы всю дорогу едем как истуканы – между ног у каждого мешок с вареньем, два ещё – между нами с Серёжкой на заднем сиденье, специально укреплённые. И три – у неё, на переднем: один между ног, и по одному за правой и за левой ногой.

Я попыталась представить картину размещения мешков с вареньем. Получилось плохо.

– Ну?

– Вот и ну. Не знаю, что уж там случилось, заснула, может... Хотя вряд ли. Папа-то точно не виноват, он уже насобачился плавно и быстро ездить, чтоб не колыхало... Короче, как-то дёрнулась она, и одно за другим – варенье всё – бряк на пол... И сидит по колено в варенье. А закричала когда, то мне показалось, что «Скорая помощь» с сиреной за нами едет...

Помолчали. Надо было переварить сказанное.

– Ну... а брат-то чего радуется? – мне почему-то надо было выяснять всё до конца.

– А ты послушай, что он кричит, – предложила Лена.

Мы опять замолчали. Я прислушалась. Порыв ветра донёс очередной сумасшедший крик:

– Госсподи! Гос-с-споди! Благодарю тебя, Боже мой! Спасибо тебе! Что это не я! Как хорошо, что этот не я-а-а-а!.. Господи-и-и!

Всё стало ясно. И мы поехали дальше.

Но весь оставшийся путь перед глазами стоял маленький живой самолёт, кружащийся на зелёном лугу с раскинутыми руками, радостным криком благодарящий небо.

За то, что не он опрокинул варенье.

ПРО...

Ну, наконец-то мы...

Сначала был Ростовский – обычный, грязный, бестолковый поезд южного направления: какие-то бабки с мешками, помидоры-яйца, оборванные газеты, крупная соль в спичечном коробке, раздражённое: «Хр-р-ржданин, можно в другую сторону ноги свесить?»

Голь-моголь из нашего средне- и южнорусского говора, разгорячённых тел, съехавших с полок засалено-полосатых матрасов, младенческого плача и поездных запахов – сами знаете каких, описывать не буду.

А потом уже из Ростова – «Москва – Ереван», и прямо до места назначения, города Сухуми, куда мы с мужем и пятилетним Серёжей ехали «на море», отдыхать.

Вот здесь всё было удивительно. Нет, грязь и пыль в плацкартном вагоне были такими же, как бы ещё не похуже, но...

Начнём с того, что на весь вагон были только три блондинистые головы – моя, Игоря и Серёжина.

Остальные – жуковая смоль. Гортанная быстрая речь. Толстые тётки с пухлыми руками в перстнях, в тяжёлых серёжках с красными камнями – улыбчивые, ласковые, а мужчины, наоборот, поджарые, резкие.

У меня до сих пор впечатление, что все женщины в вагоне были армянской национальности, а мужчины – грузинской.

Серёжа только успевал головой вертеть.

И пахло здесь совсем по-другому – пряными травами, кинзой, орехами.

Баклажанной икрой.

Толстый лаваш лежал на столах вместо хлеба.

Гортанное многоголосье сливалось в какую-то странную музыку, приятную для уха. Все в вагоне были уже знакомы – видимо, ехали прямо от Москвы, а не то, что мы – на перекладных.

Мы занимали три полки в плацкартном купе, одна верхняя была свободна.

На боковушке двое решали кроссворд из «Огонька».

Это было по-настоящему смешно, мы с Игорем еле сдерживали хохот, потому что «разгадыватели» были нетерпеливы, горячились, переругивались, и, в конечном итоге, все ответы подогнали, пренебрегая правописанием, удваивая буквы, где их не хватало.

Я сожалею только о том, что не захватила с собой этот журнал, который попросила «почитать», потому что в кроссворде были сплошные перлы...

Проводник понёс чай.

Он делал это совсем не так, как в Ростовском поезде: сначала раздал пустые стаканы, а потом явился разливать.

Для чайной церемонии он специально нарядился в белую куртку, и она странно контрастировала с огромным, алюминиевым, дико закопчённым чайником, где всё уже оказалось заварено. Было трудно отделаться от мысли, что чайник кипятился на костре, разведённом где-то там у них в проводничкой.

...А потом в вагон сел тот парень.

На боковую нижнюю полку, недалеко от нас.

Конечно, грузин.

Кепка, усы – всё как положено. Сел – и сразу развил бурную деятельность.

Он выскакивал на станциях заносить вещи вновь прибывшим, бегал за чаем и сигаретами для соседей, подбрасывал на колених чьего-то малыша, когда матери надо было отлучиться.

– Костёр в заднице, – тихо произнёс муж, когда парень очередной раз мелькнул по коридору.

Вечером он ухитрился поссориться с кем-то не из нашего вагона и выяснял отношения в рабочем тамбуре; а я, выйдя в туалет, с опаской слушала про «кынжал», который у него всегда при себе, который он готов пустить в ход, когда «спра-авэдливість нужна».

Вечером он уgomонился и лёг, а ночью рыцарски уступил своё нижнее место вошедшей женщине, и прямо в носках, оставив туфли на прежнем месте, явился к нам и занял свободную верхнюю полку.

Утром он готов был служить уже нам.

– Эй, брат, принеси ботинки! – крикнул он, вертанувшись на полке в другую сторону и сунув голову в коридорное пространство.

Непонятно, кому конкретно адресовалось послание, но какой-то «брат» немедленно ботинки принёс. В ботинках он вышел на ближайшей станции и купил арбуз, которым угощал нас и особенно настойчиво Серёжу, умиленно глядя, как тот вгрызается в ароматный полумесяц, а потом водил его мыть лицо и руки.

Настало время обеда.

Работники ресторана понесли металлические судки, гремя многоэтажной подставкой и распространяя по вагону терпкий запах распаренного харчо, жареного лука, перегоревшего томата и бог знает чего ещё...

Парень харчо брать не стал, а взял азу по-татарски с варёным рисом, сел рядом с Игорем за столом и открыл крышку.

Напротив сидели мы с Серёжей.

Остро запахло томатом и солёными огурцами.

Парень начал есть. Серёжа провожал напряжённым взглядом каждый кусок мяса, исчезающий за шевелящимися усами.

Что делать?

Я ёрзала от неудобства ситуации...

Ни увести, ни отвлечь ребёнка было невозможно.

На третьем куске наш сосед поднял глаза от миски и, подвинув её к Серёже, ласково спросил: «Хочэшь?»

Тут Серёжа перевёл взгляд с парня на меня и спросил своим ясным хрустальным голоском:

– Мама... Это – чурка?

Показалось мне, или на самом деле в вагоне настала звенящая тишина?

О боги мои, опустите бархатный занавес над этой постыдной сценой!

Никогда, слышите, никогда, клянусь вам, не было в нашем семейном лексиконе этого слова!

Никогда я не чувствовала себя такой тварью и идиоткой одновременно! В голове обрывочно летали мысли про «кынжал» и высадку на стоп-кране посередине нагретой зноем степи.

И это было бы «спра-авэдливо».

Видимо, всё это хорошо читалось на моём мучительно напряжённом лице с полузакрытыми глазами.

Знаете, что сделал парень?

Он протянул свою смуглую большую руку через стол и потрещал моего сына по белобрысым кудрям:

– Ничего, – сказал он. – Малёнький ещё...

Вагон привычно зашумел, и мы поехали дальше.

ЛОВЛЯ СОЛНЦА

когда уходит день, два рыбака
закидывают леску в облака,
они точны, движения их ловки,
ведь ловля солнца требует сноровки...
а я смотрю, как тихо гаснет день,
дрожит дорожка солнца на воде.
и остро проникает в сердце жалость
и к солнцу, если б вдруг оно поймалось,
и к миру, и к летящим летним дням,
и к нам...

В ПЕРЕХОДЕ

что ты с лампой здесь ищешь, Господь,
в переходе на зимнее время?
истончается вешняя плоть,
цепенеет озимое семя...
поднимается в небо вода,
чтобы выпасть серебряным снегом.
здесь уходят в себя без следа,
чтоб в себе отыскать человека,
словно свет, что нисходит с небес
даже в зябкую раннюю темень.
только им и спасаются здесь –
в переходе на зимнее время.

* * *

смерть наливает выпить и говорит:
что ты всё смотришь в небо?
ищи внутри.
что ты там видишь –

в этих странствующих облаках –
степи свои, пустыни, реки, восход, закат?
если в тебе всё это – вместе и тьма, и свет,
небо – оно пустое, кто там твой слышит бред...
кажется, будто за ночь вырос и стал другим
и ничего не видишь больше в себе, ни зги?
словно перешагнул ты горы своих надежд,
так вырастают дети разом из всех одежд,
так же у перепутья кто-то не зрит пути
и начинает снова небо в себе растить.

* * *

Горчит в гортани, словно я пила
тягучий яд – цедила и глотала,
смотрела нежно в злые зеркала
и, в каждой жизни с самого начала
сроднившись с болью, думала, живу.
Жар от недуга слепо принимая
за страсть и страх, держалась на плаву,
несломленная бедами, немая,
лишь тем и наслаждаясь, что жива,
когда и мёд, как яд, горчит в гортани...

А я всего-то комкаю слова,
и некому сказать их,
и глотаю.

СИНИЧЬЕ

Душа испуганной синицей
была готова упорхнуть,
когда я первый день в больнице
перемогала – как-нибудь...
А жизнь восторженно цеплялась
за вид заснеженный в окне,
заката медленную алость,
след самолёта в вышине.

Всё ей по нраву было, даже –
больничный скудный рацион.
И лабиринт многоэтажный,
как повторяющийся сон.
И чьи-то скомканные взгляды
с безликой схожестью в беде.
И этот выпавший из ряда
непрекращающийся день...

И страх тоски потусторонней,
как шаг по лезвию ножа.
И даже то, что в телефоне
твой зыбкий голос не дрожал
в разноголосице звенящей
других, не ведающих, как
в душе, встревожено неспящей,
горчит неспетая строка...

ЗА ПОВОРОТОМ

Посмотри: вон там, за поворотом,
где ещё, мне кажется, вчера
лето на подсобные работы
нанимало с раннего утра
голенастых девочек смешливых –
там сейчас подсолнухи в цвету...
Поезд проезжает торопливо
станцию, где я ещё расту,
вслед машу не поезду, а будто
я себе самой в его окне.
Нынче нет стоянки и минутной,
чтоб успеть сойти в прошедшем дне,
где пока беспечна нежность мая,
и за день проходит целый век,
где ещё строкой ночной не маясь,
я тянусь травинкою на свет...

Будто бы и не было в помине
ни меня в той солнечной стране,
ни страны, где песня душу вынет:
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?

ВОКЗАЛ

Здесь всё, как раньше,
небо, рельсы, шпалы,
и вдоль дороги строим – тополя.
Но возле обветшавшего вокзала
травой заросла давно земля.
Куда-то вдаль умчались паровозы
извивами заброшенных путей,
но, кажется,
вернуться им не поздно
в мир повзрослевших
сказок и детей...

Вот-вот, гляди, горячий
поезд хлебный
за поворотом выкрикнет
«ту-ту!»
и дымом перепачканное небо
испуганно
отпрянет в высоту.

КАРАМЕЛЬКА

Не угнаться за памятью, как она резво ведёт
по своим закоулкам, секретикам, лазам и схранам.
Что там, в прошлом, ищу я, быть может, на сладкое – мёд
и немного тепла, припадая к окошку в вагонном
неуде, пропахшем дорожной едой и бедой?
Почему-то всегда я в поездке, как будто наощупь,
пробираюсь к себе за живую целебной водой,
или мёртвой, которая, впрочем, и легче, и проще
достаётся со дна. А живую найти всё трудней.
Где-то там, в неистраченной жизни, неузнанный кто-то
карамельку протянет с налипшей махоркою мне.
И шершавой рукою горячие слёзы утрёт он.

ПОЕЗД

Как много в сутках километров,
когда летит без остановок
твой поезд, полный снов и ветра...
В нём каждый шаг к себе неловок.
Как быстро тихий полустанок
уносит вдаль во тьму разлуки.
Из колокольчиков-стаканов
ночь пьёт настоянные звуки.
И вглубь забытых интонаций,
как в детство, падаешь монетой...
И светлячки летящих станций
спешат вослед, срываясь с веток.

НЕМОТА

Сесть в поезд. Долго ехать. Отрешённо
смотреть в окно, не видя ничего,
как смотрит вглубь себя умалишённый,
себя не понимая самого...

Ночной плацкарт. Все спят, а ты над строчкой
измаявшись, глядишь в глухую ночь,
из тьмы своей бездонной и бессрочной
извлечь занозу жгучую невмочь.

Как будто яркой бабочкой лиловой,
запутавшись в невидимых силках,
трепещется ненайденное слово,
и без него пуста твоя строка.

Петра Калугина

СПИЧКИ

Жжёные спички на потолке подъезда.
Кто-то здесь был до меня, вглядывался в бездну,
проявлял любопытство к смерти:
плевал в колодец
и считал, как долго летит плевок.
А когда внизу появлялись люди –
Делал шажок назад, втягивал внутрь слюни.
Был головокружительно одинок.
Определял по шапкам: Марь-Санна из двадцать третьей,
Тихий алкаш с девятого, Иннокентий.
Ленка Петрова и лайка ее – Маркиз...
Ходят по дну заплёванной серой смерти.
Давят на кнопку – и лифт громыхает вниз.
Вышел в открытый космос – сделался невесомым
Ключ, что висел на шее, – и, значит, до полвосьмого
Полировать перила да вслушиваться в шаги.
Никому доподлинно не известно –
Как попадают спички на потолок подъезда?
Против какой, ссутулясь, бредут пурги?
Никому... но всё-таки интересно:
Если долго смотреть – или что-нибудь кинуть – в бездну,
То по бездне пойдут круги?

* * *

Покрыты плесенью печали,
Зернистой изморозью грусти,
Лежали паданцы, дичали,
Сгнивали заживо, и пусть их.
В боярских зарослях крапивы,
Такой матёрой, бородатой,
Лежали груши или сливы,
Плодами бывшие когда-то.
Темнели белые наливывы
В чаду размеренного тленья,
Неприкасаемо червивы –
Ни на компот, ни для варенья.
Добыча ос, и мух, и прочих
Насельников большого сада,
Служителей, чернорабочих,
Специалистов по распаду
Органики. Двойных агентов,
Так сноровисто-хлопотливо
Снующих между тьмой и светом
И между стеблями крапивы.

ПОДОЖДИ-КА

Дождь пытается что-то сказать.
Я боюсь, что вот-вот пойму
и уже не смогу назад
отыграть, и тогда к нему
поневоле придётся мне
прислушиваться вот так
до скончания дней, и не
абстрагироваться никак
мне тогда уж наверняка
от знания языка.

От незнания языка.

Потому что, как только вник
в законный дождя бубнёж,
ты навеки его двойник,
человек, но как будто дождь.
Но как будто идёшь, стоишь
перед входом в любую речь,
а стекло между вами – лишь
только повод струиться, течь,
разветвляясь, дрожа слегка,
каплями языка.

Словно кто-то бессловно грезит,
продвигаясь по кромке фразы,
интонациями в разрезе
окропляя мой слух и разум.
«Подожди-ка», – скажу уму.
Только слухом тебя пойму.

* * *

Помнишь, как были стрижами,
Рыли пещеры в песке,
Рядом бездумно лежали,
Слушали плёс вдалеке.

Словно куда-то летели,
Или куда-то текли,
Как в перевёрнутом теле-
скопе, на донце Земли.

В вогнутой линзе июля,
В выпуклом знобком теньке,
Даже не то чтоб уснули,
Просто ушли налегке.

Цвиркнув, стремительно взмыли
В пёстрое небо стрижей.
Помнишь, душа моя, или
Не вспоминаешь уже?

* * *

Жизнь – коса в океане смерти,
переходишь ее всегда
поперёк,
в самом узком месте,
даже если дожил до ста.
Переходишь ее поперёк,
одинок...
Не вперёд, не назад – бочком,
крабиком-паучком
на тонюсеньких цепких ножках,
переносишь себя туда,
где вода, казалось бы, точно та
же
самая,
да совсем не та,
и от мысли о ней тревожно.
Только в мыслях этих – какой резон?
Ведь коса ныряет за горизонт.
(И тебе, и тебе туда же!)
Бесконечно-долгая полоса...
На неё ты смотришь во все глаза,
проходя свой кусочек пляжа.

* * *

Вечерние скопленья окон
О чём-то взгляду говорят,
Их блюзовым тягучим соком
Привычно лакомится взгляд –
Бездумно, вряд ли замечая,
Что сам становится теплей.
Узнать бы, что его смягчает
В случайной формуле огней?
Что в этом, собственно, такого –
Там погасили, тут зажгли,
Зажгли и погасили снова...
Так единицы и нули
Стекают вниз по монитору,
Шифруя тайну бытия.
Тебя притягивает город,
Как муравейник – муравья,
Как ноздреватый сыр уюта –
Озябшую полёвку-мышь.
«Смотри – луна! Скорей: салюты!»
И ты – бежишь.

СОБАКА ЛАЕТ

Собака лает, ветер носит –
Собаку с будкой, листья, осень,
Клочки растрепанного дыма,
Они моя картина мира.
Летит моя картина мимо,
Меняясь неостановимо.

Собака лаять перестала,
И тут же ветренее стало.
Всё в мире связано незримо –
То облако с повадкой мима
И то, с котомкой пилигрима
На кучевых руинах Рима,
И прима с кисточкой для грима.
Всё зыбко, мнимо.

Пёс оторвался – прямо с цепью
По небу мчит, цепляя репья,
И хвост его трубой из дыма
Летит за ним неотделимо.
Всё в этом ветре повторимо,
Что не влекомо, то гонимо,
Растворено – и вновь творимо.
Скажи мне что-нибудь, помимо.

* * *

Я не хочу посмертной славы –
Сказала девочка одна
В очках без стёкол и оправы,
Сама за ними чуть видна,

Лишь краем глаза уловима.
Должно быть, это некий трюк,
Неловкий призрак пантомимы,
Глагол отсутствующих рук,

Взметнувшихся поправить дужки.
(Ха-ха, а дужек-то и нет!)
И машут сквозь неё подружки
Кому-то, чтоб не застил свет.

А он стоит и застит, застит,
Пылинок пляшущих столбец
В косом луче... и вот он гаснет,
Накрытый тенью. Всё, конец.

Татьяна Литвинова

* * *

Предсказуемей все и грустнее
Плыть по темным и светлым водам
Прямо ввысь, в неотступное небо –
Нам его обещали и там,
Там, где мир никому не чужбина,
И времен не сгустился поток,
И прозрачны и пепел, и глина,
И речной залетейский песок.
Там, над жизнью кружа бесконечной,
Птица Феникс перо опалит,
И цикада в кустарнике вечном
Утешенья слагает навзрыд.

* * *

Печали струнные созданья
Плывут полночною рекой.
Мой ангел, упокой страданье ,
Мой ангел, душу упокой.
Ночь – это время для посева
Мурав эдемской стороны.
...Своей небесной одиссеей
Земной проселок осени.
Но ты и сам летишь в печали
Меж звезд щемящих и ветвей,
Но ты печаль мою встречаешь
Печалью, схожею с моей.
И тоже шепчешь мне, мой ангел,
О том, что здесь горчит питье...
Так упокой мое страданье
И небо упокой мое.

* * *

Уже весна наводит резкость
На все знакомые места,
И сыплется скворчинный дребезг
Весь день аллюром три креста,
Слоится воздух в мелкий рубчик
Над легкой хрипотцой сорок.
...На светозвуковой толкучке
Сдвигаю прозрачный бегунок.

* * *

В начале черемух, а может, в конце
Меняется время внезапно в лице:
Лирический воздух, эпический гул –
Пред завтрашней стылостью школьный прогул.
В начале сирени, а может, потом
Взлетают скворцы то кольцом, то крестом,
И воздуха крепко натянутый шелк
Разорван на промельк, прихлоп и прищелк.
В начале жасминов, а может, не так,
Важнее зачинов степенный овраг,
Где носится шмель, где горит горчицвет,
Где лето ликует без стрелок и лет.
На миг над твоей загорелой скулой
Печалей рассыплется гоночный строй,
И зиждется луч в небесах, за плечом,
И знает, о чем ты, о чем ты, о чем...

* * *

Палый осени свет,
Августейший завет –
Впереди, за спиной –
Охряной, жестяной,
Жесткий, как базилик, –
Повелит-поболит,
И плывет в рукава
Мелких бликов плотва.
Там, где слива ренклюд,
Там, где лоз переплет
Упираются в тишь –
Там и ты полетишь
В разговор золотой
Пополам с немотой...
От руки до ни зги
Всё прозрачней круги.
Там застыл до весны
Позвоночник волны,
И янтарный обол
На фасетках у пчел.
Лета длится исход –
От платанов до вод,
Устремленных во тьму,
В никуда, ни к кому..

* * *

Кто мы – лишь воздух и глина,
Капли разъятой смолы...
Что же поют херувимы
Нам о великой любви?
Что же к нам тянут из дали
Сквозь беззастенчивость стен
Женские пальцы печали
Ангела города Эн?
Что же на душу-паломницу
Не устает уповать
Вся королевская конница,
Вся королевская рать?
Хватит ли вошь и терпенья,
Звезд на застежках плаща,
Чтоб перетягивать в пенье
Вязкость земного плюща?
Хватит ли крыл переплеска
Меж несовместностью сфер
Ангелам города Энска,
Ангелам города Эн?..

* * *

Тонет жизнь, как Атлантида,
Без подпорок и без строп,
Уместив мою планиду
В эти пять вечерних строф.
Разменяв мои планеты,
Тополя и купола
На последнюю монету,
Что без решки и орла.
Многоstopна одиссея
В сокровенный звукоряд.
От тоски до воскресенья
Тверже шаг и цепче взгляд.
Помнишь, как стучало сердце
В семижильную траву,
Косяком несло по свету
Тополиную братву,
Аквилон вращал фасетки
И держался на плаву.
...Жизнь легка, а смерть оседла,
Как молчащий куст по рву.

* * *

И суеты, и тех, кто с нею,
Гремуча кесарева рать.
Но можно на заплатках неба
Летописать и лепетать,
Пока, свиваясь повиликой
По граду или пустырю,
Над жизнью ропщущей и дикой
Уста не вылепят: люблю.
Над жизнью медленной и краткой,
Беглянкой, ласточкой, пчелой...
Пока под левую лопаткой
Летейских вод утишен строй.
Он в плевелах и в злаках дышит.
В кармане гривня – что обол...
И ждущую ладью колышет
Последний волновой глагол...

* * *

«Титаников» заплаканы каюты,
А выйдешь из заплаканных кают –
И стрелы мирового неюта
Тебя насквозь, как яблоко, пробьют.
У человека детские обиды
На грозное число недетских ран.
Судьба с железным локтем Артемиды
Натянет лук и облегчит колчан.
И – беззащитен пред лицом событий,
Пыльцу мгновений превративших в прах,
Аттракционом боговой орбиты
Летает дух, все так же сир и наг...

* * *

И ветер ропщет, и пространство проще,
И привкус металлический зимы
Царапает гортань звезды и рощи,
И мотыльки бьют крылья о холмы.
И ангелы в медлительном полете
Ландшафт обозревают января
И помнят теплоту, не помня плоти...
И мотыльки летят через моря.
За воротник ныряет призрак снега
И холодит ключицы, дни и сны...
Но мотыльки, коснувшиеся неба,
В золовую блажь превращены.

Евгений Ройзман

РЕКИ ВАВИЛОНА

*При реках Вавилона, там сидели мы
и плакали, когда вспоминали о Сионе...*

Псалом 136

Вот реки Вавилона. Здесь сидим.
Евфрат удавом проползает мимо.
О, мой народ,
Зачем я не был с ним
На белых стенах Иерусалима.
Я не погиб...
Проклятый Вавилон,
Безумствуешь...
Ты буен, пьян и весел.
И песен ждешь. Но слышишь только стон.
Мы не поем врагам священных песен.
Мы Иерусалима не забыли.
Нас не сломила горькая утрата.
Так плакали. И наши слезыплыли
По мутным водам желтого Евфрата.

* * *

...И семь свечей, и сладкое вино,
Талмуд и свиток Торы, и давно
Заснувший город, черное окно,
И тишина, и юная Суббота...
Больничная палата, тишина,
Багрицкого рыдающие строки,
Столица в грязной раме из окна.
И только Бог мне установит сроки.
Я сам себя здесь бросил одного.
Я просто глуп. Иль глух, по крайней мере.
Москва слезам не верит, что с того?
Самой Москве давно никто не верит.
А раньше верили. Красавица Москва!
Глуха, слепа и с тем косноязыка.
Толста, сыта... как немощны слова!
Двулична, краснолица и безлика...
Да что Москва? Неверная жена
Или, скорей, порочная невеста.
Моя любовь к Москве искажена
Всем тем, что до меня имело место.

* * *

Все давно уже плоды с деревьев сорваны,
А которые не сорваны – надкушены.
Все равно, куда идти, в какую сторону,
Только вы меня, пожалуйста, не слушайте.
Зря рождавшийся и живший понапрасну,
И рассыпанный, совсем как горстка риса,
Вдруг пойму, что вот, пришел к Экклезиасту,
А Экклезиаст уже написан.

* * *

...одинокий Ной,
Ступив на трап, шаги свои замедли
И вслух скажи, взглянув на эту землю:
Я не достоин родины иной.
Когда шаги услышишь за спиной,
Остановись и успокойся, чтобы
Вздохнуть глубоко и сказать сквозь зубы:
Я не желаю родины иной.
Когда последний день перед войной,
Еще не поздно, не упало слово,
Не надо ни спасения ни славы,
Оставь меня, я встану под стрелой.
Когда уже затихнет за стеной,
По-новому увидишь и покажешь,
А все к земле ты слова не привяжешь.
Я не желаю родины иной.

* * *

...Она уйдет. Останови луну.
Подлунный мир белеет под луной.
Луна летит. Она над той страной.
Бежим, бежим скорее в ту страну.
Далекий путь. Прозрачный лунный свет.
Луна светла, легка и далека.
И вслед за ней. Другой дороги нет.
И белый путь ведет за облака.
Тревожный шелест. Стаю унесло.
Прибой грохочет. Брызги на лице.
Луна исчезла. Солнце не взошло.
Но это все произошло в конце
Того пути, что я не одолел.
Куда я шел, о чем я говорил?
И потерялся, и не долетел.
Простите все, кого я повторил...

* * *

В империи развал.
Шумят рабы.
Спартак в ударе. Просветлели лица.
Но чучело вождя в плену томится,
А из провинций всё текут гробы.
Окраины бурлят. Им отделиться
Хотелось бы. Кто в лес, кто по грибы,
Куда угодно. Лишь бы от судьбы.
А император волен застрелиться.
Сенат прогнал. Лишь выправка да спесь.
Все скурвились. Пора срывать погоны.
Из Сирии выводят легионы.
Всё правильно. Они нужнее здесь.
Империя, как тот презерватив,
Что пацаны всем скопом надували,
Вот-вот взорвется, матушка.
Едва ли
Империю спасет инфинитив.
Что делать? Сам не знаю.
Но держись
И утешайся запрещенным средством.
Поэту не к лицу спастись бегством.
Но все же крикнуть хочется:
«Ложись!»

* * *

На дворе скворец клевал
и крошил табак
на тарелочке лежал
грустный пастернак
Доносился ветра свист
веточки дрожали
и упал с березы лист
его ференц звали
А над речкою стоял
невеселый парк
по дорожке там шагал
его звали марк
А скрипач играл играл
спрятавшись на крыше
и шагал себе шагал
выше
выше
выше

* * *

Я хотел бы жить. И не только.
В другой стране,
А не в той, которой сегодня (вот так) живу я,
Где бы я мог погибнуть не в драке, но на войне,
Где в понятие «мужчина» не только наличие...
Там, где чистый рассвет, а потом тревожный закат,
Там, где в путь провожают без ругани, слез и плача,
Там, где светятся окна и где по ночам не спят,
Где конкретный смысл имеет слово «удача».
И еще я долго могу о том говорить,
А на самом деле, пойми: все гораздо ближе,
Лишь вздохнуть, улыбнуться,
и встать, и дверь отворить,
И шагнуть за порог, все оставить и жить.
И выжить.
А когда я вру, пусть мне не дожить до весны.
Пусть мне впредь не мечтать ни о какой победе,
И пускай мне больше не снятся цветные сны,
И пускай машина моя без меня уедет.

* * *

Белый туман. Предрассветная тишь.
Тишь (куда денешься?) да благодать.
Как ни глядишь – никого не видеть.
Да и вообще – никого не видеть.
Хочешь, не хочешь – вокруг никого.
Да ты не понял – не здесь, а везде.
Кроме тебя.
И тебя одного.
И твоего отраженья в воде.

ПРЕДПОСЛЕДНИЕ СТИХИ

...плотнее туман, не пробьюсь, и никто не услышит.
Давно ухожу, не заметили, тише, и выше,
И выше.
И ночь неожиданно холодом дышит,
И глупые голуби гордо воркуют под крышей,
И белый туман развернулся плотнее и шире,
Все шире. И только спасенья, что выше и выше.
Оставь, отойди, мне немного еще.
Поспешили...
Ликуйте, уроды.
А я отвернулся и вышел.

Владимир Саришвили

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО

Моё знакомство с Владимиром Саришвили, замечательным грузинским поэтом, переводчиком и публицистом, одним из ведущих деятелей Союза Писателей Грузии, продолжалось недолго. Мы познакомились в июне 2018 года, а в сентябре Владимира не стало. И всё же короткое это знакомство произвело на меня глубокое впечатление. И его квартира в старом районе Тбилиси, и книги, и талант, и эрудиция жизнерадостного, по-грузински гостеприимного хозяина. У меня были два перевода из грузинской поэзии, в том числе знаменитый «Мерани» Николоза Бараташвили, и меня потрясло, что Владимир высоко оценил этот перевод и весьма тактично указал на некоторые недочёты. В то же время он сам являлся автором более близкого к оригиналу талантливой переложения этого произведения на русский язык. Мы договорились поддерживать контакты, обмениваться информацией, вести переписку. К великому сожалению, всё прервалось в самом начале. Пусть же эта публикация в «Литературном Иерусалиме» послужит памяти прекрасного человека и поэта Владимира Саришвили.

Ханох Дашевский

ЮДИФЬ

Что море посыльным ветрам закричало?
Узнаем, узнаем в веках.
Я вижу тебя, ты одна у причала,
Сиреневый веер в руках...
Угрюмые тайны, блаженства рабыни,
Насуплены лица рабынь.
Я знаю – с тобой говорят на латыни,
Но напрочь забыта латынь...
И колокол в небе висит без опоры,
И чайки сомкнули кольцо...
Мелькают в волнах раскаленные шпоры,
Брезгливо кривится лицо.
Отчаянный всадник, поводья, поводья
Назад, осадил скакуна!
Волна за волной, как семья бегемотья,
Она у причала одна.
Ну что же ты, всадник, не смей задержаться,
Скачи по тяжелой воде,
Великий злодей превратиться в паяца
Не может никак и нигде...
Выходит, паденье сильнее полета,
Отравлены пастбища серн.
И меч висает. И слышно у грота:
«Как звали тебя?»
«Олоферн».

ДУЭЛЬ

Друзья наполнили вином
Торжественные кубки,
И громко выпили за то,
Чтоб завтра выжил я,
Бараньи кости псам швырнув,
Мы выкурили трубки,
И я немедленно ушел
Из теплого жилья.

Я шел по улице сырой,
Потом по бездорожью,
Туман был компасом моим,
Катился желтый лист.
Я встретил их в восьмом часу
У горного подножья,
Когда подумал: «Как сейчас
Рассветный воздух чист...»

Я описал овал и ромб
Своей потертой шляпой,
Прошел навстречу три шага
(Традиция веков),
Но что я там поделатъ мог
Старинный ржавой шпагой,
Когда вокруг полным-полно
Отточенных клинков.

Защита – смерть, атака – смерть,
Погибель – выжиданье;
Недолгий звон искусных шпаг,
Кровавый фейерверк...
Как хорошо, что я не шел
Покорно на закланье,
Как хорошо, что этот свет
В глазах моих померк...

Друзья наполнили вином
Безрадостные кубки
И осушили молча их
До самого до дна,
Набили трубки табаком
И выкурили трубки,
И каждый думал про себя,
Что жизнь у нас одна.

* * *

Когда сползает ночь по этим горным склонам,
Хлестая листопад чешуйчатым хвостом,
Хвастливый город мой во тьму с покорным стоном
Уходит на покой, измученный постом.
Свисая со скалы, как черные кораллы,
По дну шершавому разбросаны дома,
От мутных коньяков рожденные кошмары
Лишают город мой последнего ума.
И тяжело плывет откуда-то из бездны
Ненужный никому и сам себе рассвет,
И просыпаюсь я, смешной и бесполезный,
Озлобленный, беспомощный поэт

* * *

Здравствуй, долгожданная свобода,
Ты вошла, избранница святых,
С волосами цвета капель йода,
На живую рану пролитых.

Ты вошла с рассеянной улыбкой
Дамы трэф на карточном столе.
Ожиданье хрустнуло улиткой,
Каблуком придавленной к земле.

* * *

Я мастерил ошейник для луны.
Холодный город пил туман из блюда;
Я ждал, когда ворота распахнутся
Казны восторгов, нищенской казны.

Луна скулит, пространства ей тесны,
И скучны тропы, где не разминуться.
А звездам песни звездные поются.
Носы планет от белого красны.

Выгуливаю нервную луну:
Ушла за тучи, в темный переулок.
Мой легкий фрак не годен для прогулок;

Вернусь домой. И, проходя, шепну.
Поверю я любовь царице вестниц –
Дубовой львице на перилах лестниц.

* * *

Ты меня разлюбишь не сегодня,
Но маячит рядом этот день.
Золушка! К тебе приедет сводня.
Меховые туфельки надень.

В королевский отправляйся замок,
Веселись, «Spumante» пригубя.
Там, среди красивых, гибких самок,
Женщину – он выберет тебя.

Ты не утаишь – ты позабудешь
Рванный фартук, сломанную печь,
Речь прямую медленно остудишь
И освоишь косвенную речь.

Видно, этот принц – хороший парень
(Брызни по углам святой воды).
Я тебе премного благодарен
За терпенье, ласку и труды.

ПИК ПОКОРЁННЫЙ

Это были цветочки. Усталость пришла на вершине,
Здесь, на смёрзшейся точке, комочке бесплодной земли,
Где в тупом столбняке, словно как манекен на витрине,
Застываю от жизни вдали и от смерти вдали.

Здесь заброшенный дом первобытного идола Нгоми,
Он отсюда решал судьбы диких племён, свысока,
Докарался – все вымерли. Пусто у идола в доме.
Вихря серый ошейник его охватил на века.

На исходе истока надежд, на последнем изломе
Истончившихся нервов, на этом безжизненном льду,
Возмечтаю вздремнуть хоть на мокрой лежалой соломе,
Но соломы у Нгоми в заоблачной мгле не найду.

Да, усталость пришла на вершине, на этой, желанной,
Где желаний уже не бывает, и пухнет башка,
Неужели стремлений конец – этот лёд постоянный,
Роговеющий воздух в обители Нгоми – божка...

Борис Фабрикант

* * *

Поверяю свои стихи.
Хорошо ли идут слова?
Как там слышится, где тихи
И ветра, и гроза, и трава?
Что вы видите сквозь слои
Мне неведомых лет и дней?
Вы по-прежнему все мои,
Стали ближе ещё и нужней.
Вам там слышно, о чём молчу?
Вы ведь знаете наперёд,
Что спросить и понять хочу.
Пусть ответ меня подождёт

* * *

Сколько Иванов не знает родства,
Сколько потомков не знает иванов.
И не сидели на чемоданах,
Да, только нить восстановишь едва.
Как перебили хребет в прошлом веке,
Кости рассыпались, кто где упал.
Нет у опоры у человека,
Если он следа семьи не видал.
Если не знает о прадеде строчки:
Где был рождён, похоронен когда.
Эти колечки от длинной цепочки
Крепче любых обручальных всегда.
Войны, чекисты, фашисты сметали
Нас ураганом, пожаром, чумой.
Корни земли до крови ободрали.
Как же найдётся дорога домой?
И не спасут от заклятия гимны,
Гимнам неведом душевный уют.
Гимны – военным, победам спортивным,
Их за семейным столом не поют.
Все мы на теле страны вроде сыпи,
Цифры из переписи на листах.
Нас, как песок из мешка, пересыпать
Можно без корня в любые места.
Старые сказки сулят нам с тобою
Жизнь, и надежду, и счастья сполна.
Может, облить нас той мёртвой водою,
Брызнуть любовью – водою живою,
Чтобы очнуться от мёртвого сна.

ДУХОВОЙ ОРКЕСТР

Духовой оркестр всех других природней.
Дуешь, словно дышишь, да ещё свободней,
Дуешь что есть силы, так что бьется сердце,
Как в тростинку лета в середине детства.

Духовой оркестр, плещутся тарелки!
Тубы и тромбоны ловят взмах руки
И дрожат, как горло, медно мелко-мелко.
Выпячены губы. Слюни, мундштуки.

Духовой оркестр – войны да парады,
Не умеет тихо – зорька да отбой.
Танцы в летнем парке, белая эстрада.
Как последний выдох, эхо за трубой.

Духовой оркестр – музыка разлуки.
Ноты в ней простые и звучать легки.
И протяжным эхом всё витают звуки
Над прощальным взмахом маминой руки.

Праздник Первомая, флаги и портреты.
Черно-белый снимок, папа молодой.
В городе оркестры всё играют где-то,
Долетают тихо песни вразнойбой.

Чёрно-белый снимок – небо голубое,
Мне уже пятнадцать, не вернуть назад.
Песни да оркестры – самое простое,
Люди да машины – вот и весь парад.

Разберут трибуны, унесут портреты,
Спрячут инструменты, допоят на слух.
Духовой оркестр не хранит секреты.
Он играет громко, просто во весь дух.

* * *

Меня переживут деревья, люди.
И ты начнешь переживать
С минуты той, когда меня не будет.
Всё остальное будет продолжать
Быть. Не заметив. Так же – в горе, в счастье.
Мир жив и полон, как разлив ручья!
Не станет только самой малой части –
Того, что помню я

* * *

Было бы окошко между временами,
Даже небольшое мутное стекло,
Подышал бы тихо и протер руками,
И смотрел бы долго, чтобы повезло.

Брошу две монетки, сдвинется заслонка.
Контролёр в фуражке песенку свистит.
В очереди сзади кто-то плачет тонко,
Номер на ладонях, дождик моросит.

Я вгляжусь в окошко, попрошу, как в храме,
В нашем прошлом утро, солнце и тепло.
Может быть, увижу маму вместе с нами.
Жалко, не услышу – толстое стекло.

ЛЬВОВ

Словно снова я в городе этом живу,
Но уже без проросших до корня забот.
Старый город мой рядом со мной наяву,
Чуть касаясь плечом, переулком идёт.

Облетели черты, покрошились дома,
Изменился заполнивший город народ.
Проступает действительность, то есть сума
Очень яркого цвета, и песни поёт.

Позабыто звенит устаревший трамвай,
Мостовая разбита под талой водой.
Ну, давай же, маршруты мои узнавай,
Старый город, а ты не бывал молодой.

Эти трещины и облезавший снег,
Как дрянной маскхалат, на тряпье разорви.
Ты живой, ты мой старый, ты нравишься мне.
Ты семья моя, ты не стесняйся любви.

И названия улиц меня не собьют,
Хоть и прежние тоже уже позабыл.
Я души твоей малый весёлый лоскут,
Ты души моей след на себе сохранил.

Я узнаю подъезд, проходные дворы.
Я с тебя календарные путы сорву.
Ни конца ни начала не вижу игры,
В то, что я в этом городе снова живу.

* * *

Не составляй горящих планов
И расписаний не вводи.
Проснулся утром слишком рано,
Вставай, иди!

Проснулся позже, чем хотелось,
Счастливо в праздность окунись.
А время никуда не делось,
Оно пере-тека-ет в жизнь.

Ответственность перед часами
Не учреждай.
Их много, а мы только сами,
Их не считай!

А жизнь идёт, течёт, буровит,
И ты плыви!
Увидишь, время рыбу ловит,
И ты лови.

Мы сами – время, мы минуты,
Секунды – наша чешуя.
И мы ещё блеснём кому-то
Со дна ручья.

* * *

Сливаясь с тенью, виснут кружевами
Пустоты между почвой и кустами,
Коклюшками в цветах мелькают пчёлы,
Горластый разномастный мир весёлый
Сплетает стебли, ветви со стволами –
И это всё строенье, между нами,
Похоже на модели ДНК.
На всё, конечно, Божия рука,
И жизнь – его творенье, рукоделье –
То повод нам для слёз, то для веселья.
И каплет мёд, и горем пахнет счастье.
Власть думает, что обладает властью.
И меж собой аукаются встречи,
А утра переходят в новый вечер
В другой стране, в другие времена.
Нам обещает бабочек из сна
Всех гусениц изогнутая бровь.
И радостно живёт наш муравейник.
Слоится быт, как клейка, и затейник
Льёт в старый вечный двигатель любовь.

Наталия Шишкарёва

АПРЕЛЬСКИЙ ДОЖДЬ

Что ж так много печали
Обвалилось с небес?
Москвичи одичали,
Восемь месяцев без

Солнца, теплого света –
Их прогноз на «потом»,
Ждут отчаянно лета,
Укрываясь зонтом.

Льется, хлещет снаружи
Злобный дождь ледяной.
Переполнены лужи
Мокрой мутной хандрой.

И воды по колено –
Но уже все равно...
Неужель во вселенной
Так же сыро, темно?

РЕГРЕСС

Несыгранная пьеса,
Неспетые слова.
История регресса-то,
В общем, не нова.

Отпущенное время
Безжалостно бежит.
Ты все еще не с теми,
Кто может скрасить жизнь.

Ты примеряешь маски:
Сыграть, слепить ли, спеть?
Счастливой ждешь развязки
И хочешь к ней успеть.

Ты корчишь нежность-ламу
В лазоревой траве,
А жизнь диктует драму
Тихонько, по главе.

* * *

Умирало Переделкино.
Бывший дом. И бывший кров.
Все пестрело недоделками,
Увяданием ковров.

Опустели горе-лавочки,
Вместо парка – бурелом.
Потускнели чудо-лампочки
Над писательским столом.

Здесь шагов не слышно давешних,
Растворились голоса,
И словами, как на клавишах,
Не играют небеса.

А скворчат все больше деточки
Или лётный остролов.
И молчат в тени беседочки
Без эссе и без стихов.

Льет осеннее уныние
Сверху кто-то неземной.
Замер лес в преддверье инея.
Тишина. Погост. Покой.

КОЛЫБЕЛЬ

Так бы слушала на ночь и слушала
Тонкой фальши словесное кружево,
Продолжай хрипловато-простуженно
Мелодично-заумно-хитро.
Лестью-патокой горло натружено,
Колыбельной твоею разбужена –
Это счастье мной, милый, заслужено,
Не напрасно ломалось ребро.
Погружай в головное кружение,
Не снижай взвездное скольжение.
За лекарствами от поражения
В круглосуточный не побегу.
Буду ждать полуночного рокота –
Грозового любовного шепота,
И судьбе повинюсь без ропота,
Сдамся пленником к четвергу.

* * *

В Серебряном бору
пески о нас скучают,
давно по их следам
не шлепали вдвоем.
И воды в берегах
со временем мельчают,
и верится с трудом,
что был здесь водоем.
В Серебряном бору
о нас забыли сосны,
стареют и ворчат,
как пять веков назад.
И так же, как везде,
дороги там несносны;
по осени – грязны,
а в августе – пылят.
В Серебряном бору
я больше не бываю.
Этюд, где мы бредем,
Уставшие, к реке,
мелькает только в снах,
и глаз не открывая,
я вижу хвойный лес
и тени на песке.

* * *

Услышав мягкое глissандо,
Свою умерила я прыть.
Подумала: чего мне надо
Еще, помимо чуда – жить?
Любви и славы, достижений,
Больших и маленьких побед,
Восшествий и вослед свержений,
Стихов в толпе и tet-a-tet.
Порывных творческих взрываний,
Морей из солнца и цветов.
У ног – признаний и рыданий,
У глаз – безумных шепотов.
Прозрачных брызг в палящем зное
И льда в шампанском...
И к тому ж
Обожествленной быть тобою,
Не друг, не враг мой и не муж.

* * *

Началась другая эпоха,
Незаметно, как пыль в углу.
Ни истерик, ни бурь, ни вздохов,
Ни прогулок в ночную мглу.
Ни кошмаров, ни ожиданий,
Никаких телефонных нег.
С каждодневной тоской свиданий
И беседой про хлеб и снег.
Не бывающая в ударе,
Не способная к виражу.
Я лекарства и нитки в баре
Вместо хмеля теперь держу.

КАРУСЕЛЬ

Привычную глазомеркой
Окинула карусели:
Лошадки мои померкли,
Ссутулились, полысели.
Забег завершился кругом
Вне сути и мимо цели,
Не рысью, уже не цугом,
Без мыла на рыхлом теле.
Знавала я их аллюры,
Бубенчики золотые...
Растаяли шевелюры,
А с ними – тела литые.
Ревущие ипподромы,
И кубок в руках – победа!
Все в прошлом. Внутри истома,
Кураж седока изведен.
Пустеет седло, пылится,
Неюный седок грузнеет...
Попробовать прокатиться?
Но кажется небылицей
Причудливая затея.

Ханох Дашевский

А С МЕЧОМ – НИ ОДИН

*В наших долгих скитаньях что было у нас?
Миллионы мужчин, а с мечом – ни один;
близорукость овечьих испуганных глаз,
синагоги, мезузы, талит и тфиллин.
Магазины, амбары, и утварь, и кладь,
под чужие знамёна стремление встать,
словоблудье пустое, святые слова,
и у края дороги – сухая трава.*

Ури Цви Гринберг

(из поэмы «Венец плача всему Дому Израиля» – пер. Х. Дашевского)

Кишинёвский погром начался 6 апреля 1903 года, в первый день православной Пасхи. Существует много описаний этого события, и одним из главных является знаменитая поэма Хаима Нахмана Бялика «Беир гаѓарэго» («В городе убийства»). И хотя автор русского перевода Владимир Жаботинский дал поэме другое название – «Сказание о погроме», ничего сказочного не было в этом произведении. Оно давало щемяще-горькую, но достоверную картину того, до какой степени упадка дошло духовное состояние не сумевших дать отпор погромщикам евреев. Погром в Кишинёве трудно было назвать нападением сильного и жестокого большинства на слабое меньшинство: евреи Кишинёва составляли около половины населения города. Не был он и внезапным. Предпогромная обстановка, вызванная непрерывной черносотенной агитацией, много месяцев царила в Кишинёве. Но евреи не только не подготовились к обороне: у большинства из них отсутствовала воля, они не могли и не хотели оказывать сопротивление. И великий еврейский поэт вместо того чтобы оплакать, как веками было принято в еврейской традиции, безвинные жертвы и призвать на врагов Божью кару, заклеил не столько насильников и убийц, сколько свой собственный народ, забывший о достоинстве и чести, безнадёжно погрязший в мелочной суете, утративший былое величие и неспособный даже к вдохновенной, горячей молитве:

*И посмотри туда: за тою бочкой,
И здесь, и там, зарывшись в сору,
Смотрел отец на то, что было с дочкой,
И сын на мать, и братья на сестру,
И видели, выглядывая в щели,
Как корчились тела невест и жен,
И спорили враги, делясь, о теле,
Как делят хлеб, – и крикнуть не посмели,
И не сошли с ума, не поседели
И глаз себе не выкололи вон...*

(пер. В. Жаботинского)

Эссе

Семнадцать лет спустя молодой еврейский поэт Перец Маркиш написал поэму о погроме в местечке Городище под Киевом, назвав её «Куча». Само название должно было символизировать новое отношение революционной еврейской молодёжи к комплексу жертвы, столь характерному для традиционного еврейства. И он осудил своих соплеменников. И он, преодолевая крик отчаяния и боли, бросил в лицо своим братьям, что отсутствие воли к сопротивлению и рабская пассивность превратили их, словно скот, в груды мяса и костей, в зловонную «кучу». Именно так погибли сотни евреев: никто не попытался дать отпор, ни у кого не нашлось в доме оружие, хотя гражданская война бушевала вокруг. И встала посреди местечка, как идол, громада изрубленных тел, Царица-Куча, словно требуя новых и новых жертвоприношений:

*Давая псам кромсать свои колени,
на площади, в скрещении дорог,
ты высишься, скопление грязных ног,
Царица смерти, знак для поколений!
Гора костей! Твой силуэт огромен!
И он растёт у мира на виду.
Тебе на веки черепки кладу...
Молитесь, нищие, и говорите: «Омен!»*
(пер. Х.Дашевского)

В 1951 году в Израиле вышла большая книга стихов и поэм классика новой поэзии на иврите Ури Цви Гринберга «Реховот ганафар» («Улицы реки»). Совсем недавно закончилась война, и пепел сожжённых евреев ещё густо покрывал поля Европы. Поэт, у которого погибла семья, посвятил эту книгу своим родным и всем уничтоженным в Холокосте, создав литературный памятник Катастрофе. У него было много слёз, но и много вопросов, и главным из них являлся вопрос: как могло случиться такое?

*Не пойму, почему так безропотно шли
наши братья, когда их тевтоны вели...
Почему, как дрова, их сжигали в печах,
и удобрил поля Амалека их прах?
Как случиться могло, что стояли в снегах
наши жёны нагие с детьми на руках,
и мужья, не прикрыв наготу, без меча,
обречённо глядели в глаза палача?...
Как случиться могло, что поставили их
у дверей, за которыми тьма и конец,
а потом прямо в облако газа, нагих,
затолкали их всех, словно кур и овец?*

Пер. Х. Дашевского
(из поэмы «Венец плача всему Дому Израиля»)

Не только кишинёвский погром, погромы времён гражданской войны на Украине и кульминация всех погромов и преследований – Холокост, свидетельствовали о чувстве обречённости и покорности судьбе, охватившем евреев, о жертвенном смирении и надежде вымолить у злодеев жизнь.

Подобными примерами полна вся история еврейской диаспоры. Что же случилось с еврейским народом? Всегда ли его поведение соответствовало язвительному пассажиру Гоголя, живописавшего в повести «Тарас Бульба» еврейский погром, о «бедных сынах Израиля, растерявших всё присутствие своего и без того мелкого духа?»

Летопись еврейской истории, истоки которой теряются в глубине тысячелетий, приводит немало примеров воинской отваги и мужества. Книги ТАНАХа повествуют о великом полководце и духовном руководителе Йеошуа бин Нуне, под предводительством которого евреи вступили в Страну Израиля, о судьях Отниэле и Эуде, Гидоне и Ифтахе, в разное время поднимавших народ на борьбу против притеснителей, о богатыре Шимшоне, наводившем страх на филистимлян, о пророчице Дворе, своей знаменитой песнью прославившей поход Израиля против Хаана, о Шауле и Давиде, создавших и укрепивших Израильское царство. А Иосиф Флавий в своём сочинении «Иудейская война» воспроизводит речь Элеазара бен Яира, руководителя обороны крепости Масада, последнего оплота восставших против могущественного Рима евреев:

«Для смерти мы рождены и для смерти мы воспитали наших детей... Но терпеть насилие и рабство – не из тех зол, которые предопределены человеку законами природы; это люди навлекают на себя своей собственной трусостью...»

Мы же в гордой надежде на нашу мужественную силу отпали от римлян и только недавно отвергли их предложение сдаться им на милость. Каждому должно быть ясно, как жестоко они нам будут мстить, когда возьмут нас живыми...

Но нет! Пока эти руки еще свободны и умеют еще держать меч, пусть они сослужат нам прекрасную службу. Умрем, не испытав рабства врагов, как люди свободные, вместе с женами и детьми расстанемся с жизнью. Это повелевает нам закон, об этом нас умоляют наши жены и дети, а необходимость этого шага ниспослана нам от Бога...»

И всё-таки внешние атрибуты независимости интересовали евреев меньше, ибо с момента своего появления на перекрёстках истории они были не только народом, но и религиозной общиной. Правда, желание иметь царём Всевышнего более всего проявлялось в речах пророков, а народ требовал земного царя, который защитит страну от воинственных соседей.

Эссе

Перед тем, как помазать на царство Шауля, пророк Шмуэль долго увещевал народное собрание, разъясняя людям явные недостатки царской власти, – однако народ настоял на своём. Тем не менее, духовная свобода была важнее политической самостоятельности, и даже в древности, в Стране Израиля, еврейский народ мог жить под чужеземным правлением, не пытаясь восстать, если оккупационная власть не посягала на самое святое для иудея – на веру.

Такие великие исторические личности, как Александр Македонский и Юлий Цезарь, хорошо понимали это и даже предоставляли евреям определённые льготы, учитывая требования иудейской религии. Только если духовное угнетение становилось невыносимым, если вере угрожала опасность – тогда начиналась война. Политика эллинизации и осквернение Иерусалимского Храма привели во II веке до нашей эры к победоносной войне Маккавеев. Через двести лет иудеи поднялись вновь: жестокие действия римского наместника Флора, сопровождавшиеся оскорблением религиозных святынь, положили начало восстанию в Иерусалиме и длительной и кровопролитной Иудейской войне против Рима, которая закончилась разрушением Храма и полной потерей государственности.

Спустя несколько десятилетий новые гонения римлян и желание императора Адриана воздвигнуть храм Юпитера на месте разрушенного иудейского Храма привели к восстанию Бар Кохбы, вначале настолько успешному, что для его подавления понадобились лучшие военные силы империи. Но и римская месть была беспощадной.

После восстания Бар Кохбы, сопровождавшегося массовой резнёй и опустошением, когда, по словам современника, «кровь стекала с гор и впадала в море», меч выпал из рук Израиля: евреи стали меньшинством в своей стране, и начался период окончательного изгнания и рассеяния. Иудея перестала существовать: вместо неё, чтобы окончательно истребить память о непокорном народе, возникла римская провинция Палестина, по имени давно уже канувших в забвение библейских филистимлян.

С падением государства, гибелью единого религиозного центра, утратой родины и уходом с политической сцены высшего, аристократического слоя еврейского общества – цдуким (саддукеев), группировавшихся вокруг царской династии, и жреческого сословия (коаним), во главе народа встали религиозные учителя, толкователи Священного Писания – прушим (фарисеи), большая часть которых не принимала активного участия в антиримской войне. Их духовный наставник Йоханан бен Закай не без оснований полагал, что усугубляемая внутренними распрями неравная борьба привести к победе не может.

Именно учение бен Закая, во многом основанное на очевидном превосходстве Рима и предвидевшее долгое и тяжёлое изгнание, легло в фундамент сложившейся после национальной катастрофы религиозной традиции, которая давала простор мечтам о возвращении в Сион, но не оставляла места действию.

Перед прушим встала сложнейшая задача: сохранить распавшееся на отдельные звенья, разбросанное по всему обитаемому миру еврейство. Для этого надо было заново создавать духовную опору. И если раньше евреев объединял возвышавшийся над Иерусалимом величественный Храм, то теперь, после разгрома, нужно было искать и вырабатывать новые формы национального существования. Теперь Талмуд, монументальное собрание комментариев на Тору и комментариев на комментарии, детально разработанный обряд, скрупулёзно регламентировавший повседневную жизнь народа, и постановления ведущих раввинов, «глав поколения», должен был объединить еврейство в рассеянии. Но основной целью в условиях подчинённого существования, когда судьба евреев зависела от гнева или милости коренного населения тех стран, которые, охотно или не очень, но принимали изгнанников, было физическое выживание. Для этого нужно было отбросить такие понятия, как гордость и честь, не помышляя о том, чтобы взять в руки оружие.

Отныне главным в отношениях с народами мира стал принцип «дина демалхута – дина», т.е. закон государства (где жили евреи) – закон, а главным во внутренней жизни еврейского общества – изучение Торы, молитва и тщательное соблюдение заповедей. Именно такое, правильное поведение должно было обеспечить приход Машиаха и, как следствие – возвращение в Страну Израиля и восстановление еврейского государства.

И религиозная традиция, полностью сложившаяся после 135 года нашей эры, когда в результате поражения Бар Кохбы изгнание и рассеяние стало окончательным, клятвенно требовала от евреев остерегаться самостоятельных действий до прихода Царя и Пророка. Три заклятия, о которых говорится в Талмуде, стали залогом еврейской пассивности:

«Сказал рабби Йоси от имени рабби Ханины: Три этих заклятия [то, что три раза повторено в Песне Песней: “Заклинаю я вас, дочери Иерусалимские, оленями и ланями полевыми, не будите и не пробуждайте любовь, пока не проснется”] – зачем они? **Одно** – чтобы не поднимались евреи стеной из изгнания, **одно** – что заклият Святой, Благословен Он, евреев, чтобы они не восставали против народов мира, **и еще одно**, что заклият Святой, Благословен Он, народы, чтобы не поработать евреев слишком сильно» (*Вавилонский Талмуд, трактат Ктубот 111а*).

Если говорить о народах мира, то кровавая история галута достаточно ясно свидетельствует, что многие из них, в разные времена и под разными предлогами, стремясь предельно унижить и даже истребить евреев, нарушили наложенное на них заветное, но не смогли полностью осуществить свои замыслы, в то время как евреи в течение 18-ти веков в соответствии со сложившейся традицией не предприняли ни одной серьёзной попытки закрепиться в Стране Израиля. И если бы не эмансипация и последующие события 19-го – 20-го столетий, вызвавшие массовый отход от религиозных принципов, положение не изменилось бы и до сегодняшнего дня. Заветное рабби Йоси действовало, несмотря на все муки изгнания и пролитую кровь.

Стиснув кулаки и сжав зубы, евреи терпели позор и угнетение: боевые навыки были утрачены навсегда, мало кому приходило в голову оказывать сопротивление. Страдали еврейские семьи: проводившие время в молитвах и учении физически слабые мужчины не могли быть защитой. Не оказать сопротивление, а выжить, а если выхода нет, безропотно принять приговор Небес – в этом состояла теперь еврейская доблесть.

Срам, о котором писал в своей поэме Бялик, имел глубокие корни. Массовое переселение сефардских евреев в Османскую империю после изгнания из Испании не превратилось в массовое возвращение в Эрец-Исраэль, которая была частью империи.

Где только не селились евреи, но на исторической родине – ничтожно мало. В разное время одиночные евреи и отдельные небольшие группы поселялись в Иерусалиме и Цфате, руководствуясь стремлением жить и молиться в Святой Земле, но почти никогда не стояла за этим идея возвращения в Сион.

И трудно сказать, чего было больше – неверия в собственные силы или нежелания покинуть галут, ибо совсем необязательно было «подниматься стеной». Нужна была тенденция, достаточно было «просачиваться» в Страну, чтобы постепенно создать в ней ощутимый факт еврейского присутствия. Впоследствии, именно сионисты доказали, что это возможно.

И всё же страна отцов не была окончательно забыта. Молитва о возвращении вошла в ежедневную литургию. То здесь, то там появлялись евреи, которые, или выдавая себя за посланцев находящихся на краю земли мифических еврейских царств, или возвещая о приходе Машиаха и конце изгнания, стремились возбудить еврейское общество.

На Востоке период с 8-го по 12-й век характеризовался мессинскими выступлениями караимов, в те времена ещё отождествлявших себя с еврейским народом и не связанных талмудическим «заветом». Но и среди раббанитов раздавались голоса, причём в пользу возвращения в Страну порой высказывались самые выдающиеся авторитеты.

В 12-м веке с призывом вернуться на родину выступил Йеѓуда Ґалеви, написавший знаменитые «сиониды», в 13-м – Моше бен Нахман (Нахманид, Рамбан), провозгласивший проживание в Стране Израиля одним из важнейших религиозных предписаний. В начале 17-го века Йеѓуда Либа бен Бецалель (Маѓараль из Праги) писал: «Состояние изгнания – это изменение и отклонение от порядка, ибо Всевышний поместил каждый народ на соответствующее ему место... Согласно естественному порядку, пригодное для евреев место – Эрец-Исраэль, где они должны жить как независимый народ». Никто не считал галут нормальным явлением. В Мидрашах говорится, что «страдание, причиняемое галутом, равно всем другим мукам, вместе взятым», что оно «подобно смерти и бездне». Сама душа еврея поражена галутом, она становится «нечистой от мерзостей». Шхина «стонет, как голубица», и Всевышний «рычит, как лев», сокрушаясь о разрушении Храма и об участи сынов Израиля. Но заклятие «не подниматься стеной» и опасение вызвать негативную реакцию народов мира сковывали любую инициативу, и намерения небольших групп и даже одиночек поселиться в Эрец-Исраэль далеко не всегда встречали восторженный отклик соплеменников.

«Важно не то, что скажут гои, а то, что сделают евреи» – этот афоризм приписывают Бен-Гуриону. К сожалению, нынешним лидерам Израиля первое пока ещё важнее второго. Ликвидация сложившейся в галуте рабской ментальности, когда от каждого окрика, от каждого скрипа шагов за окном трепетало еврейское сердце, требует серьёзной хирургической операции.

Сегодня многие народы видят в существовании Израиля досадную помеху на пути к миру, и готовы принести нас в жертву идолу палестинского государства лишь потому, что у нас у самих нет полной уверенности в том, что мы и только мы являемся подлинными хозяевами этой страны. Но со стороны народов мира так было не всегда.

Почти двухтысячелетняя история диаспоры свидетельствует о том, что в разные времена находились мыслители и проповедники, увлечённые пророчествами ТАНАХа, которые заявляли, что евреи должны вернуться на землю предков. Находились и государственные деятели, которые, преимущественно в собственных политических интересах, поддерживали идею возвращения еврейского народа на историческую родину и даже выдвигали собственные планы восстановления еврейского государства, при том, что большинство евреев было индифферентно к этому. Но кульминационным моментом можно считать 24 июля 1922 года, когда Лига Наций в полном составе подтвердила историческую связь еврейского народа со страной, называвшейся тогда Палестиной, и необходимость создания еврейского национального дома.

Эссе

Почему же на ортодоксальное еврейство, трижды в день молившееся о возвращении в Иерусалим, это не произвело впечатления? Клятва не совершать массовую репатриацию до прихода Машиаха глубоко укоренилась в религиозном сознании, превратившись в запрет, нарушители которого решительно осуждались. И хотя грозные признаки Катастрофы уже вырисовывались на горизонте, большинство духовных руководителей евреев продолжало считать, что только сам Всевышний, действуя через своего помазанника, должен привести евреев в Сион.

Противники сионизма смотрели в кривое зеркало иллюзий и не хотели видеть действительность, хотя поведение народов мира, периодически устраивавших евреям кровопускание, превращало заветное «не подниматься стеной и не восставать» в профанацию, в пренебрежение заповедью заселения Страны Израиля. Ожидавшие Машиаха религиозные мечтатели не поняли главного, что Сын Давида – не сказочный персонаж, появления которого ждали в каждом местечке. А что именно должен был выбрать Машиах, чтобы явиться рассеянными по миру евреям: Бердичев, Жмеринку или Варшаву и по какому принципу – приходило ли такое кому-нибудь в голову? Они не поняли, что Всевышний ждёт от евреев действий, что окончательное Избавление (Геула) возможно только в Эрец-Исраэль, где должна быть готова для этого почва. И поэтому было как было: миллионы мужчин, а с мечом – ни один...

Лея Алон (Гринберг)

«...ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ»



На фоне вечернего неба и сероватых сумерек – группа людей с тачками на узеньком мостке. Мост – на длинных сваях, и основание их уходит в болотистую почву. Трудно угадать, где это место и что строила тогда рабочая бригада. Снимали издали, лица людей едва различимы, но кажется, что и тебе передается напряжение их мышц, и ты чувствуешь, как нелегко им даётся каждый шаг с тяжёлой тачкой по узкому мосту. Моше Иоффе – в центре, худой, невысокий, в лёгкой кепке. Я угадываю его сразу, хотя познакомилась с ним, когда он был уже стар. А на фото он в самом начале своего пути, вскоре после того, как ступил на землю Эрец-Исраэль.

Было ему тогда семнадцать. И прибыл он из Крыма вслед за своим учителем Ицхаком Ландсбергом, известным в Израиле как Ицхак Саде – создатель первых отрядов Пальмаха. Крым был в руках Врангеля, а Врангель, когда представили ему списки евреев, желающих переселиться в Палестину, не мудрствовал: «Баба с возу – кобыле легче».

Как земля пласт за пластом возвращает прошлое, так судьбы людей открывают историю заселения Эрец-Исраэль.

То было начало двадцатых годов прошлого века: волна погромов захлестнула Россию. Евреи чувствовали себя незащищёнными. Незнание и страх перед будущим подтолкнули их к репатриации. Много воды с тех пор утекло, но и сегодня путь в Эрец-Исраэль начинается с чувства безысходности.

Только сегодня у евреев есть страна. Тогда её не было. Моше был один из тех, кто эту страну строил.

«Этими руками, – скажет он мне, протянув худую, крепкую ещё руку, – мы прокладывали железные дороги, тракторов не было – копали землю киркой, возили тачками.

Нас вела идея: мы возвращали земле жизнь, чтобы собрать здесь евреев. Другого места для них не было».

Помню, как приехала к нему домой и увидела, что могут сделать эти руки. Свой дом из тяжёлых серых камней, ладно подогнанных друг к другу, с арками над дверями и окнами, строил он сам. Была в том доме своя стать, фундаментальность и тишина. Казалось, он сохранился с прошлых веков, не ведая перемен, будто так и стоял здесь, в Шейх-Абреке, на месте древнего Бейт Шеарима, о котором писал ещё Иосиф Флавий.

Но была у того дома своя волнующая история. И каждая его деталь рассказывала о переменах, которые несла с собой жизнь. Из Германии приехала тёща с группой спасённых еврейских детей, оставшихся без родителей. Пришлось срочно достраивать комнату. Рождались дети, внуки, Моше перестраивал, расширял. Появился второй этаж, и этими, теперь уже постаревшими, но всё ещё сохранявшими силу руками поднимал он тяжёлые камни на второй этаж. А время приближало его к восьмидесяти...

Свет и тень сплетают причудливый узор на полянке перед домом, где соединяются кроны деревьев, посаженных много лет назад. Фигуры зверей, вырезанные их дерева, замерли на бегу перед домом. Срубы пней. Старый колодец. Сказка ли это, реальность?.. Моше фантазировал, руки творили, дерево помогало...

Когда-то лежал здесь клочок открытой солнцу земли. Росли колючки высотой в несколько метров. «Раз колючки растут, значит, и деревья будут расти», – решил Моше. И купил землю на тяжело заработанные деньги. Вместе с ним пришли сюда и другие: обрабатывали землю, собирали урожай, но банды бедуинов и арабов поджигали дома, уничтожали урожай, убивали поселенцев.

По всей стране прокатилась волна погромов. Когда готовилось нападение на Шейх-Абрек, Моше предупредили, что подмогу дать не смогут: нет людей, но дали пять гранат и посоветовали уходить, чтобы не убили. У него был один-единственный солдат: его жена, худенькая белокурая женщина, дочь врача из Германии. Незадолго до этого Моше получил звание мефакеда – командира – и право ношения оружия. Маузер, которым он очень гордился, ему купил профессор Мазар, с кем он тогда работал на раскопках. У Моше денег на покупку не было.

Он знал, что силы будут неравны, но не ушёл. «Не для того пришёл, чтобы уйти», – сказал он мне, выразив те мысли, которые когда-то удержали его на этом месте.

В Шейх-Абреке остались только он и Александр Зайд. Не раз Моше приходил на помощь Зайду, и Зайд – ему...

Легендарный Александр Зайд, прибывший из небольшого сибирского городка, жизнью заплатил за свою преданность этой земле...

Вот он, словно вырастает перед тобой верхом на своём коне, вознесённый над всей округой. Будто только сейчас вышел в дозор. Вглядывается вдаль, пытаюсь разглядеть, кто там притаился за холмами по дороге к их домам и посевам. Памятник ему стоит на холме. С холма видно далеко вокруг: Изреельская долина, горы Кармеля...

Сегодня здесь всё утопает в цвету.

*О, родная земля,
ты сладка и горька.
Ветер трогает камни сухие...
Кровью я обручён
с той землёй на века –
на полях Шейх-Абрек
и Хартия...
Волны моря нам песни
о жизни поют.
Солнце шлёт нам лучи
золотые.
И оливы мне шепчут:
«Да, это твой дом»,
хору пляшут друзья
и родные.
Каждый колос здесь мой,
каждый камень знаком
на холмах Шейх-Абрек
и Хартия...*

Александр Пен посвятил эти строки Александру Зайду.

Так и связались в моей памяти два первопроходца, бывшие наши соотечественники, начавшие свой путь на этой земле в начале прошлого века, но образ Моше Иоффе увёл меня далеко от Шейх-Абрека, хотя и был глубоко связан с ним...

Моше любил землю, радовался каждой травинке, каждому кусту, бережно растил деревья. То было особое чувство – прикоснуться рукой к зелёному листу, выросшему на месте колючек, под которыми ещё недавно прятала свой лик земля. Но руки его потянулись к камню. Он вспоминал, как шёл рабби Ханина из Вавилона в землю Эрец-Исраэль, поднимал камень величиной с кулак, чтобы почувствовать – далека ли она, Земля обетованная?

Если камень бывал лёгок, значит – далеко ещё, ибо сказано в Книге «Дварим»: «Земля, камни которой – железо». Чем ближе была Земля Израиля, тем тяжелее становились камни. «Авнея» – это камни. Убери первую букву, и получится «банея» – строители. Так образно называли мудрецов устной Торы. Так и зовётся на иврите каменщик: банай – строитель.

Моше стал строителем. И был он один из лучших строителей ишува. Он полюбил камень. У камня была своя душа, своя память. Он стоял веками, храня чьё-то имя, но Моше был дорог простой камень, из которого он строил дома. Главное – найти для него его собственное место, чтобы держало его крепко, как в объятиях. Он вспоминал слова псалма: «Камень, который отвергли строители, стал во главу угла» (118: 22). Краеугольный камень! Нет, совсем не сразу он нашёл своё истинное место. Отброшенный поначалу, он долго валялся в груде неприметных серых камней, пока, наконец, не пришёл его час...

Моше изучил породы камня, хорошо представлял, какими они окажутся в работе, легко мог отличить камень Хеврона от камня Иерусалима. Подобно арабским каменотёсам, знал все их свойства. Камень Иерусалима был более податлив, с ним легче было работать. Из него выложены стены Иерусалима, дворцы, он лёг в основание Западной Стены – Котеля. Царский камень – светлый, дарящий радость при взгляде. Иное дело камень Хеврона: серый, непритязательный, у него свой характер, своя особая твёрдость. На блоках Котеля время оставило свои следы. Они подобны морщинам на лице человека. Века простояла Маарат ха-Махпела, но на серых её глыбах не осталось даже царапин.

Это знание пришло к Моше не сразу. Вначале он строил кибуц Алоним, рождавшийся среди дубовых рощ и холмов Нижней Галилеи. Моше осваивал профессию каменщика, учился простой кладке. Потом стал работать на восстановлении древних памятников. Памятники прошлого говорили о былом величии этой земли, но состояние их рассказывало о том, какой тяжкий путь она прошла... Они были разрушены до основания. Арабы рубили камни и строили из них дома. Разрушение продолжалось постоянно: едва успевали что-то восстановить, тут же чья-то рука безжалостно разрушала.

Он работал тогда в Кейсариин. Восстанавливал Амфитеатрон. Вокруг валялись куски порубленного мрамора, горы щебня, но камень – основа любого памятника, камень, из которого памятник сложен, – почти всегда был растаскан. «Мы строим, а они разрушают», – сказал он мне, и я не раз вспоминала эту горькую фразу. Зато камни Масады, до которых не добрались жадные руки, так и остались лежать нетронутыми.

В Масаду его позвали, когда он работал над реконструкцией Шивты, древнего города набатеев, лежащего неподалёку от Сде-Бокер. В то время не было равных Моше в искусстве восстановления древних памятников. И едва начинались раскопки, а потом и реконструкция, его приглашали.

Солнце ещё не взошло, когда Моше со своим напарником из Шивты подошел к Масаде. Они поднимались по узкой тропе. Она пряталась среди отвесных скал, едва заметная на их фоне. Её называют «Змеиная тропа».

В стихотворении, посвящённом Масаде, Моше нашёл для неё своё определение: «тропинка, засыпанная бурями».

*Идут уставшие ноги.
Потерялась тропинка,
засыпанная бурями.
С вершины скалы
кричит ворон,
и шепчет взгляд
с благоговением и трепетом:
Масада!*

Оба молчали, поражённые увиденным. Потрясали скалы, близость неба и тишина. Мощные серые камни со следами пожара лежали неподалёку от основания стен. Масаду спасла высота. И скалы. Арабы не смогли до неё добраться. Моше спустил верёвки собравшимся внизу археологам, и когда они поднялись, впечатление первозданной тишины было нарушено, но он ещё долго хранил его в своей душе, и образ Масады возникает в его стихотворных раздумьях.

*Со дней Авраама
твои сыновья знакомы с жертвоприношениями.
Где же ангел, который укажет барана,
чтобы заменить эту жертву...
Масада!
Пострадавшая... Испуганная... Восставшая...
Задержала дыхание и обняла своих детей.*

Масада была лишь одним этапом в жизни Моше Иоффе. На восстановлении её он проработал пять лет. И оставил своё имя в книге Игаля Ядина, посвящённой Масаде.

Я храню копию его фотографии из этой книги. Моше, худощавый, невысокий, похожий на подростка, – у одной из стен восстановленного строения квадратной формы со странными, напоминающими тетрадь в клетку, отверстиями. И здесь же комментарий Игаля Ядина:

«Моше Иоффе, наш главный строитель, принёс с собой маленького голубя и безуспешно пытается втиснуть его в одно из отверстий – оно оказалось слишком мало. Поэтому мы думаем, что отверстия эти предназначены для захоронения остатков кремнирования, как принято в Италии, в больших зданиях. Можно предположить, что Ирод построил это здание для захоронения своих слуг – не евреев».

Два здания, похожие по своей форме на квадраты, найдены в северо-западной стене, и, наверное, служили той же цели. Это колумбарий.

Когда мы видим Масаду сегодня, трудно представить, перед какими проблемами стояли те, кто восстанавливал её. Сколько вопросов возникало на каждом шагу, с каким трудом определяли предназначение разрушенных до основания строений. Моше привык к тому, что каждая встреча с памятниками прошлого готовит много неожиданностей. Бейт-Шеарим был рядом с его домом. Арабская деревня Шейх-Абрек выросла на месте древнего еврейского города, прославившего своё имя тем, что после восстания Бар Кохбы сюда перебрался Синедрион во главе с Иегудой ха-Наси – составителем Мишны. Он завещал похоронить себя в Бейт-Шеарим. Позже многие мудрецы Торы, оставляя этот мир, просили, чтобы их похоронили рядом с ним. Имена... Имена, выбитые в камне и сохранившиеся навечно. Всё те же еврейские имена, которые мы носим сегодня...

Спускаясь со своего холма, Моше проходил это место и памятью возвращался в юность, в те годы, когда успел ещё прикоснуться к еврейским источникам. То время было далеко от него, но реальность оказалась сильнее книг.

Земля Эрец-Исраэль сберегла свои святыни.

И всё же ничто так глубоко не проникло в его душу, как Масада. Он видел, как извлекают из пепла останки людей; в казематах, в прилегающих к ним землянках, где жили повстанцы, многое ещё напоминало об их быте. В больших залах царского дворца, разгороженных на комнаты, сохранились корзины, кожи, изделия из бронзы и стекла...

Чем углублённей были раскопки, тем ярче вырисовывалась картина жизни и смерти zelотов. Уже были найдены одиннадцать остраконов с именами тех, кому выпало быть последними, пока не остался один – единственный, тот, кто поджёг Масаду и покончил с собой.

*Перед разрушенным памятником –
преклоню голову.*

Тихий шепот:

«Остановись перед стеной, которая упала.»

*Поищи, поищи дрожащей рукой,
присмотрись к темноте:
внутри бассейна, под пеплом поколений,
на ступеньках: череп, женская коса,
сандалия и обувь ребёнка...»
Масада!
Ты принесла в жертву своё сердце.
Задержала дыхание и обняла своих детей...*

...Сколько строк прозы и поэзии написано о Масаде.

И первые, самые сильные, – те, о ком сказал Эльзар бен Яир, обращаясь к повстанцам: «Мужайтесь, герои, покройте себя славой! Уже давно постановили мы не подчиниться ни римлянам, ни другим властителям, кроме одного только Бога, ибо только Он истинный и справедливый царь над людьми. И вот наступило время исполнить наш обет... Не посраим же себя в этот час!»



Пытаюсь понять, что же так тронуло меня в словах Моше? И понимаю: встреча с памятниками прошлого не стала для него чем-то привычным – всё в нём будило волнение. Помню своё впечатление от фотографии танахической сандалии и женской косы на одной из страниц книги Игаля Ядина: потрясение и боль.

Моше касался руками этих вещей, напоминавших о чьей-то ушедшей жизни, ощущал на них пепел пожара, и в эти минуты был одним из тех, кто навсегда остался в земле Масады. Простые слова его стиха передают этот внутренний трепет... И читая их, я будто касаюсь чьей-то давно отзвучавшей души.

Не она ли, Масада, последней павшая в борьбе Иудеи против Рима, века пролежавшая в развалинах, вернула себе истинное величие, став символом свободы... Краеугольным камнем души народа.

* * *

Я всегда знала, что вернусь к образу Моше Иоффе. Бережно хранила давние интервью с ним, наброски мыслей, его самодельную книжку со стихами, на обложке которой нарисованы первые, встретившие его колючки из Шейх-Абрека...

Меня роднило с ним его отношение к этой земле, вело желание пережить волнение от встречи с прошлым, вновь осознать, что только нам дарована эта земля, нас ждала она, лишь мы могли вернуть её к жизни.

КАНУНЫ. ЧАСТЬ 2

Это отрывок из первой книги дилогии **«На краю бездны»**. Подзаголовок: **«Страсти по России Серебряного века»**. Это было время, когда люди в России «жили в разных веках, на разных планетах. ... Разрыв был болезненный и ужасный» (Н.Бердяев). Название книги – из цитаты Е.С.Боткина: «Проходил год за годом, а очаровательная, маленькая, сказочная страна Царское Село мирно спала на краю бездны». Книга вышла летом 2017 года в Москве, в издательстве «Вест Консалтинг».

*Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).*

Александр Блок. «Возмездие»

Глава 1. Москва, Старый Арбат

*Я полюбил укромный кров,
Гостеприимную квартиру.*

А.Белый. «Первое свидание»

ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ

«Помнится прежний Арбат: Арбат прошлого; он от Смоленской аптеки вставал полосой двухэтажных домов, то высоких, то низких; у Денежных дом Рахманова, белый, балконный, украшенный лепкой карнизов, приподнятый круглым подобием башенки: три этажа. В нем родился; в нем 26 лет проживал». (А.Белый, «Начало века»). Этот дом с круговым балконом, слава богу, сохранился после некоторых ужасающих последних перестроек Старого Арбата. В том доме сейчас музей Андрея Белого. В него попадаешь, поднявшись по витой внутренней лесенке. Несколько комнат, старинная мебель, экспозиции, по стенам развешаны замысловатые схемы, записи, круги, разноцветные стрелки в разные стороны. Линия жизни. «Мужество; рассудительность; справедливость; природа зла...»

На круговой, угловой балкон можно выйти, постоять, глядя вниз, пытаюсь восстановить в воображении картины не такого уж давнего прошлого, когда появлялся «в Москве, на Пречистенском бульваре с гувернанткой и песиком ... необыкновенно хорошенький мальчик – Боря Бугаев, сын профессора математики. ... Зо-

лотые кудри падали мальчику на плечи, а глаза у него были синие. Золотой палочкой по золотой дорожке катил он золотой обруч» (В. Ходасевич. «Некрополь»).

«**Золото в лазури**» – так назывался сборник стихов Андрея Белого. Батюшка, профессор Бугаев, говаривал: «Я надеюсь, что Боря выйдет лицом в мать, а умом в меня». Матушка Бориса Николаевича была красавицей.

Борис Николаевич учился на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета. В студенческой среде здесь, как и везде тогда, мудрствовали, философствовали, искали новые образы мира.

«...бывало – студентом идешь; а из правого дома за шторкою – око; из левого дома, из форточки, – высунутся: и согласно решают, что “Боренька”, мол, Николая Васильевича сын, с “Апокалипсисами” подмышкою шествует в дом Осетринкина, что у Остоженки, чтоб о семи громах мудрствовать».

«Что же я читал? Лейбница, Канта, Шопенгауэра, Рилля, Вундта, Гейфдинга, Милля, Спенсера, Вл. Соловьева, Гартмана, Ницше, Платона, “Опыты” Бэкона... (Юма, Локка, Маркса, Энгельса, Герцена, Гегеля я читал потом.)».

«Иные из нас, задыхаясь во всё заливающим мещанстве, в пику обстанию аплодировали всему “ненормальному”, “необщему”, “болезненному”, выявляя себя и антисоциально; “чудак” был неизбежен в нашей среде».

Студентом Борис Николаевич уже писал критические статьи, читал лекции о новом течении – символизме, вызывавшие неоднозначную реакцию. В студенческие годы была опубликована его «Драматическая симфония», имя его в литературных кругах было уже известно.

А ниже этажом, в том же доме, «каменном, серо-оливковом, с “нашей” аптекой, с цветными шарами, зеленым и розовым», поселилась в конце 1892 года семья Соловьевых: Михаил Сергеевич, сын историка Сергея Соловьева, его жена Ольга Михайловна, художница, и их сын Сережа, гимназист, ставший, несмотря на разницу возраста в пять лет, другом Бори Бугаева. Это было замечательное соседство. Квартира Соловьевых сыграла огромную роль в становлении поэта, которого будут знать под псевдонимом Андрей Белый. Сам быт, обстановка квартиры Соловьевых создавали впечатление уютного «подводного царства». На стенах – картины, ассирийские фрески, египетские сюжеты, художественный беспорядок, всюду разбросаны книги...

«Бывало, летит записка из третьего этажа во второй: “Дорогой Сережа, не придете ли?” Или: летит записка из второго этажа в третий: “Дорогой Боря, не придете ли?”».

Сюда приходил и «дядя Володя», философ Владимир Соловьев, брат Михаила Сергеевича, «великий мистик». Здесь Боря Бугаев читал свои первые литературные, философские и критические опыты.

«Квартира Соловьевых связалась мне с авторством. В 1901 г. я колебался: кто я? Композитор, философ, биолог, поэт, литератор или критик? Я в “критика”, даже в “философа” больше верил, чем в “литератора”».

«Три часа ночи; Духов день... прочел... рукопись... Михаил Сергеевич слушал молча... спокойно... сказал: “Из теперешней литературы лишь Чехов да Боря меня утешают”. И еще: “Вы – писатель”».

Михаил Сергеевич напечатал в «Скорпионе» рукопись, о которой сам автор «и не думал, что она есть литература. Но он был непреклонен; и я стал **«Белым»**.

Белый цвет был «символом воплощения **Полноты бытия**. Соединение семи церквей, семи рек, текущих из рая в поток, скачущий в жизнь бесконечную». Белый – «цвет Апокалипсиса», «белый всадник, белые одежды», белый камень, белые метели».

«Белый дал он мне цветок».

Это был любимый цвет Владимира Соловьева.

«Последние времена пришли!.. Вот еще какой-то Андрей Белый завелся, завтра читает лекцию... А всего хуже, что из приличной семьи, профессорский сын, Николая Васильевича Бугаева сын. Почему не Бугаев – Борис, а Белый – Андрей? От отца отречься? Видно, уж такого насочинил, что подписаться стыдно? Что за Белый такой? Ангел или в нижнем белье сумасшедший на улицу выскочил? – разорялась, трясясь бриллиантами», – тетушка Марины Ивановны, тогда еще гимназистки (М.Цветаева. «Пленный дух»).

Молодость, первые влюбленности, прогулки по арбатским переулкам. Сын профессора математики был влюблен в Маргариту Кирилловну Морозову, светскую львицу, хозяйку салона, меценатку и устроительницу издательских дел. Он писал ей любовные письма, не подписывая... Дама была старше Бориса Николаевича на восемь лет, замужем. Он вообще, как-то так потом всё получалось, влюблялся в чужих жен...

«Помню таяние снега на Страстной; жару, раннюю Пасху, крик зорь; и мы с гимназистом Сережей бродим – Арбатом, Пречистенкой; я – искать видеть “даму”; а он – гимназистку свою».

*О, незабвенные прогулки,
О, незабвенные мечты,
Москвы кривые переулки,
Промчалось всё: где, юность, ты!*

Глава 2. ДЕВА РАДУЖНЫХ ВОРОТ

ВЕЛИКИЙ МИСТИК

Ольга Михайловна Соловьева терпеть не могла Достоевского. Она «всё переписывалась с Алей, которой сын писал стихи».

От чьих стихов Боренька по полу катался от восторга.

Аля – двоюродная сестра жены Соловьева, Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттух по второму мужу, а сын её носил фамилию первого мужа: Блок.

«Осень и зиму 1901 года мы обсуждали стихи А.А. Блока, мы ожидали всё новых получек стихов ... здесь нам чуялось “вещее”; приподымалось “заветное”», – из воспоминаний Андрея Белого. Ольга Михайловна читала молодому другу письма Али, Зины Гиппиус...

А Сережа Соловьев восхищался своим дядей Владимиром Сергеевичем. «Он был очень сильный медиум».

Владимир Сергеевич Соловьев родился в Москве, в доме на углу Остоженки и Лопухинского переулка. Учился в Московском университете на физико-математическом отделении, но потом перешел на историко-филологическое. Еще в студенческие годы он отошел от естественных наук, которыми тогда увлекались. В 22 года он уже был магистром философии.

«Моя юношеская диссертация, а также вступительная речь на диспуте (магистерском) резко шли против господствовавшего у нас в то время позитивистического течения и, доставивши мне *success de scandale* в большой публике и у молодежи, вместе с тем обратили на меня внимание “старших”».

Знания его были обширны и многосторонни; он изучал древнееврейские и коптские рукописи; знаток эллинской речи, он перевел «Диалоги» Платона. Его органично притягивала мистическая, непознаваемая картина мира.

«Наука о подлинном сущем – метафизика».

Он основал религиозную философию, утвердив единство трех начал истинного познания: науки, философии и религии.

«В основе истинного знания лежит мистическое или религиозное восприятие...»

За несколько лет до того, как силой мысли, блуждающей по лабиринту разума, Дмитрий Мережковский постиг новую религию, религию Духа, – Соловьев на себе самом ощутил воздействие этой силы, незримой и неосязаемой, всепроникающей, – это пронизывающее мироздание духовное начало, Единство, неотделимое от Божества.

«Это другое Единство – пассивное, женское, вечная пустота, чистая потенция ... вещество невещественное, невесомое, всепроникающее и всепроницаемое, наука называет это “эфиром”».

У него был собственный мистический опыт. Он назвал это самым значительным в своей жизни. Он описал это в полумистической-полушутливой поэме «**Три встречи**». С Нею.

Три встречи. Три начала познания.

В одно и то же время одна и та же истина является разным людям в разделенных уголках пространства.

Владимир Соловьев преподавал на Высших женских курсах в Москве, на Пречистенке, в доме Степанова, пользовавшемся дурной славой из-за обитания в нем нечистой силы. Читал лекции в Петербургском университете, увлекая студентов своей религиозно-философской концепцией.

«У Соловьева замечательно красивые сине-серые глаза, густые темные брови, красивой формы лоб и нос, густые, темные и несколько вьющиеся волосы. Во всем облике Соловьева разлито выражение чрезвычайной доброты».

Так написала студентка, посещавшая его лекции.

ТРИ ВСТРЕЧИ

«И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, на главе ее венец из двенадцати звезд» (Откр.12:1).

«**Интересующийся:** Тогда как вы объясните, что человек наделен Духом или Душой? Откуда они? **Теософ:** От Мировой души» (Елена Блаватская «Ключ к теософии»).

Мировая Душа – разлитое в космосе великое царственное и женственное существо, «Вечная Женственность», первопричина, побудившая Бога создать мир.

«**Я, Владимир Соловьев, уроженец Москвы, призывал Тебя и видел Тебя трижды**».

Он потом узнал Ее имя: **София, Премудрость Божия**.

В первый раз это неосязаемое коснулось его души в нежном возрасте, когда ему было девять лет. Она явилась ему, Жена, Облеченная в Солнце, это было за воскресной обедней в церкви Великомученицы Татьяны.

*Пронизана лазурью золотистой,
В руке держа цветок нездешних стран,
Стояла ты с улыбкою лучистой,
Кивнула мне и скрылася в туман.*

Во второй раз, как всегда неожиданно, это с ним случилось, когда работал с древними рукописями в библиотеке Лондонского музея в 1875 году. Он был молод, но уже магистр философии и доцент Московского университета по историко-филологическому отделению. Философ любил тишину, уединение музея.

*Пусть там снуют людские мириады
Под грохот огнедышащих машин,
Пусть зиждутся бездушные громады,
Святая тишина, я здесь один.*

Она явилась ему, и дан был сигнал: идти в Египет.

*С рассудком чувство даже не боролось,
Рассудок промолчал, как идиот.*

В Египте, в Каире, он остановился в гостинице, а оттуда отправился пешком, в пустыню, получив очередной призыв:

*Как ветерок, прохладное дыханье:
В пустыне я – иди туда за мной.*

Пешком – потому что не так-то просто добраться из Лондона в Сахару, когда

*В моем кармане хоть кататься шару,
И я живу в кредит уж много дней.*

Пешком, но «в цилиндре высочайшем и пальто», из-за чего в пустыне его

*За черта приняли, в здоровом бедуине
Я дрожь испуга вызвал и за то
Чуть не убит.*

Перепуганные дети пустыни связали философа, привели в становище, и был суд шейхов, крикливый и бурный. Могли и убить; но отвели подальше в пустыню, развязали, отпустили и поскорее ускакали с гиканьем. Там, в пустыне, он спал на земле. Ночью было очень холодно.

*Прилегши наземь, я глядел и слушал...
Довольно гнусно вдруг завыл шакал;
В своих мечтах меня он, верно, кушал,
А на него и палки я не взял.*

Когда вернулся в Каир, «улыбки розовой душа следы хранила / на сапогах – виднелось много дыр».

*Всё видел я, и всё одно лишь было,
Один лишь образ женской красоты,
Безмерное в его размер входило,
Передо мной, во мне одна лишь ты.*

Поэма «Три встречи» была написана в имении Пустынька Тверской губернии, месте его одинокой медитации, в сентябре 1878-го, через три года после последнего свидания с Нею. «Осенний вечер и глухой лес внушили мне воспроизвести в шуточных стихах самое значительное из того, что до сих пор случилось со мною в жизни».

Поэма понравилась, как сам автор замечал, «некоторым поэтам и некоторым дамам».

Белла Верникова

«КАЗУС БЕНИ КРИКА» ЕВГЕНИЯ ДЕМЕНКА

Эссе-рецензия

Писатель Евгений Деменок выпустил в украинском издательстве «Фолио» книгу рассказов «Казус Бени Крика. Рассказы об Одессе и одесситах» (Харьков: Фолио, 2015).

В аннотации книги указано, что автор родился в Одессе в 1969 г., и с помощью цитаты упомянута одесская литературная традиция: «Чтобы родиться в Одессе, надо быть литератором», – сказал почти сто лет назад Юрий Олеша. Одесская литературная традиция продолжается, и книга, которую вы держите в руках, – еще одно тому подтверждение».

О продолжении традиции свидетельствуют названия вошедших в книгу рассказов, тематически связанных с текстами одесских писателей, заявивших о себе в 1920-е годы, – Бабеля («Казус Бени Крика»), Олеси («Ни дня без строчки»), Ильфа и Петрова («Управдом из Тель-Авива»). Основной прием построения этих и других рассказов, собранных в книге Евгения Деменка «Казус Бени Крика», – литературная мистификация как сюжетообразующий фактор, – также имеет отношение к одесской литературной традиции.

Ранее этим приемом воспользовался переехавший из Одессы в Москву писатель Лев Славин в романе «Наследник», напечатанном в 1930 г. в журнале «Красная новь» (№9–10) и вышедшем в Москве в 1931 г. отдельным изданием.

Как отмечено в моей книге «Из первых уст. Эссе, статьи, интервью» (М.: Водолей, 2015. Стр. 173, 174): «Роман Л.И.Славина “Наследник” был опубликован в 1931 г., когда советская идеологическая машина еще не подмяла писателей, воплощавших в художественной прозе свой эмпирический и духовный опыт и пытавшихся разобраться, что произошло с ними и со страной».

Далее я цитирую публикацию Вадима Яромолинца «Одесский узел Шкловского» в журнале «Волга» (№ 1–2, 2011): «В статье “Юго-Запад” Шкловский решительно отверг попытку автора романа “Наследник” одессита Льва Славина объяснить генеалогию своего героя Сергея Иванова. Шкловский счел эту попытку искусственной. Между тем, она может иметь основополагающее значение для понимания генеалогии одесской литературы ... один дед – граф Шабельский, второй – торговец зерном Абрамсон».

Заметив, что эта генеалогия восходит к ранней прозе Осипа Рабиновича, я фиксирую характерные черты одесской дореволюционной литературы, выявленные в 1849 г. критиком «Отече-

ственных записок» в отзыве на повесть О.А.Рабиновича из 1-го тома одесского альманаха «Литературные вечера» (1849): «...повесть взята из коммерческого быта и представляет ту смесь народонаселения, которая характеризует Одессу».

Литературная мистификация как фактор построения сюжета у Льва Славина сводится к тому, что опираясь на чеховскую пьесу «Иванов», Славин называет героев романа «Наследник» чеховскими именами и использует фрагменты их биографий, объясняя эти совпадения тем, что история семьи Сергея Иванова была рассказана известному писателю Чехову, который взял ее для сюжета пьесы, даже не изменив имен из-за типичности этих персонажей:

«Моим соседом по комнате оказался человек по фамилии Духовный, военный корреспондент газеты “Биржевые ведомости”. ... – А знаете что, – сказал Духовный, иронически глядя на меня, – я передумал. Мне нет никакого интереса дружить с вами. Вы даже не человек. Вы выдуманы. Вы выдуманы Чеховым. ... Ваш дед граф Шабельский? А другой – Абрамсон? Так. Ваш отец Николай Алексеевич Иванов? Кончил самоубийством? Все совершенно сходится. Ваша матушка Сарра Абрамсон, иначе Анна Степановна, умерла от чахотки? Так. Имя купеческой вдовы Бабакиной вам тоже, конечно, знакомо. Все это персонажи из драмы Чехова “Иванов”. Там все это описано. Ну, я ведь не отвечаю за ваше незнание классической литературы».

Лев Славин в романе «Наследник» использует прием сюжето-образующей мистификации с тем, чтобы показать, что его герой, как пишет В.Ярмолинец, «может продолжить русскую дворянскую линию, а может – еврейскую коммерческую, но он отказывается от обеих составляющих своего наследства. Обе одинаково бесполезны для построения нового общества».

О сильном впечатлении от чтения романа Льва Славина «Наследник», печатавшегося в журнале «Красная новь», вспоминал автор «Факультета ненужных вещей» писатель Юрий Домбровский:

«Вот это-то знакомство я помню очень ясно. Произошло оно летом 30 года, в Лефортовском военном госпитале, где я работал тогда санитаром. Днем я сбивался с ног, а ночью, когда все затихало, – и телефоны, и души, и посетители, – я сидел на широком, – еще екатерининском, – подоконнике и читал. Толстых журналов тогда выходило примерно столько же, как и сейчас. Уже были “Молодая гвардия”, “Звезда”, “Новый мир”, “Октябрь”, “Сибирские огни”. Но выходил и еще один журнал самый почтенный и уважаемый... – “Красная новь”.

Люди моего поколения помнят его бурые обложки, твердые, крепко схваченные и жестко сброшюрованные книжки, хрустящие и белые страницы, отпечатанные, как мне сейчас кажется, на ка-

кой-то хорошей, особенно чистой бумаге. Вот там-то не то в июле, не то в августе я и повстречал дотоле мне неизвестное имя Льва Славина и название романа “Наследник”. И стал читать этот роман, и когда отложил его, было уже утро».

Юрий Домбровский воспринимает без оговорок чеховское прошлое семьи Сергея Иванова, главного героя романа «Наследник», – пересказывая содержание захватившего его произведения, он пишет: «Иванов, так фамилия фендрика, сына того самого Иванова, которого мы можем увидеть в Художественном театре...».

Я подробно останавливаюсь на приеме сюжетообразующей мистификации, поскольку в рецензируемой книге Евгения Деменка указанный литературный прием задействован при создании одесских рассказов, складывающихся в метапрозу, отвечающую определению Дмитрия Сегала (с 1974 года зав. кафедры славистики Еврейского университета в Иерусалиме) в статье 1981 г. «Литература как охранная грамота», которую более четверти века цитируют исследователи литературы.

Например, Марк Липовецкий в книге «Русский постмодернизм: очерки исторической поэтики» (1997) или Комия Митико в диссертации «Романы Ю.К. Олеси “Зависть” и “Три Толстяка” как метапроза» (2013): «Сегал, в сущности, определяет важнейшие признаки того, что может быть названо метапоэтикой... [тексты] такого рода трактуют тему создания литературного произведения, они посвящены творческому процессу, понимаемому как часть жизни, иногда как ее заместитель, иногда как ее творец, а иногда – как ее устранилитель. Равным образом они трактуют тему писателя и писания, некоторые из них включают в себя – цитатно или путем описания – тексты, о создании которых повествуется».

В рассказе Е.Деменка «Управдом из Тель-Авива» с посвящением светлой памяти Александры Ильиничны Ильф, привлечшем мое внимание при публикации в марте 2014 г. в газете «Всемирные одесские новости» (№ 1 (87), открытой в Интернете, приведены попавшие в руки автора письма к Евгению Петрову от его приятеля Иосифа Бендера, поселившегося в конце 1920-х гг. в Тель-Авиве и знакомого с рукописью «12 стульев» и «Золотого теленка».

Привожу в сокращении одно из писем, вводящее читателя в реальный литературный круг, привлеченный в этот рассказ посредством авторской мистификации (мотив писем к писателю от его литературного героя):

«Дорогой Женя.

Дела мои идут неплохо. Да что там неплохо – отлично! Сбылась, наконец, моя мечта о Святой Земле. Тут много наших, и я чувствую себя почти как дома, разве что климат ежедневно напоминает об обратном. наших – это и одесских, и вообще рус-

скоязычных. Помнишь Александрова? Мы часто встречаемся с ним. Тут он, конечно, Зускин. “Шелег Леванон” и “Кесит” – это названия кафе, где мы собираемся, чтобы почитать друг другу стихи и прозу. Теслер, Альтерман, Элираз, Горовиц, Шапир — эти имена ничего не скажут тебе, но для Тель-Авива они то же самое, что Олеша, Багрицкий, Валя для Одессы. Мне хорошо тут.

Здесь все пишут на иврите. Пишу и я – потихоньку, но всё более уверенно. Эзра переводит на иврит Багрицкого. Я уговариваю его писать воспоминания о “Коллективе поэтов” и его жизни с Олешей и Валей в Харькове, пока память не стерла детали. Я показал Эзре рукопись “Двенадцати стульев”. Он в восторге. Сказал, что если бы роман опубликовали тут, я стал бы звездой. Кстати, Эзра руководит литературным приложением к газете “Давар”, так что мы можем публиковать тут отрывки из “Стульев” и из вашего нового романа. Он берется за перевод.

Магидович затеял сейчас большое строительство. Заказов хоть отбавляй. Скоро ему понадобятся помощники – дома нужно подключать к воде, электрифицировать. Управлять, в общем. Думаю пойти – нужны деньги. Литературные труды и живопись не дают средств для сколько-нибудь пристойной жизни. Увы, искусство – лишь тонкий слой масла на черством хлебе борьбы за существование.

Забавно представлять себя в роли управдома...

Засим кланяюсь и надеюсь на скорый ответ,

Илюше огромный солнечный привет,

Ваш Йосеф Бендер.

22/IV/1929».

Последнее из писем подписано:

«Засим остаюсь верно любящим вас.

Привет Илюше, Вале и Вале.

Ваш Остап. Шучу.

16/II/1930».

https://www.odessitclub.org/publications/won/won_87/won_87-7.pdf

Упомянутые Евгением Деменком в приведенном письме писатели, завсегдатаи тель-авивских кафе 20-х – 30-х гг., репатрианты из Российской империи и послереволюционной России, подробно представлены в публикации израильского историка литературы Зои Копельман «О русском подтексте ивритской литературы», открытой в сети:

«...не только к книгам русских поэтов не иссякало пристальное внимание израильских авторов. Самый их взгляд на мир преломлялся сквозь магический кристалл русской литературы. Свидетельства неисчислимы. ... Второе свидетельство – домашние русские стихи, которые уроженец Одессы, израильский поэт Эзра Зусман (1900–1973), посвятил жене другого израильского поэта,

Элиягу Теслера (1901–1965), в один из вечеров в кафе “Шелег Леванон”. Там собиралась тель-авивская литературная богема... Стихотворение ... заканчивается впечатлением от той, к кому обращено: “Вы ... улыбались / Аннахматовской улыбкой”.

Это “стихотворение по случаю” зафиксировало типичную сцену из жизни ивритских литераторов, список которых находим в дотошной биографии поэта Авота Иешуруна (Иехизля Перельмутера): В середине 30-х годов кафе “Кесит” и “Арарат” на ул. Бен-Иегуды и “Шелег Леванон” на ул. Алленби, оплоты Шлионского и его компании – группы “Яхдав” и авторов журнала “Турим” (поэты: Леа Гольдберг, Рафаэль Элираз, Э[лиягу] Теслер, Натан Альтерман, а позднее Иехизль Перельмутер; прозаики: Яков Горовиц, Менаше Левин и Э[лиягу] Д[авид] Шапир; критики: И[сраэль] Змора, Ш[имель] Генес, И[цхак] Норман и др.)».

(<http://eholit.ru/news/773/>).

Уроженец Одессы поэт Эзра Зусман – в рассказе Е.Деменка возможный переводчик на иврит фрагментов «Стульев» с дальнейшей публикацией перевода в тель-авивской газете «Давар», представлен на пересечении русской и ивритской литератур в статье профессора Еврейского университета в Иерусалиме Романа Тименчика в журнале «Лехаим» (№5 (169), май 2006):

«Кубисты открыли для себя прием детали двойного назначения, когда один завиток одновременно обозначал и часть скрипичного изгиба, и складку человеческого лица. Поэт, о котором пойдет речь, был такой деталью на пересечении двух литератур.

Эзра Александров, “тонкий, изящный, мечтательный лирик”, “блеснул талантливими стихами” (С. Бондарин) в Одессе 1920 года. Семен Гехт вспоминал о знакомстве с Эдуардом Багрицким (произошедшем в конце 1922 года):

– Эх, вы не застали здесь Эзру Александрова, – сказал он мне в первый же день. – Вот был поэт!...

“Прекращение литературной деятельности”, о котором упоминали мемуаристы в подцензурной печати, было эвфемизмом: Эзра Абрамович Зусман, писавший под псевдонимом Александров, в 1922 году уехал из России в Палестину.

Там Эзра Зусман (1900–1973) стал писать стихи на иврите. Израильские стихохлюбы с восхищением вспоминают, например, филигранные пейзажи его стихотворения “Тверия в дождь”. Он переводил на иврит русскую поэзию...

Был ведущим театральным обозревателем, редактором литературного приложения к газете “Давар”, писал интересные эссе о природе поэтического высказывания. Из русского стихотворчества он ушел навсегда, оставив на память о своем существовании в нем едва ли не единственно приведенные выше обрывки. На слух пишущего эти строки, они обещали явление еще одной

своеобразной индивидуальной поэтики в стилевом регистре 1920-х годов.

Насколько можно судить по этим клочкам, Эзра Александров стремился найти нечто среднее между стиховой дикцией акмеистов и футуристов. Впрочем, это можно сказать и о других молодых одесситах его поколения. Попытка такого синтеза была и у Валентина Катаева, позднее рассказывавшего Зусману о причинах, по которым он отошел от стихописания. ... критика сразу заметила: «Честные акмеистические стихи В.Катаева напоминают Гумилева, сдобренного Пастернаком» (Вера Лурье)».

В статье Романа Тименчика приведены написанные по-русски отрывки воспоминаний Эзры Зусмана из семейного архива, дающие новое понимание известных фактов литературной жизни одесских писателей.

О Валентине Катаеве:

«Катаев, как и Багрицкий, был страстный любитель моря и степи. У него было обостренное чувство запаха, и <он> мне иногда казался красивой охотничьей собакой. В его теплых, слегка прищуренных глазах было что-то от цыганщины... «Меня съел Пастернак», – сказал мне Катаев при встрече в Париже».

Об Исааке Бабеле (курсив мой):

«В Москве он культивировал, главным образом, искусство молчания и достиг в этом высоких результатов. Тут он занимался разными подсобными ремеслами. Письмо, которое в Одессе было естественным, внутренним, интуитивным, – он говорил: «письмо без помарок» (иначе не могли быть написаны в такой короткий срок «Конармия» и «Одесские рассказы»), стало проблемой. Больше, чем писал, он переписывал, правил. *И человек, который писал слово к слову, решил оставить короткую новеллу и перейти к роману, и еще на тему коллективизации. Это было какое-то совершенно несуразное задание».*

<https://lechaim.ru/ARHIV/169/timenchkik.htm>

Давший название книге рассказ Евгения Деменка «Казус Бени Крика», где упоминают известный герой «Одесских рассказов» Бабеля, представляет собой детективно-культурологическую метапрозу, основанную на нескольких фактах, вынесенных автором в финальную «Историческую справку».

Приведены сообщения из одесской газеты 1898 г. о том, что творец «Бурлаков» Е.И.Репин прибыл из Петербурга в Одессу, и на пароходе «Рапид» отправляется в Константинополь и оттуда в Палестину, где будет писать этюды для картины «Искушение Христа», и что «у Репина в купе украли большую сумму денег и саквояж»; а также характеристики «Первой алии» – массовой эмиграции евреев в Эрец-Исраэль в начале 1880-х гг., и основанного в Одессе Л.Пинскером и М.Лиленблумом в помощь этой

эмиграции общества «Ховевей Цион», получившего официальное название «Общество вспомоществования евреям земледельцам и ремесленникам Сирии и Палестины». Помещены также сведения о молдавском городе Крикова, знаменитым производством криковских вин, где, по версии Е.Деменка, гуляли свадьбу Бени Крика (вдали от Одессы, как сказано у Бабеля).

По правилам построения метапрозы Евгений Деменок рассказывает читателю, как узнал от двух почтенных одесситов, краеведа и искусствоведа, историю ограбления в Одессе Ильи Репина, который вместе с сопровождавшим его художником Валентином Серовым взялся по поручению российских сионистов перевезти в Палестину большую сумму денег для созданных здесь еврейских поселений, и как посредством сложных размышлений и архивных разысканий Е.Деменок восстановил, каким образом Репин и Серов возместили украденные деньги в счет стоимости написанных ими портретов, витиеватыми путями, изложенными в рассказе, попавших в коллекции израильских музеев.

В том, что все это литературная мистификация, можно убедиться, восстанавливая исторические события, якобы описанные в рассказе, но автор и не скрывает этого всем строем своей книги, от рассказа к рассказу обнажая прием.

К примеру, рассмотренный рассказ «Управдом из Тель-Авива» заканчивается авторским сожалением, что он до сих пор не собрался обзвонить многочисленных обладателей фамилии Бендер из израильской телефонной книги, чтобы найти следы реального прототипа героя романов Ильфа и Петрова.

А рассказ «Мама и “Би Джиз”» весь построен на экзотическом факте – в 1969 г. популярная западная группа «Би Джиз» выпустила музыкальный альбом «Odessa». Правда, Евгений Деменок заигрывается в документировании своих произвольных построений.

В рассказе Е.Деменка «Ни дня без строчки», повторяющем название вышедшей посмертно книги Юрия Олеши 1965 г., подготовленной к печати Виктором Шкловским посредством отбора и компоновки проходимых в то подцензурное время отрывков его дневниковой прозы, полностью изданной в «Книге прощания» (М.: Вагриус, 1999) к столетию Ю.К.Олеши, содержится блестящий каламбур Евгения Деменка, не лучшим образом размещенный в тексте. Рассказывая, что в дореволюционной Одессе в годы детства Олеши жило около трехсот тысяч евреев, и многие из них были ремесленниками самых разных профессий: ювелиры, портные, часовщики, сапожники, стекольщики, булочники, жестянщики и пр., о чем Олеша постоянно упоминает в своих дневниках, в том числе вспоминая вывески одесских лавок, напр., часовой магазин Иосифа Баржанского, Евгений Деменок пишет о

своим разысканием гимназической тетради Юрия Олеши, хранящейся в РГАЛИ, и приводит найденную в этой тетради фразу:

«Одна из вывесок – на ателье известных одесских портных Файнштейнов – гласила: “Только в нашем ателье – лучшие швейные машинки ‘Зингер’!” Ни дня без строчки!»

Эта архивная находка вызвала у меня восторг, о чем я написала Евгению Деменку, на что он ответил, что это книга рассказов, а не научное исследование. То есть, никакой тетради с фразой Юрия Олеши о буднях портных под девизом «ни дня без строчки» не было, и это очередная авторская мистификация. Здесь возникают претензии к автору книги «Казус Бени Крика» в неоправданном введении в текст выдумки по поводу архива РГАЛИ и некоторых фактов в других рассказах, не поддержанных тем или иным комментарием, дающим читателю возможность ощутить прием литературной мистификации. Тем более, что Е.Деменок не только писатель, но и исследователь, автор ряда культурологических статей и книги «Новое о Бурлюках».

В заключение хочется сказать, что метапроза Евгения Деменка и моя рецензия на книгу рассказов «Казус Бени Крика» следуют напутствию итальянского культуролога и писателя Умберто Эко, приведенному мною в одном из эссе, – чтобы «наши научные исследования не были лишь достоянием библиотечной полки, а получили бы широкое распространение и пополнили собой современную культурную жизнь».

«НА ИДЕОЛОГИИ НЕ ЭКОНОМЯТ»

В 1973 году СССР наконец подписал международную конвенцию по охране авторских прав, и в Минске появился филиал Всесоюзной ассоциации – ВААП, – занимающейся этими проблемами. В частности, именно от ВААП зависело, какие книги зарубежных писателей будут доступны читающей публике в СССР. Понятно, что организация эта была абсолютно закрытой, однако некоторые эпизоды ее деятельности все же просачивались в журналистские круги. Правда, почти все они были связаны с событиями, происходящими в «центре», то есть в Москве. Из уст в уста переходили наиболее анекдотические ситуации, как правило, почерпнутые из передач «Голоса Америки», и это действительно было бы очень смешно, если бы не было так грустно.

1

Рассказы о том или ином событии, связанном с деятельностью ВААП, невольно наводили на мысль, что эта структура охраняет не права зарубежных авторов, а «права» советских читателей, защищая их от «тлетворного влияния гнилой буржуазной демократии».

В одной из историй, получившей широкое хождение, к примеру, рассказывалось, как известная американская коммунистка Анджела Дэвис, сидя в тюрьме, защищала свои гражданские права. Анджела красочно описала это в «Автобиографии», переведенной на русский язык и подготовленной к выпуску в издательстве «Прогресс». Она подробно рассказала, например, как адвокаты судились с властями, чтобы улучшить условия ее содержания в тюрьме. При этом некоторые ее просьбы рассматривались даже на уровне комиссий Конгресса США. Из одиночной камеры ее перевели в общую. Из-за болей в спине постелили на пол ковер с большим ворсом, а в конечном итоге, отвечая на все возрастающие требования заключенной, установили вместо черно-белого телевизора цветной. Как у уголовников.

Ну в самом деле, как ВААП мог допустить к изданию книгу с такими подробностями, которые и сегодня, спустя тридцать лет, кажутся для читателей в странах бывшего СССР фантастикой? А чего стоит глава из ее книги о лесбийских нравах в американских женских тюрьмах – тема для пуританской советской страны абсолютно закрытая. А убирать эти главы из подготовленной к печати книги Анджелы Дэвис ее адвокаты категорически отказывались.

Или история о том, как был пущен под нож весь тираж книги известного шведского физика-ядерщика только из-за того, что в списке

Мемуары

литературы, в самом ее конце, были помещены выходные данные четырех работ уже к тому времени опального академика Сахарова!

Все эти цензурные фокусы мы хорошо понимали, воспринимая их как проявление большой государственной политики, никакого отношения к нашей реальной журналистской жизни не имеющей. Практика деятельности газет и журналов и без этого приучила нас к такой жесткой самоцензуре, что мы уже заранее знали, что мы можем себе позволить, а чего нет. Некоторый опыт в этом отношении был и у меня, хотя я, оставаясь профессиональным врачом, был только внештатным автором. К примеру, изгнание из молодежной редакции Белорусского телевидения Саши Радуцкого, который был редактором первой передачи КВН в республике по моему сценарию еще в 1964 году. Или запрет в 1980 году джазовых передач на ТВ, которые я до этого готовил и сам вел, после исключения из партии и отъезда в эмиграцию блестящего тележурналиста Славы Добина. Да и многолетние скитания по издательствам моей повести «Зов Прометея» тоже были для меня хорошей наукой. Все это приучило меня к мысли об абсолютном бесправии литератора на его творческом поприще в этой стране.

А в конце восьмидесятых я столкнулся еще и с фактами изъятий без моего согласия и даже просто в тайне от меня целых кусков текста из моих книг, уже подготовленных к выходу.

После появления второго издания моей книжки «Творцы и мастера», я, просматривая текст, обнаружил, что из нового очерка «Танк на пьедестале» исчез один абзац. За объяснениями я обратился к редактору, и милейшая Светлана Михайлова, смущенно улыбаясь, объяснила мне, что произошло.

– Понимаете, Яков Зиновьевич. Мне, честно говоря, даже неудобно говорить. Но дело в том, что вы там пишете, что до войны люди, которые определяли политику государства в области оборонной промышленности, недооценивали роль танковых войск, что самым трагическим образом отразилось на ходе всей Второй мировой войны. И что главные виновники этого – Ворошилов и Буденный, которые, опираясь на свой опыт Гражданской войны, продолжали наращивать кавалерию. Более того, вы предполагаете, что их противники в этой концепции – Тухачевский, Блюхер, Якир – и были устранены из армии и лишены жизни за свое упорство в отстаивании своих убеждений.

– Ну и что? – спрашиваю. – Теперь-то уже можно об этом писать открыто!

– Не совсем, – отвечает. – В Главлите эта книга попала в руки бывшего полковника, убежденного сталиниста. Он такие вещи не пропускает. Я решила, что лучше пожертвовать одним абзацем, чем всей книжкой.

Когда же вышла в издательстве «Университетское» другая моя книга – монография «Жажда идеала» – о массовых песнях национально-освободительных движений XIX века, от «Марсельезы» до «Интернационала», из текста тоже исчез один абзац. В нем раскрывались причины, побудившие поэта Аркадия Коца (Данина) перевести на русский язык текст «Интернационала», ставшего позднее партийным гимном. Одной из них был шок, пережитый молодым человеком после еврейского погрома в Одессе. Приводился отрывок из его стихотворения, написанного по этому поводу. Этот эпизод из текста таинственным образом исчез. Объясняться с редактором я уже не пошел: все было понятно и без его объяснений.

В целом же ситуация обострялась параллельно обострению в стране еврейского вопроса. Контроль над текстами, в которых были хотя бы малейшее упоминание о евреях, был невероятно жестким, а самоцензура авторов и редакторов – маниакально мелочной, особенно если они сами были евреями. Несколько неприятных инцидентов было и у меня. Произошло это во время сотрудничества с журналом «Рабочая смена». А один из них просто завершился ликвидацией этого популярного в молодежной среде издания.

2

В конце 1979 года судьба столкнула меня с человеком, о котором я знал одно – его кличку в журналистских кругах. А кличка действительно была уничтожающей – Клоп. Как она возникла, я не знаю, но что-то меня подталкивало к мысли, что в ней есть намек на героя пьесы Маяковского «Клоп» – хотя бы по схожести с той социальной ролью, которую оба «клопа» в жизни играли.

Как журналист по кличке Клоп появился в редакции журнала «Рабочая смена», с которым я к этому времени сотрудничал уже более четырех лет, я не помню. Помню только, как заместитель главного редактора этого журнала Борис Пастернак, пригласивший меня в свое время принять участие в становлении журнала, влачившего до этого жалкое существование, сказал: «Слушай, Яша, ты не можешь себе представить, какого рода гадость Коля Латыш принял недавно к нам на работу. Его уже выгнали из двух газет, и теперь вот это дерьмо оказалось у нас». Вскоре я уже знал, что новый сотрудник отзывается на имя Виктор (имя изменено), что он – стукач, и что в его присутствии разговоров лучше не вести.

В редакции журнала было много евреев. Они играли весьма заметную роль в росте его популярности среди молодежи. Теперь просто невозможно поверить, что тираж журнала к 1981 году достиг одного миллиона экземпляров. Принадлежал он по ведомственной линии к республиканскому Комитету по профтехобразованию, так что, в каком-то смысле, находился на обочине основного идеологи-

ческого направления, и мы могли позволить себе то, что не было доступно крупным изданиям и даже республиканской молодежной прессе. Например, это могла быть популяризация бардов, раскрутка битломании, публикация статей по популяризации истории техники, музыки и современной эстрады, эссе на морально-этические темы. И это несмотря на то, что, по всем правилам, должны были бы только из номера в номер «талдычить» на одну и ту же тему, которая занимала добрую половину объема и шла под рубрикой «Зову в свою профессию».

Новый сотрудник по прозвищу Клоп сразу же почувствовал, что отношение к нему в редакции далеко от доброжелательного, и особенно на разговоры не шел, предпочитая все рабочее время проводить в кабинете главного редактора. А вскоре выяснилось, что «Клоп» до такой степени низкопробный антисемит, что говорить о каком бы то ни было контакте с ним совершенно бессмысленно.

Прошло немного времени, и по редакции стали гулять неизвестно где изданные антисемитские брошюры: «Еврейский вопрос» Достоевского, «Талмуд и евреи», книга Даля о ритуальных убийствах евреями христианских младенцев. Последняя книжка произвела на главного редактора Колю Латыша такое сильное впечатление, что он долго потом внушал Пастернаку как своему заместителю некие догмы о партийном подходе к подбору журналистских кадров. Было ли это его искренним мнением или только демонстрацией партийной линии поведения, сказать трудно, потому что одновременно он советовал Борису для личных разговоров выходить с друзьями на улицу, намекая на возможную прослушку. Значит, в душе у него был все же какой-то положительный заряд.

Боря сам по паспорту был русским, но его отчество Натанович немедленно выдавало его подлинное происхождение. Кстати, с великим поэтом Борю роднило не только то, что они почти полные тезки, но и то, что Боря писал весьма незаурядные стихи, и однажды их большая подборка была даже опубликована в журнале «Юность».

Клоп очень быстро стал вызывать чувство тошноты у всех сотрудников редакции, и лишь один Латыш позволял ему целыми днями просиживать у себя в кабинете. Боялся он его, что ли?

И похоже, что он читал всю ту бредятину, которую Клоп приносил с собой. А книжки эти уже гуляли по городу, и, видимо, не один Клоп имел к ним доступ.

В редакции Клоп объявлялся редко – во всяком случае, в те дни, когда я сам там появлялся, я его почти не встречал. Публикаций я его в журнале не видел, и вообще, чем он там занимался, мало кто, кроме главного редактора, знал. «Агентура» доносила о его участии в застольях, где журналистская братия смаковала еврейские анекдоты и бурно обсуждала «агрессивную политику Израиля» на

Ближнем Востоке. В редакции говорили о нем, называя не по имени, а как-то так, в третьем лице: «Говно на палочке» – популярное для тех лет «интеллигентное» ругательство. В целом же в неформальной истории белорусской молодежной прессы он остался под кличкой «Клоп».

3

Я вел в журнале сразу три рубрики, и только в одной из них – «Музыкальный магазин» – печатался под своей фамилией. Другая – «Творцы и мастеровые» – шла под псевдонимом «Яков Язиб», нагло заимствованного мной у Ильи Ильфа. А вот о моем авторстве третьей рубрики – «Наедине с совестью», – поднимающей морально-нравственные проблемы молодежной среды (в ней даже была опубликована невиданная для тех лет статья, посвященная половому воспитанию подростков), знали только самые близкие в редакции люди. Дело в том, что Коля Латыш строго следил за пропорциональным представительством авторов разных национальностей на страницах «Рабочей смены». И когда Боря попросил меня вести эту третью рубрику, я обратился к своему давнему другу, главному врачу тубдиспансера, ныне покойному Паше Зданевичу, разрешить использовать его паспортные данные, а заодно и фамилию.

Мой гонорар Паша получал почтовыми переводами, так что, кто именно печатался под его фамилией в журнале «Рабочая смена» в конце семидесятых, до сих пор так никто и не знает.

Зато Латыш был счастлив, что у него наконец появился приличный новый автор с нормальной фамилией. Результатом для меня было то, что переводы, которые получал за меня Паша, были в среднем в три-четыре раза больше, чем те, что я получал за свои обычные статьи.

К началу восьмидесятых у меня уже был собран материал на первую книгу, сложенную из статей рубрики «Творцы и мастеровые». Это был набор историко-биографических очерков по истории изобретательства, с античности до наших дней.

У Комитета по профтехобразованию своего издательства не было, и оно размещало нужные ему материалы в издательстве «Вышэйшая школа», но попасть в список книг, рекомендуемых к изданию, было делом невозможным. Курировал издательские дела в Комитете один выдающийся даже по тем временам антисемит. Фамилия его была Калиберов. Лет за двадцать до этого, он, будучи председателем райисполкома в Клецке Минской области, стал героем фельетона в «Советской Белоруссии». Вся республика смеялась, когда было описано, как ему прямо в кабинет из местного спиртзавода приносили продукцию этого завода в медицинских грелках. С работы его тогда сняли, а в дополнение ко всему он еще стал основным персонажем комедии драматурга Андрея Макаенка

«Выбачайце, калі ласка!» («Извините, пожалуйста!»), поставленной Белорусским театром им. Янки Купалы и показанной в 1956 году на фестивале белорусской культуры в Москве. Причем вывели его в пьесе под своей собственной фамилией – редчайший случай в мировой драматургии.

Мы обсудили проблему с Пастернаком и решили, что пока подавать рукопись в печать не станем. А то будет так, как с сотрудником редакции Эриком Шуром. Его книгу о развитии профтехобразования в Белоруссии за последние двадцать лет по указанию Калиберова послали на рецензию... в Казахстан. Там решили, что это шутка.

В общем, Пастернак был прав, и спустя несколько лет, а точнее, в 1984 году, когда материала в книге накопилось еще больше, она была издана, а затем и переиздана издательством «Вышэйшая школа». Калиберов к этому времени там уже не работал.

Книга же эта и поныне является одной из наиболее востребованных в школьной среде, а спустя год после выхода первого тиража даже получила почетный диплом Всесоюзного конкурса научно-популярной литературы.

Все шло тихо и мирно, пока в руках у Клопа не оказался мой очерк «Не долюбив, не досказав, не доделав», посвященный поэтам, погибшим во Вторую мировую войну. Название статьи было строчкой из стихотворения одного из этих поэтов. На мой взгляд, такое название четко выражало главную мысль всего материала. Происходило это в 1980 году. Шел очередной «юбилейный» год. На сей раз он был посвящен 35-й годовщине победы над Германией, и статья, по сути дела, была заказной. Правда, к этому времени вся мишура и бравадность этих всеводюбилеев сильно поблекла, однако память о войне не ослабевала. Уже был показан по телевидению 20-серийный фильм «Неизвестная война» с Бертом Ланкастером. На наших глазах уже получила Ленинскую премию в области литературы трилогия воспоминаний Брежнева, о которой говорили, что её правильное название лежит в словах известной песни «Все, что было не со мной, помню». Идеологический нажим на обывателей не ослабевал, и в народе гуляла всякие присказки по поводу того, как все это уже «остоюбилеело».

К материалу я, однако, отнесся очень серьезно и постарался сделать его не похожим на все то, что публиковалось в те дни на эту тему. В свое время я смотрел в московском Театре на Таганке пьесу «Павшие и живые». Это был некий публицистический, прекрасно обыгранный актерски литмонтаж, в котором я, к своему стыду, впервые узнал о трагической судьбе талантливых литераторов существовавшего в Москве до войны Института философии, литературы и искусства (ИФЛИ). Их бросили в горнило войны в качестве рядовых, хотя страна могла бы их использовать по призванию и извлечь от этого огромную пользу. Правда, я не знал, почему этот

спектакль долгое время не выпускали на сцену. Уже много лет спустя я прочел подробности в одном из интервью Юрия Любимова. Как он выразился, постановку запрещали по трем пунктам, из которых главным был «пятый». Возможно, знай я это, то и сам к своему материалу изначально подошел иначе.

Статью я сдал в срок и никаких осложнений не ожидал. Но, как мне потом отдельно рассказывал Пастернак, Латыш неожиданно пригласил его к себе и выказал свою озабоченность тем, что (буквально) «Басин допустил в своей статье нехороший перекокс в сторону преувеличения роли евреев в годы войны».

И примеры автор якобы подобрал соответственно: Павел Коган, Михаил Кульчицкий, Всеволод Багрицкий и даже одна поэтесса, и та – Лия Канторович. А на Финской войне почему-то именно еврей Арон Копштейн пытается вытащить по льду Финского залива из-под огня русского Николая Отраду, а потом вместе с ним погибает. Почему бы автору не построить сюжет на судьбе поэта Семена Гудзенко, от которого в статье осталась только одна цитата?

Судя по всему, Латыш, редактируя ставший к этому времени достаточно интеллектуальным журнал, просто плохо знал историю советской литературы. Иначе он не стал бы приписывать потомственному дворянину Михаилу Кульчицкому еврейское происхождение и сожалеть о том, что еврею Семену Гудзенко досталось так мало места в статье.

Впрочем, может быть, это было к лучшему, потому что именно цитата из стихотворения Семена Гудзенко была для открытой прессы тех лет весьма рискованной: «Бой был коротким, а потом // Глушили водку ледяную, // И выковыривал ножом // Из-под ногтей я кровь чужую».

Боря после уверял меня, что сам Коля Латыш наверняка первый раз в жизни вообще слышал эти имена, а уж про такого поэта, как Арон Копштейн, и говорить не приходится: это имя вообще впервые прозвучало в редакционных разговорах. Боря был убежден, что все это – дело Клопа, который наверняка связан с ГБ, а там народ сидит «дошлый».

Борька отбилась в тот раз достаточно удачно.

Он заявил Латышу, что безнравственно делить погибших по национальности. Он популярно объяснил ему также, что такова была обстановка в творческих вузах до войны, что большая часть студентов была евреями, потому что евреи были в то время наиболее образованной частью населения страны, еще совсем недавно борющейся с тотальной безграмотностью, и что вообще накануне юбилея национальный вопрос поднимать не стоит.

Тем более, что статья заканчивается стихами также погибшего ифлийца Николая Майорова, совсем не еврея.

Кстати, эти строчки Николая Майорова еще с того времени остались для меня неким символом гимна творческой личности, и я использую их иногда в своих статьях: «О, если б все с такою жаждой жили! // Чтоб на могилу им, взамен плиты, // Как память ими взятой высоты // Их инструмент рабочий положили // И лишь потом поставили цветы».

В Главлите журнал прошел без проблем, и вроде всё успокоилось. Но следующей моей статьей на эту тему был материал о поэтах и композиторах, чьи песни в годы войны пела вся страна. Материал должен был пойти в следующий же номер.

И вот тут Клоп вылез из подполья и заявил о себе в полный голос. На обсуждении материала в кабинете Латыша он прямо сказал, что такие статьи нынче не пишутся, что пора уже разобраться, кто какой вклад в историю страны внес, и так далее.

Боря попытался как-то локализовать процесс и свести его к простой констатации фактов. Он заставил меня добавить в статью еще какие-то материалы, усилить роль Богословского, Соловьева-Седого, Лебедева-Кумача.

Тем не менее, все равно Дунаевские, Матусовские, Фрадкины, Блантеры и Кацы выпирали.

Да еще и исполнители – Утесовы и Бернесы. Но Главлит почему-то и на сей раз смолчал.

Подлинный же скандал разразился через полтора года. И закончился он достаточно драматично – и для моих журналистских дел, и для самого журнала.

4

Однажды летом восемьдесят второго мне позвонил Пастернак и попросил написать заказную статью. Редакторов газет и журналов собрали где-то в Комитете по делам печати и предупредили, что близится 80-летие II съезда РСДРП, и принято решение достойно отметить это событие. Так как единственным человеком в журналистской среде, который вообще занимался историей российской социал-демократии, был я, Боря обратился ко мне.

Тогда еще не вышла монография моего огромного, рано ушедшего из жизни друга, доцента кафедры философии и логики БГУ Михаила Ивановича Иосько «К.Маркс, Ф.Энгельс и революционная Белоруссия» с двумя написанными мной главами. Еще шла изнурительная борьба за ее публикацию, но материал у меня тогда скопился уникальный, и Боря это прекрасно знал. Книга Иосько имела, с точки зрения Комитета по делам печати, два огромных недостатка: она была переполнена именами евреев, а так как завершалась книга Первым съездом РСДРП, Ленин упоминался в ней только как автор цитат из его работ.

Статью я написал быстренько, подробно описав политическую ситуацию в белорусском регионе в конце XIX – начале XX вв. Начал еще с Первого съезда. С того, как готовились белорусские социал-демократы к съезду, как минчанка Евгения Гурвич с минчанином Львом Заком сделали первый в России перевод «Капитала» на русский язык, как потом судили и сослали в Сибирь всех участников этого съезда во главе с киевлянином Натаном Эйдельманом, как работали нелегальные типографии в Минске, и в Бобруйске, и т.д.

Не обошел и деятельность других белорусских революционеров тех лет. Рассказал, к примеру, как местный аптекарь Григорий Гершуни создал партию «политического освобождения России» со своей нелегальной типографией, а потом и вовсе стал одним из основателей Боевой организации партии эсеров. В целом, это была статья о политической обстановке в Белоруссии накануне II съезда РСДРП. Единственное, чего я не учел, так это то, что в то время на территории Северо-Западного края России никаких других социал-демократических организаций, кроме Бунда, не было.

Статью я Пастернаку сдал и спокойно уехал с сыном отдыхать в Ялту. Правда, пытался несколько раз дозвониться до Минска, но мне этого не удавалось, и я успокоился. Поскольку всё касалось истории нашей великой Партии (тогда это слово писалось с большой буквы), я был убежден, что извращать эту великую историю никто себе не позволит, и все пройдет нормально. Но первые же слова, которые я услышал от Пастернака после возвращения, были: «Тебе там, в Ялте, не икалось?»

Оказывается, рукопись стала поводом для огромного скандала. Имел наш Клоп к нему отношение или нет, я не знаю, но рукопись статьи оказалась подлинным подарком Главлиту. По материалам этого инцидента была устроена целая конференция. Редакторов всех возможных изданий стали учить, как жить дальше. Оказывается, автор, то есть я, сотворил целую провокацию. Его статья, по сути, – это попытка воскрешения печальной памяти истории Бунда и героизация ее деятелей. А, кроме того, это откровенная сионистская вылазка, направленная на воскрешение националистических настроений в обществе, ну, и т.д. в духе эпохи. Статья, появившаяся по этому поводу в «Советской Белоруссии» была более осторожной и делала упор на необходимость усиления идеологической работы с учащейся молодежью. Журналу как популярному изданию и как некоему молодежному чтиву было отказано в праве иметь свое собственное лицо. Поэтому и сама статья в главном пропагандистском органе Партии называлась попроще: «Не те ориентиры».

А потом началась подлинная ликвидация журнала «Молодежная смена». В офисе стали появляться разные проверяющие. Перекос в национальном составе редакции был налицо. Латыш был уволен. На его месте оказался сравнительно молодой человек. Из коллек-

Мемуары

тива стали уходить люди. Какое-то время Боря Пастернак еще оставался в журнале, но потом и он ушел и уехал с семьей в Москву. Несколько моих статей он еще разместил, но подписи к ним подбирал из выходных данных находившихся под руками книг. Разумеется, все они были абсолютно «кошерными».

Из журнала очень быстро исчезли как раз те рубрики, которые, собственно, и привлекали читающую аудиторию, и не только, кстати, молодежную. Рейтинг журнала и интерес к нему стали стремительно падать, журнал перестали раскупать, подписываться на него учащиеся профтехучилищ не хотели даже под угрозой наказания, и кончилось все тем, что его пришлось перерегистрировать и сменить название. Теперь это уже был журнал «Парус». Всесоюзную подписку на него ликвидировали, но властей это уже не волновало. Как говаривал главный идеолог Партии Михаил Суслов, «на идеологии не экономят». В народе же говорят об этом проще: «Чем хуже – тем лучше».

Я же на несколько лет стал нежелательным автором в большинстве белорусских изданий. Правда, в это время наконец изменилась общая конъюнктура, и одна за другой начали выходить мои книги. Но это уже был 1987 год.

А в 1990 году я испытал одно из самых сильных потрясений в жизни.

Случилось это тогда, когда я узнал, что Клоп совершил алию.

ДОЛИНА КИДРОН

В библейские времена долина Кидрон являлась естественной границей древнего Иерусалима. В современном плане долина расположена между Старым городом Иерусалима на западе и Масличной горой на востоке, с севера поднимается к горе Скопус, с юга соседствует с долиной Гай бен Хинном. Когда-то в долине протекал бурный ручей Кидрон (название, возможно, от «кадрот»), сегодня сохранилось местами высохшее русло когда-то полноводной реки. В осеннее и зимнее время года Кидрон становится полноводным в южной части, в районе Мертвого моря.

Ручей Кидрон в наши дни берет начало в Иерусалимских горах севернее Старого города Иерусалима, далее протекает на юго-восток в Иудейскую пустыню и впадает в Мёртвое море южнее Кумрана. Общая протяженность Кидрона составляет около 34-х километров, перепад высот от Иерусалима до Мёртвого моря около 1200 метров.

Именно здесь, в Кидронской долине, тысячи лет тому назад произошла упоминаемая в Библии встреча праотца Авраама (тогда он еще был Аврамом) и царя древнего города Шалема Малкицедека.

Аврам возвращался к себе домой в Хеврон из района Дамаска после победоносной войны против объединенной армии четырех ханаанских царей. В районе Иерусалима навстречу Авраму вышел Малкицедек и благословил Аврама вином и хлебом. «И Малкицедек, царь Шалема, вынес хлеб и вино. А он был священник Бога Всевышнего. И благословил его и сказал: благославлен Аврам от Бога Всевышнего, Владыки небес и земли» (*Бытие 14:18-19*). Аврам дал Малкицедеку дар для Всевышнего – десятую часть того, что имел. После этого Малкицедек произнес: «И благословлен Бог Всевышний, который предал врагов твоих в руку твою, и дал ему десятую часть от всего» (*Бытие 14:20*).

Первое упоминание потока Кидрон относится к временам царя Давида. Тогда Давид, переживавший далеко не лучший период своей жизни, вынужден был бежать из Иерусалима в результате преследования от собственного сына Авшалома. «И плакала в голос вся страна, когда проходил весь народ; и царь перешел поток Кидрон, и весь народ прошел по дороге к пустыне» (2 *Царств 15:23*).

* Кадрот – мрачность, угрюмость (*ивр.*)

Согласно Библии, сын царя Давида Соломон запретил человеку по имени Семей переходить поток Кидрон (3 Царств 2:37). Семей послушался, за что и был казнен.

Упоминания в Библии «потока Кидрон» и «полей Кидрона» относятся преимущественно к периоду деятельности иудейских царей Асы и Иошиягу, которые активно уничтожали на берегах Кидрона языческих идолов. «И срубил Аса истукана, и сжег его, и бросил пепел в поток Кидрон» (1 Царств 15:13). «И повелел царь (Иошиягу) ... вынести из храмового зала Господня все вещи, сделанные для Баала, и для Ашейры, и для всего воинства небесного, и сжег их вне Иерусалима, в полях Кидрона... И вынес он Ашейру из дома Господня за Иерусалим, к потоку Кидрон, и сжег ее у потока Кидрон» (2 Царств 23:4-6).

Согласно толкованиям пророков, в Кидронской долине, в той ее части, которая носит название долина Иошафата, начнется воскресение из мертвых после прихода в Иерусалим Мессии. Пророк Иоиль говорил от имени Всевышнего: «И дам Я знамения на небе и на земле: кровь, и огонь, и столбы дыма. Солнце обернется тьмой, а луна – кровью, пред тем, как придет день Господень, великий и ужасный... И соберу Я все народы, и сведу их в долину Иошафата, и буду судиться там с ними за народ Мой и удел Мой – Израиль» (Иоиль 3:3, 4:2).

Само воскресение из мертвых в долине Иошафата, по словам пророка Иезекииля, должно происходить следующим образом: «Опустил меня (Господь) среди долины, и она – полна костей... И пророчествовал я, как повелено было мне. И раздался звук, когда пророчествовал я, и вот – шум: и сблизились кости – кость к кости ее. И видел я: вот на них жилы, и плоть поднялась, и покрыла их кожа сверху; но дыхания жизни нет в них... И пророчествовал я, как Он повелел мне, и вошло в них дыхание жизни, и они ожили, и встали на ноги свои – полчище великое, весьма, весьма» (Иезекииль 37:1-10).

Считается, что именно здесь прозвучит труба архангела и воскресшие мертвые предстанут перед Судом Всевышнего. Поскольку место воскресения из мертвых в Библии указано достаточно точно, значительная часть Кидронской долины и примыкающая к долине Масличная гора с давних времен использовались жителями Иерусалима как места захоронений.

В северной части Кидронской долины, недалеко от современного городского района Восточного Иерусалима Американская колония, находится древний склеп в скале, где, согласно народным преданиям, похоронен Шимон а-Цадик, один из последних членов высшего религиозно-законодательного органа Иудеи периода послевавилонского изгнания – Кнесет а-гдола (Великий Собор), 4 век до н.э.

Недалеко от могилы Шимона а-Цадика, к югу от Американской колонии, расположены так называемые «могилы царей», обнаруженные в 1863 году и ошибочно принятые за захоронения царей Иудеи.

Величественное строение высечено в скале, спуститься к захоронениям можно по ступеням девятиметровой ширины. Учеными установлено, что здесь похоронена царица государства Адиабена (северная Месопотамия) Елена, принявшая иудаизм в первом веке н.э., и члены ее семьи.

В центральной части Кидронской долины находится могила, которая, согласно народной традиции, принадлежит царю Иошафату. Здесь был найден древний текст Пятикнижия. Царствование Иошафата (870-848 гг. до н.э.) было благоприятным периодом в истории Иудеи. В это время значительно укрепилась оборона страны, на границах были построены крепости, и в них находились постоянные гарнизоны. Строились новые укрепления и города, страна все более усиливалась и возвеличивалась. Соседние народы (филистимляне, идумеи и другие) платили дань Иошафату. Иошафат воевал с моавитянами и аммонитянами, но большая часть правления царя пришлось на мирные годы спокойствия и благополучия.

Рядом с могилой Иошафата в Кидронской долине расположен памятник Авшалому (Яд Авшалом), вырубленный в скале монумент, который считается могилой, построенной для Авшалом, сына царя Давида.

«Авшалом же еще при жизни своей решил поставить себе памятник, который в долине царской, так как сказал он: нет у меня сына, чтобы напоминал об имени моем. И назвал он этот памятник именем своим. И называется он памятником Авшалом до сего дня» (2 Царств 18:18).

Учеными установлено, что фактически это памятник более позднего периода. При поисках памятника в 1925 году археологи учли народную традицию, когда проходившие мимо памятника люди бросали в него камень в знак осуждения сына, поднявшего руку на своего отца. За годы существования монумент оказался полностью погребенным под грудой камней...

Недалеко от могил Авшалом и Иошафата расположены могилы жреческой семьи Хезир и первосвященника Захарии, побитого камнями по повелению царя Иоаша.

«И Дух Божий облек Захария, сын Иоада, священника, и встал он на возвышении перед народом и сказал им: "Так говорит Бог – зачем вы преступаете повеления Господа? Не будет удачи вам. Как вы оставили Господа, так Он оставит вас". И сговорились против него, и побии его камнями по приказанию царя во дворе дома Господня» (2 Пар. 24:20-21).

Гробница Захарии представляет собой массивный монолит, увенчанный пирамидальной крышей. Пирамидальная крыша зрительно поддерживается расположенными по фасаду колоннами, несущими большой египетский карниз.

Семейство Хезир упоминается в Библии как одно из семейств служителей Храма: «И выпал жребий (служить в Храме) первый Иеоариву, второй Идае ... Хезиру – семнадцатый» (1Пар. 24-15).

Могильное захоронение семейства Хезир в Кидронской долине построено около первого века н.э. Гробница имеет несколько подземных погребальных камер и две колонны, поддерживающие карниз.

Много раз во время путешествий в районе Иерусалима Иисус пересекал Кидронскую долину. Так было, когда Иисус отправился из Иерусалима воскресить своего друга Лазаря в Вифанию. После воскрешения Иисус торжественно вернулся через Кидрон в Иерусалим. С Тайной вечери Иисус направился в Гефсиманский сад на берегу Кидрона, где и был пленен.

Однако в Новом Завете Кидрон упоминается только раз, когда Иисус уходит с учениками в Гефсиманию: «Иисус вышел с учениками своими за поток Кидрон, где был сад» (Иоанн 18:1).

Здесь, в Гефсиманском саду, Иисус провел свои последние земные часы на свободе, здесь же он был арестован римлянами по доносу предателя Иуды.

В 1924 году в Гефсиманском саду на фундаменте церкви византийского периода было построено одно из самых величественных сооружений в долине Кидрона – Базилика Мук Христовых (Гефсиманская церковь) по проекту итальянского архитектора Антонио Барлуцци. Строительство базилики финансировали двенадцать католических государств, поэтому у нее есть и другое название – Церковь Всех Наций. Позади здания сохранились остатки храма VI века, в самом храме уцелели фрагменты мозаичного пола византийского периода. До наших дней на территории церковного комплекса сохранилась часть сада библейских времён.

Церковь Успения Богоматери расположена недалеко от Гефсиманского сада, в долине Кидрон. Согласно преданию, на этом месте была похоронена мать Иисуса – Дева Мария. В христианской традиции считается, что в свое время здесь были похоронены не только Дева Мария, но и ее муж, плотник Иосиф, а также ее родители – Иоаким и Анна. Поэтому еще одно название храма – Церковь Погребения Святого Семейства.

В 326 году византийская царица Елена построила здесь базилику. Первая большая церковь на этом месте была построена в четвертом веке византийским императором Феодосием I.

В 614 году храм был разрушен персами, однако гробница Богоматери сохранилась. Нынешняя церковь в своей основе сохра-

нилась со времен крестоносцев. Сегодня храм принадлежит греко-православной и армянской церквям, имеются представительства русской, коптской и сирийской общин. Церковь Успения Богородицы имеет крестообразную форму.

Непосредственно к церкви Успения примыкает Гефсиманский грот. По преданию, в этом гроте молился Иисус в последние дни своей земной жизни. На полу пещеры сохранилось место, где, как утверждают, упали капли кровавого пота Иисуса и растопили камень. С XIV века грот принадлежит монахам-францисканцам, которые значительно реконструировали и отремонтировали его, превратив в оригинальную церковь. Ее центральный алтарь посвящен трагической молитве Иисуса. В гроте сохранились остатки церкви более древней постройки и бассейн для сбора воды, относящийся к византийскому периоду.

В долине Кидрон, недалеко от церкви Успения Богородицы и Гефсиманского сада, расположена греческая православная церковь святого Стефана. Церковь расположена на том месте, где, согласно преданию, был казнён человек по имени Стефан, первый христианин, принявший мученическую смерть за веру.

«Но они, закричав громким голосом, затыкали уши свои, и единодушно устремились на него, и, выведя за город, стали побивать его камнями. Свидетели же положили свои одежды у ног юноши, именем Савла, и побивали камнями Стефана, который молился и говорил: Господи Иисусе! Прими дух мой. И, преклонив колени, воскликнул громким голосом: Господи! Не вмени им греха сего. И, сказав сие, почил» (*Деяния Апостолов, 7*).

Современная церковь была построена в 1930 году на руинах византийской базилики. По преданию, под этой церковью находятся могилы первомученика Стефана, а также рабы Гамлиэля и его сына Авивуса.

В южной части долины Кидрон, недалеко от Вифлеема и Мертвого моря, расположены лавра Саввы Освященного и монастырь Феодосия Великого.

Лавра Саввы Освященного (монастырь Мар Саба) – это православный греческий мужской монастырь, который был основан предположительно в 484 году в долине Кидрон в Иудейской пустыне человеком по имени Савва. В восьмом веке в лавре монашествовал святой Иоанн Дамаскин, и сохранились пещера, где жил Иоанн, и его гробница.

В начале двенадцатого века лавру посетил русский путешественник монах Даниил, который составил описание обители:

«Лавра святого Саввы находится в долине Иосафата, в Юдоли плача, которая начинается от Иерусалима: идя от Гефсимании, эта долина проходит сквозь лавру и доходит до Содомского моря. Лавра же святого Саввы устроена Богом чудесно и непе-

редаваемо словами. Тек некогда поток страшный и очень глубокий и обезводел, берега у него были высокие, на тех обрывах и лепятся келии – прилеплены и утверждены от Бога каким-то чудесным и страшным образом.

На высоте ведь той стоят келии по обоим берегам потока того страшного и лепятся на скалах, будто звезды на небе утверждены. Церквей же три. Среди же келий тех западнее есть пещера чудесная под скалой каменной, а в той пещере церковь святой Богородицы». («Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли», XII век).

За все время существования лавры Саввы Освященного монашеская жизнь в ней не прекращалась. По традиции лавры, женщинам запрещен вход в монастырь. В свое время для своей матери Савва рядом с лаврой построил специальную башню, называемую «женской», которая используется и в настоящее время как гостиница для женщин, желающих жить рядом с лаврой. В монастыре нет и никогда не было электричества и других благ цивилизации.

Недалеко от монастыря Мар Саба находится православный греческий женский монастырь Феодосия Великого, основанный в 476 году около пещеры, где, согласно преданию, приходившие к младенцу Иисусу волхвы останавливались на обратном пути. «И получив во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем отошли (они) в страну свою» (*Матфей 2:12*).

Сохранились описания монастыря Феодосия Великого, сделанные русским монахом Даниилом. «А от Иерусалима до Феодосиева монастыря вёрст шесть. Тот монастырь на горе обнесен оградой и виден от Иерусалима. И там есть пещера большая посреди монастыря, в которой волхвы ночевали, когда избегали Ирода. И там ныне лежит святой Феодосий, и многие святые отцы там лежат; мать святого Саввы в той пещере лежит, и Феодосия мать тут лежит».

ТАКОВА СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ...

Что годы бегут – не страшно!
Чувства по-прежнему пылки:
И пилим друг друга страстно,
И дружно выносим опилки!

* * *

Я понимать жену умею,
И этим стоит дорожить!
Когда б она была умнее,
Сложнее было бы нам жить.

* * *

Сервизов дома – на банкет любой!
Я покупал и вёз их отовсюду.
Когда с женой дерёмся меж собой,
Ломаем мебель – бережем посуду!

* * *

Жена, я попросил у Музы
Сложить стишок про наши узы.
Тебе читать не буду, ладно?
Там мат один... но очень складно!

* * *

Рассвет. Жена устроит сцену –
За кайф плачу большую цену...
Очки припрятал, понимая,
Что сцена будет не немая...

* * *

Уклоняюсь от секса, но вместо:
Содержу в чистоте всю квартиру я,
Глажу, ставлю на пончики тесто –
Долг супружеский реструктурирую.

* * *

Встретиться с соседом мне случилось,
С тем, кого когда-то я обидел.
Счастьем у него лицо светилось,
Что меня он столько лет не видел...

* * *

Гостей встречая, веселясь,
Выкладывал зарплаты:
Лицом не ударял я в грязь! –
Лишь изредка в салаты...

* * *

Не настолько я прожжен,
Чтобы возжелать любую.
Но чужих красивых жен
К дуракам мужьям – ревную!

* * *

Мне вечно суждено грустить –
Обида душу сильно гложет:
Умеет всё жена простить,
Но всё забыть – не может!

* * *

Жена – чаёк, я выпил водки.
Глядим футбол, забыв про сон:
Я – на подкаты и обводки,
Супруга – на трусов фасон.

* * *

Жену жалею. Сядет на диету –
Смотреть на голод выше сил моих...
Немного приглушаю жалость эту,
Нажравшись до отвала – за двоих.

* * *

Дал совет мне психиатр:
«Всё бросай, руби концы.
Жизнь нормальная – театр,
У тебя же дома – цирк!»

* * *

Желудок мой тонко устроен:
Когда я не ем – он расстроен.

ПАТОЛОГОАНАТОМ

Работает без взяток и презентов,
Хотя и нет претензий от клиентов.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Лев Альтмарк родился в г. Брянске. Окончил Литинститут им. Горького. Публикации в журналах «Юность», «Нева», и др. Автор шести поэтических сборников и десяти книг прозы. Координатор Международной Гильдии писателей. Член МСПИ. С 1995 года живёт в Израиле.

Лея Алон (Гринберг), прозаик. Родилась в Белоруссии. Член СПИ и Союза журналистов Израиля. Автор ряда книг на русском языке и иврите, а также многочисленных публикаций в израильской и зарубежной прессе. В Израиле с 1979 года. Живёт в Иерусалиме.

Дмитрий Аркадин (Онгейберг), прозаик, поэт, драматург. Родился в Белоруссии. Автор шести книг. Публиковался в СМИ Израиля, России, Белоруссии, Америки, Германии. Лауреат Международного поэтического турнира в Дюссельдорфе. Дипломант Международного конкурса «Алмазный Дюк». Член СРПИ. Репатриировался в Израиль в 1990 году.

Яков Басин, историк, публицист. По образованию – врач. Автор одиннадцати книг, в том числе двух монографий. Также составитель и редактор четырнадцати сборников научных работ по современной истории. Член Международной федерации журналистов. В Израиле с 2010 года. Живёт в Иерусалиме.

Анатолий Белкин, поэт. Родился и живёт в Москве. Окончил МФТИ. Доктор юр. наук, профессор. Публикации в «ЛитГазете», «МК», журналах «Юность», «Крокодил», «Студ. Меридиан» и др. Автор и редактор-составитель 14 юмористических книг, в том числе 8 персональных. Лауреат Есенинской, Державинской и Бунинской медалей.

Валентина Бендерская родилась в г. Бердичеве. Окончила Житомирское муз.училище им. В.С.Косенка и Киевский Национальный университет культуры и искусств. Лауреат областной премии поэта Н. Шпака. Автор четырёх поэтических сборников. Стихи переведены на украинский, польский, немецкий языки. Член МСП Иерусалима. В Израиле с 1997 г.

Дина Березовская, поэт. Родилась в Крыму, в г. Симферополь. Закончила филфак Крымского гос.университета. Работала учителем русского языка и литературы. Автор книги стихов. Живёт в Беер-Шеве.

Белла Верникова, поэт, эссеист, художник, историк литературы. Родилась и жила в Одессе. Входит в редколлегию одесского альманаха иудаики «Мория». Автор девяти книг (стихи, эссе, графика, детская книжка), участник международных художественных выставок. В Израиле с 1992 г. Живёт в Иерусалиме.

Ирина Витковская (Левина), прозаик. Родилась в Тамбове. Там же окончила ТФ МГИК. Автор двух книги прозы. Лауреат Международной литературной премии им. Хемингуэя. Рассказы и повести публиковались в журналах «Этажи», «Литература», «Новый свет» и др. Живёт в Москве.

Галия, поэт. Родилась в селе Саратовской области. Автор книги мини-верлибров. Лауреат и призер Международных литературных конкурсов «Чемпионат Балтии по русской поэзии» 2016 и 2018 года. Публикации в журналах «Новая реальность», «Вещество», «Буквица». Живёт в Екатеринбурге.

Ефим Гаммер, прозаик, поэт, журналист, художник. Родился в Оренбурге, жил в Риге. Автор 25-ти книг стихов и прозы. Лауреат множества российских литературных премий, обладатель 13-ти медалей выставок во Франции, США, Австралии. Удостоен золотых медалей премий имени И. Бунина и С. Михалкова, золотой медали международной премии «Золотое перо Руси». В Израиле с 1978 года. Живёт в Иерусалиме.

Роман Гершзон, журналист. Родился в г. Станислав на Западной Украине. Автор шести книг. Лауреат международных литературных премий «Золотое перо Руси» (2006 г.), «Добрая лира» (2007 г.). В Израиле с 1990 года. Живёт в Иерусалиме.

Алиса Гринько (О. Любимова), прозаик. Родилась в Москве, закончила Московский авиационный институт. Автор четырнадцати книг. Член СРПИ и СП России. В Израиле с 1999 г. Живет в Иерусалиме.

Липа Грузман, прозаик. Родился в г. Горький. Член Международного Союза писателей Иерусалима и Союза журналистов России. Автор пяти томов хроникально-художественной прозы. В Израиле с 1998 года. Живёт в Иерусалиме.

Ханох Дашевский, поэт-переводчик. Родился в Риге. Участник подпольного сионистского движения. Был одним из руководителей литературно-художественного семинара «Рижские чтения по иудаике». Автор четырёх сборников поэтических переводов. В Израиле с 1988 года. Живёт в Иерусалиме.

Петра Калугина, поэт, филолог. Родилась в Норильске. Автор трёх стихотворных сборников. Публиковалась в журналах «Нева», «Знамя», «Новая Юность», «Октябрь» и др. Победитель конкурса поэзии «Кубок Мира 2016» и бронзовый призёр конкурса «Чемпионат Балтии по русской поэзии 2018». Живёт в Москве.

Александр М. Кобринский, философ, поэт, прозаик, публицист, переводчик. Родился в г. Запорожье. Автор 22-х книг. Редактор и составитель стихотворного сборника «Антология поэзии, Израиль-2005». В Израиле с 1987 года.

Леонид Колганов, поэт и прозаик. Родился в Москве. Автор семи книг стихов и прозы. Лауреат премии им. М.Ю. Лермонтова, удостоен медали «Русская Звезда» им. Ф.И. Тютчева за вклад в литературу. Почётный гражданин Кирьят-Гата. Член МСПИ. В Израиле с 1992 года.

Виктория Левина родилась в Читинской области. Окончила МГТУ им. Баумана. Автор двух романов и пяти поэтических сборников. Публиковалась в журналах Израиля, России, Германии, Болгарии и др. Кавалер медали «Российской литературной премии». С 1997 года живёт в Израиле.

Татьяна Литвинова, поэт. Родилась в г. Изюм Харьковской области. Окончила физфак Харьковского университета. Автор шести поэтических сборников. Член НСПУ. Множество публикаций в СМИ. Живёт в г. Северодонецк.

Ариэла Марина Меламед, поэт, прозаик, бард. Окончила муз. училище (Харьков), театральную школу (Иерусалим). Автор шести книг стихов и прозы. Лауреат премии «Олива Иерусалима» (проза), нескольких международных поэтических фестивалей (стихи). Публикации в СМИ многих стран. В Израиле с 1990 года. Живёт в Иерусалиме.

Евгений Минин, поэт, пародист, издатель. Родился в г. Невель. Окончил Политехнический институт им. Калинина в Ленинграде. Автор девяти поэтических сборников и книги прозы. Председатель Международного Союза писателей Иерусалима. Член российского ПЕН-центра. В Израиле с 1990 года. Живёт в Иерусалиме.

Эдуард Певзнер родился в г. Краматорске. Закончил институт. Служил в армии. Прошёл на заводе путь от мастера до начальника цеха. Живёт в Новосибирске.

Александр Перчиков, поэт. Родился в Самаре, окончил Куйбышевский авиационный институт. Автор трех поэтических сборников, а также многих публикаций в альманахах и сборниках России, США, Израиля. В Израиле с 1990 года. Живёт в районе Большого Иерусалима.

Дина Ратнер, доктор философии, прозаик. Родилась в г. Одессе. Член Союза писателей России и Израиля. Автор девяти книг. В Израиле с 1995 года. Живёт в Иерусалиме.

Евгений Ройзман, поэт, историк, исследователь. Родился и живёт в Свердловске. Окончил Уральский гос. университет. Автор нескольких научно-художественных альбомов, нескольких книг рассказов и стихов. Член СП России. Создатель первого в России частного музея иконы. Печатался в журналах «Аврора», «Юность», «Октябрь», «Урал» и др.

Владимир Саришвили, поэт, переводчик. Родился в Батуми. Окончил факультет русской филологии Тбилисского ГУ. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей Грузии, руководитель отдела по международным связям. Лауреат международных и национальных литературных конкурсов. Автор монографии «Проблемы художественного перевода» и пяти книг поэзии и драматургии.

Валентин Серебряков, поэт. Родился в Саратовской области. Закончил физический факультет Саратовского Госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского. Автор четырёх поэтических сборников и сценария-мюзикла. Живёт в Иерусалиме.

Леонид Склядnev, поэт, прозаик, родился в г. Бузулуке. Учился на экономическом факультете МГУ им. Ломоносова. Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Автор трёх книг. В Израиле с 1991 года. Живёт в г. Беер-Шева.

Борис Фабрикант, поэт. Родился и учился во Львове. Публикации в журналах и сборниках «Литературная Америка», «Эмигрантская Ли́ра» и других. Финалист конкурса Поэт года-2017. Победитель в номинации интернет-конкурса «Эмигрантская Ли́ра». Живёт в Англии

Владимир Френкель, поэт, эссеист. Родился в Горьком, жил в Риге. Публиковался на Западе, в СССР, а также в самиздате. Состоит в СП Израиля. Автор девяти сборников стихов. Лауреат премий СП Израиля (2008), им. Ури-Цви Гринберга (2002, 2004). Публикуется в Израиле, Латвии, России, США. В Израиле с 1987 г. Живёт в Иерусалиме.

Наталья Шишкарёва окончила Московский энергетический институт. Автор книги стихов «Маникюр». Стихи публиковались в журнале «Литературная учеба», сборниках «Форма огня», «Москва. Мегполис. Дом», альманахах «Литературные страницы» и «Русь моя». Живёт в Москве.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

<i>Владимир Френкель. Стихи</i>	<i>3</i>
<i>Евгений Минин. Стихи</i>	<i>7</i>
<i>Александр Перчиков. Стихи</i>	<i>11</i>

ПРОЗА

<i>Ариэла Марина Меламед. Сказание о местечке Хелом. 15</i>	
<i>Александр М. Кобринский. Опухоль</i>	<i>23</i>
<i>Ефим Гаммер. Мыслемыслие, или что сказал ангел. 31</i>	

ПОЭЗИЯ

<i>Леонид Колганов. Стихи.....</i>	<i>47</i>
<i>Леонид Скляднев. Стихи</i>	<i>51</i>
<i>Валентина Бендерская. Стихи</i>	<i>55</i>
<i>Валентин Серебряков. Стихи.....</i>	<i>57</i>

ПРОЗА

<i>Дина Березовская. Там, где тепло.....</i>	<i>61</i>
<i>Лев Альтмарк. Садись в поезд «А»</i>	<i>67</i>
<i>Виктория Левина. Вариации на тему Малера</i>	<i>73</i>
<i>Дина Ратнер. «То, что страшит, то воздаст...»..</i>	<i>81</i>
<i>Дмитрий Аркадин. Обыкновенный голод.....</i>	<i>89</i>
<i>Липа Грузман. Ждали, верили, надеялись.....</i>	<i>97</i>

ГОСТИ

<i>Анатолий Белкин. Стихи</i>	113
<i>Ирина Витковская. Про варенье</i>	117
<i>Галия. Стихи</i>	123
<i>Петра Калугина. Стихи</i>	127
<i>Татьяна Литвинова. Стихи</i>	131
<i>Евгений Ройзман. Стихи</i>	135
<i>Владимир Сарисвили. Стихи</i>	139
<i>Борис Фабрикант. Стихи</i>	143
<i>Наталия Шишкарёва. Стихи</i>	147

ЭССЕ

<i>Ханох Дашевский. А с мечом – ни один</i>	151
<i>Лея Алон (Гринберг). ...Время собирать камни</i>	159
<i>Алиса Гринько. Кануны</i>	167
<i>Белла Верникова. «Казус Бени Крика ...»</i>	173

МЕМУАРЫ

<i>Яков Басин. «На идеологии не экономят»</i>	181
---	-----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

<i>Роман Геризон. Долина Кидрон</i>	191
---	-----

ЮМОР

<i>Эдуард Певзнер. Юмор</i>	197
-----------------------------------	-----

<i>Коротко об авторах</i>	199
---------------------------------	-----